

ЛИЗА КЛЕЙПАС

Где начинаются
мечты

Р. 111

Это началось как банальная сделка между разбогатевшим дельцом и обедневшей аристократкой, способной ввести «выскочку» в высшее общество.

Однако Закери Бронсон был не только преуспевающим бизнесменом, но прежде всего молодым, полным сил и страстей мужчиной, для которого женская душа не являлась тайной. Он намерен не просто обвенчаться с леди Холли Тейлор, но и превратить ее, молоденькую вдову, не познавшую в первом браке супружеского счастья, в настоящую ЖЕНЩИНУ — пылкую и нежную, любящую и любимую...

Нужно было бежать.

Гул несмолкаемых разговоров, сияние канделябров, роняющих воск на танцующие пары, смесь запахов, предвещавших роскошный ужин, — все это подействовало на Холли Тейлор угнетающе. Она совершила ошибку, выбравшись на такой многолюдный прием вскоре после смерти Джорджа. Конечно, три года большинству не показались бы недолгим временем. Холли пробыла в глубоком трауре год и один день, осмеливаясь выйти из дома разве что на прогулку в сад в сопровождении своей маленькой дочки. Она носила платья из черного бомбазина и закрывала лицо вуалью, символизирующей разлуку с мужем, а стало быть, и всем мирским. Ела она почти всегда в одиночестве, завесила все зеркала в доме черным крепом и писала письма на бумаге с черной рамкой — словом, все окружающее ее носило печать горя.

Потом настал второй год. Она по-прежнему одевалась только в черное, но больше не носила вуаль. На третий же год после смерти Джорджа Холли позволила себе носить серый и лиловый цвета и появляться на небольших сборищах, где присутствуют только женщины, — таких, как чаепития с родственницами или близкими подругами.

Теперь, после трех лет затворничества, Холли выбралась из своего убежища, где она сполна могла предаться горю, в суетный мир, который показался ей совсем чужим. Правда, лица и декорации оставались в точности теми же, какие она помнила... только вот Джорджа с ней уже не было. Ей казалось, что она бросается в глаза своим одиночеством, ей было не по себе в новой роли — вдовы Тейлор. Так же, как остальные, она всегда смотрела на переживших потерю женщин с трепетом и неловкостью, боясь лишний раз прикоснуться к окутывавшему их облаку несчастья. Теперь она поняла, почему вдовы, посещающие приемы вроде нынешнего, выглядят столь отстраненно. Люди подходят к ним с выражением сочувствия, предлагают чашечку пунша, говорят пару утешительных слов и уходят, стараясь скрыть облегчение. Выполнив свой общественный долг, они снова могут со спокойной душой веселиться на балу. Раньше она сама вела себя точно так же.

Когда Холли собиралась сегодня на бал, ей как-то не пришло в голову, что она будет чувствовать себя среди веселящейся толпы столь одиноко. Мучительно было сознавать, что рядом с ней, там, где обычно находился Джордж, теперь зияет пустота. Неожиданно она почувствовала неловкость, словно ее появление здесь было бестактным и неуместным. Она являлась лишь частью того, что было когда-то единым целым, и ее присутствие служило об этом лишним напоминанием.

Она стала пробираться вдоль, стены к двери в гостиную. Кружащие голову мелодии, которые играл оркестр, не развеяли мрачных дум, как на то надеялись ее подруги... ей представлялось, что музыка насмехается над ней.

Когда-то Холли танцевала с таким же удовольствием, как и другие молодые женщины, ей тогда казалось, что она летит по воздуху в объятиях Джорджа. Они были созданы друг для друга, и все это отмечали, восхищенно улыбаясь. Они с Джорджем были соразмерны во всем,

даже ее миниатюрность соответствовала отнюдь не гигантскому росту мужа. Но Джордж был удивительно хорошо сложен и так красив!.. Золотисто-каштановые волосы, живые синие глаза и ослепительная улыбка, почти не покидавшая его лица. Он любил смеяться, танцевать, любил легкую оживленную беседу... Без него не обходился никакой обед, прием или бал.

Ах, Джордж! Глаза ее заволокло слезами. Как счастлива была она с ним! Как счастливы были они вместе. И как же ей теперь без него?

Из лучших побуждений подруги уговорили ее прийти сюда, надеясь, что это избавит от наваждения, освободит от удушающих объятий тоски. Но она еще не готова... пока нет... а быть может, и никогда не будет готова.

Она огляделась, отыскивая взглядом родственников Джорджа. Его старший брат Уильям, лорд Тейлор, как раз вел свою жену в гостиную. Внешне они были весьма подходящей парой, но их нежность напоказ не имела ничего общего с истинной любовью, которую она познала с Джорджем. Похоже, все Тейлоры — родители Джорджа, братья и их жены — вполне оправились после его смерти. Они посещали балы, смеялись, шутили и чревоугодничали, позволяя себе забыть о том, что столь любимого ими человека больше нет на этом свете. Холли не винила их за это. Честно говоря, она им завидовала. Как было бы замечательно сбросить невидимую мантию горя, укутывающую ее с головы до ног. Если бы не ее дочь Роза, она не знала бы, для чего жить.

— Холланд, — послышался шепот.

Обернувшись, она увидела младшего брата Джорджа, Томаса. Томас был так же привлекателен, синеглаз и золотоволос, как все мужчины семьи Тейлоров, но ему не хватало озорных искорок во взгляде лучистых глаз и обаятельнейшей теплой улыбки, которые делали Джорджа таким неотразимым. Он был для Холли опорой с того самого дня, как Джордж умер от брюшного тифа.

— Томас! — воскликнула Холли, с усилием растягивая в улыбке губы. — Как вам нравится бал?

— Не особенно, — ответил он, и в лазурной глубине его глаз мелькнуло сочувствие. — Но полагаю, мне все же здесь комфортнее, чем вам, дорогая. Лицо у вас такое напряженное, будто у вас вот-вот разыграется мигрень.

— Да, это так, — призналась Холли, внезапно ощутив ноющую тяжесть в висках и затылке, неизменно означающую, что вскоре голова у нее разболится всерьез. До смерти Джорджа у нее никогда не бывало мигреней, но вот после его похорон... Жестокая боль приходила неожиданно и часто укладывала ее в постель на два, а то и три дня.

— Отвезти вас домой? — спросил Томас. — Я уверен, что Олинда не будет возражать.

— Нет, — быстро ответила Холли, — вы должны остаться здесь, с женой, Томас. Я в состоянии добраться до дома без сопровождения. Честно говоря, так будет лучше.

— Ладно. — Он улыбнулся, сделавшись на мгновение так похожим на Джорджа, что сердце у нее мучительно сжалось. — Тогда позвольте, я хотя бы велю вызвать ваш экипаж.

— Благодарю, — с признательностью сказала она. — Мне подождать в вестибюле?

Томас покачал головой:

— Боюсь, у входа такое скопление карет, что пройдет довольно долгое время, прежде чем экипаж проберется к дверям. Насколько я помню, здесь есть симпатичная маленькая гостиная, соседствующая с оранжереей. Вы обнаружите ее за вестибюлем, если пройдете дальше по коридору, справа от витой лестницы.

— Томас, — прошептала Холли, легко коснувшись его рукава и с трудом улыбнувшись, — что бы я делала без вас?

— Этого мы не узнаем, — серьезно отвечал он. — Для жены Джорджа я сделаю все, что смогу. И остальные в нашей семье думают так же. Мы будем заботиться о вас и о Розе. Всегда.

Казалось, эти слова должны были бы ее успокоить. Но Холли угнетало ощущение, что она превратилась в обузу для родственников Джорджа. Ежегодный доход, который она начала получать после смерти мужа, был невелик, прожить на него не представлялось возможным, и ей пришлось продать изящный особняк с белыми колоннами, в котором они жили. Благодаря щедрости Томаса они с дочерью обрели жилье — две комнаты в его фамильном особняке. Обычно в подобных ситуациях родственники оставляли вдов на произвол судьбы либо вынуждали их снова выйти замуж. Тейлоры же обращались с ней чрезвычайно бережно.

Холли слепо пробиралась вдоль стены и внезапно ощутила, что ее плечо наткнулось на твердый край резной дверной рамы. Она метнулась в открытую дверь и оказалась в просторном вестибюле. Дом этот принадлежал лорду Бельмонту, графу Варвику, и предназначался для больших приемов, во время которых устраивались политические заговоры, замыслились браки и рушились человеческие судьбы. У леди Бельмонт была вполне заслуженная репутация опытной хозяйки дома, собирающей у себя цвет аристократии, политиков и известных людей из мира искусства. Тейлоры симпатизировали леди Бельмонт, доверяли ей и потому сочли, что Холли будет лучше снова появиться в обществе именно в ее доме.

Вестибюль с обеих сторон обрамляли витые лестницы. Расположенные на первом этаже помещения переходили в гостиные и парадные залы, выходящие в наружные оранжереи либо в маленькие садики. Всякий искавший возможность для личного разговора или любовного свидания мог без труда найти уединенное местечко.

По мере удаления от переполненного зала Холли становилось все легче дышать. Темно-синий подол ее шелкового вечернего платья шуршал и тяжело бился о ноги. К подолу были пристеганы куски шелка и крепа, что придавало юбке новомодную пышность и так не походило на легкие, летящие силуэты платьев, которые были в моде при жизни Джорджа.

Дверь в гостиную была приоткрыта, свет там не горел. Однако ясное ледяное сияние луны освещало комнату настолько, что Холли все видела и без свечи. В углу стояли пара гнутых французских кресел и стол, рядом расположились разные музыкальные инструменты на подставках красного дерева. Бархатные портьеры с фестонами и бахромой обрамляли окна. Толстый ковер с узором из цветочных медальонов заглушал шаги.

Проскользнув в полутемные покои, Холли закрыла дверь и с облегчением вздохнула.

— Слава Богу, — прошептала она, наконец-то оставшись одна. Холли настолько привыкла к уединению, что среди людей ей было не по себе. Когда-то она была человеком светским, любящим развлечения, всегда умевшим владеть ситуацией... но это только благодаря Джорджу. Она была его женой, и это придавало ей уверенности. Теперь все стало иным.

Она прошла в глубь комнаты, почувствовала холодное дуновение и вздрогнула. Несмотря на скромный вырез-лодочку, шея ее оставалась открытой. Пытаясь отыскать источник сквозняка, Холли выяснила, что в оранжерее, примыкающей к гостиной, распахнуто французское окно. Она подошла к нему, чтобы закрыть, но помедлила, положив

руку на холодную медную ручку. Что за странное неприятное чувство тревожит ее? Устремив взгляд на замерзшее оконное стекло, она ощутила, как сердце бьется все чаще и чаще, и в конце концов этот стук целиком заполнил ее.

Ей казалось, что она стоит на самом краю вздымающегося ввысь утеса, а внизу лишь бесконечное воздушное пространство. Холли неудержимо захотелось броситься назад, в уютную гостиную, или, может быть, даже в жаркую суету зала. Вместо этого она крепко стиснула дверную ручку. Ночь манила ее из дома, прочь от всего безопасного и знакомого.

Холли попыталась усмехнуться. Она шагнула вперед, чтобы вдохнуть бодрящего воздуха. Внезапно перед ней появилась огромная темная тень... Холли похолодела. Может быть, это Томас пришел сообщить, что карета подана? Нет, этот человек был слишком высок, слишком широкоплеч.

Не успела она произнести и слова, как незнакомец протянул руки и схватил ее. Слабо вскрикнув, Холли невольно шагнула вперед и оказалась рядом с незнакомцем, в его объятиях. Сила его была так велика, что Холли ощутила себя беспомощной, точно котенок.

— Пойдите... — в замешательстве прошептала она.

Ей показалось, что рядом с ней создание не из плоти, а из стали. Ее ладони ощущали гладкую ткань его фрака. Ноздри наполнял запах накрахмаленного полотна, табака, бренди — совершенно мужская смесь, отчасти напомнившая ей аромат, присущий Джорджу. Столько времени прошло с тех пор, как ее так обнимали! За три года она ни разу не обращалась за утешением к какому-либо мужчине, боясь лишиться хрупкого и светлого облака воспоминаний, ставших для нее жизнью.

Но сейчас от нее ничего не зависело. В то время как она бессвязно протестовала и пыталась вырваться, он наклонил голову и зашептал ей на ухо.

Звук его голоса подействовал на нее просто ошеломляюще... то был низкий мурлыкающий рокот — глас Гадеса, умыкающего сопротивляющуюся Прозерпину в свое подземное царство.

— Миледи, вы не очень-то спешили прийти сюда. Он принимает ее за кого-то другого, поняла Холли. Она помешала чьему-то любовному свиданию.

— Но я... я не...

Он заставил ее замолчать, накрыв ее губы своими. Она вздрогнула в изумлении, ужасе, она пришла в ярость: он отобрал у нее последний поцелуй Джорджа!.. Но и это сгорело в пламени внезапного жгучего ощущения. Губы у него были такими горячими, требовательными, что заставили ее рот раскрыться. Она отвернулась, пытаясь уклониться, но он настиг ее. Стук ее сердца превратился в оглушительный грохот, и она всхлипнула от инстинктивного страха.

По-видимому, этот человек все же понял, что ошибся. Она почувствовала, как он удивленно замер, затаив дыхание. Теперь он ее отпустит, мелькнула смутная мысль. Мгновение он колебался, потом хватка его ослабла, а большая ладонь скользнула по ее спине и обхватила затылок.

Холли была замужем и считала себя достаточно опытной женщиной. Но этот незнакомец поцеловал ее так, как никто никогда не целовал раньше: проник в нее, пробовал ее на вкус, его большие, горячие губы слегка пахли бренди... и было в нем еще что-то такое... что так сильно влекло ее. В конце концов она расслабилась, ощущая рядом с собой его крепкое тело, принимая нежное насилие его языка и даже отвечая легкими прикосновениями. Быть может, роль сыграла внезапность их встречи, или темнота вокруг,

или то, что они совершенно не знали друг друга... но на какое-то лихорадочное мгновение она превратилась в его объятиях в другого человека. Вынужденная так или иначе прикоснуться к нему, она обвила его шею и почувствовала, какой у него крепкий затылок и густые волосы, слегка завивающиеся под кончиками ее пальцев. Из-за его огромного роста ей пришлось стать на цыпочки. Скользя ладонью по его щеке, она ощутила пробивающуюся щетину.

Ее прикосновение, судя по всему, не прошло незамеченным. Его дыхание обдавало жаром, сердце неистово билось. Холли страстно хотелось прижаться к незнакомцу, в полной мере ощутить, что рядом с ней — мужчина... Вдруг она опомнилась.

Ужаснувшись, она отпрянула, и человек этот тут же отпустил ее. Она попятилась. В конце концов она остановилась возле статуи, у самой каменной стены; дальше отступать было некуда. Он шел следом, не делая больше попыток прикоснуться к ней, и остановился так близко, что она ощутила жар, исходивший от его тела.

— О-о, — прошептала она, обхватив себя руками, словно пыталась удержать ощущение, все еще пронизывающее ее.

Было слишком темно, чтобы рассмотреть лицо. Слабый лунный свет обрисовывал лишь его силуэт. Вечерний костюм выдавал гостя, но сложен он был не как изнеженный денди. У него были твердые, как железо, мускулы человека, работающего изо дня в день. Да и плечи слишком широки. Аристократы, как правило, не обладают такой мускулатурой. Они выглядят иначе, чем те, кто должен зарабатывать на жизнь физическим трудом.

Он заговорил, и Холли ощутила разочарование. Грубоватый тембр его голоса, произношение и манера, которым явно не хватало изысканности, объяснили Холли, что он принадлежит к низшему классу. Но как мог такой человек попасть на бал?

— Вы не та, которую я поджидал. — Он замолчал, а потом добавил не без удовлетворения:

— Мне очень жаль.

Холли постаралась ответить холодно, хотя голос ее предательски дрожал:

— Ничего страшного. Вы просто ошиблись. Я уверена, что это могло случиться с каждым в подобной темноте.

Похоже, такой ответ удивил его. Очевидно, незнакомец ожидал истерики. Он тихо рассмеялся.

— Ладно. Может, я не так сожалею об этом, как мне показалось.

Увидев, что он медленно поднял руку, Холли решила, что он снова хочет обнять ее.

— Не прикасайтесь ко мне, — сказала она, откидываясь назад так, что ее плечи прижались к стене. Но он уперся рукой в стену над ее головой и нагнулся.

— Не следует ли нам представиться друг другу? — спросил мужчина.

— Разумеется, нет.

— По крайней мере скажите мне... вы заняты?

— Занята? — тупо повторила Холли.

— Замужем, — пояснил он. — Помолвлены. Или как-то иначе связаны с кем-то.

— А, я... да. Да, это так. — Пусть она вдова, но она так же верна памяти Джорджа, как когда-то ему самому. Вспомнив о муже, Холли подивилась обороту, который приняла ее жизнь, — любимого больше нет, а она стоит вот здесь, в темноте с незнакомцем, который практически набросился на нее.

— Простите меня, — сказал он, стараясь говорить как можно мягче. — Я назначил

здесь встречу кое с кем... но леди, очевидно, оказалась не в состоянии выполнить свое обещание. Когда вы вошли, я принял вас за нее.

— Мне... мне хотелось побыть где-нибудь одной, пока не подадут мою карету.

— Уходите с бала так рано? Я вас понимаю. Чертовски скучный способ проводить время.

— Ну, вовсе не обязательно, — пробормотала она, вспомнив, как когда-то смеялась, танцевала и кокетничала с Джорджем — до самого утра. — Все зависит от того, с кем ты. С подходящим партнером вечер вроде сегодняшнего может оказаться... сказочным.

Очевидно, в голосе ее послышалась грусть. Реакция незнакомца была неожиданной. Холли почувствовала, как горячие кончики его пальцев скользнули по ее плечу, шее, пока он не нашел ее лица и не накрыл ее щеку ладонью. Ей следовало бы рвануться прочь от этих прикосновений, но как приятно было ощущать эту теплую надежную руку!

— Вы самая славная из всех, к кому я когда-либо прикасался, — донесся из темноты его голос. — Скажите, кто вы. Как вас зовут?

Холли глубоко вздохнула и оттолкнулась от стены, но... снова попала прямо в его объятия.

— Мне нужно идти, — с трудом проговорила она. — Карета ждет меня.

— Погодите. Побудьте еще со мной. — Он обхватил ее талию, и по телу ее пробежала невольная дрожь. — Вы напугались? — спросил он.

— Н-нет. — Нужно было протестовать, постараться высвободиться, но что-то удерживало ее. Более того: ей так хотелось положить голову на его широкую грудь! Она нервно рассмеялась. — Это безумие! Вы должны меня отпустить.

— Вы можете идти, если хотите.

Но она все не двигалась. Они стояли, соединенные сознанием своей нежданной близости, а из бального зала, словно из другого измерения, доносились чарующие звуки музыки.

Жаркое дыхание незнакомца щекотало ей ухо.

— Поцелуйте меня еще раз.

— Как вы смеете предполагать...

— Никто не узнает.

— Вы не поняли, — прошептала она неуверенно, — это не в моих правилах... Я обычно не веду себя так.

— Мы не знаем друг друга, — прошептал он в ответ. — Мы никогда больше не окажемся вместе. Нет, не отодвигайтесь. Покажите мне, каким сказочным может быть вечер. — Губы коснулись ее мочки, неожиданно нежно и волнующе.

Опыт Холли оказался бессилен. Она никогда не могла понять, почему женщины ведут себя в подобных случаях безрассудно, зачем идут на риск и нарушают обеты ради мимолетного физического удовольствия... но теперь она поняла. Сейчас ей хотелось только одного — утонуть в его объятиях. Легко быть добродетельной, будучи огражденной от всяческих искушений. Наконец она осознала, сколь слаб ее характер. Она попыталась вызвать в памяти образ Джорджа, но увы — не сумела вспомнить его лицо. Существовали только звездная ночь, блеск луны, слепивший глаза, и притягивающая магнитом мощь незнакомца мужчины.

Тяжело дыша, она повернула голову. Повернула чуть-чуть, но этого движения оказалось достаточно, чтобы их губы встретились. Господи, как он целовался! Она потянулась к нему,

привстав на цыпочки. Он помог ей устоять, обхватив широкой ладонью спину. Прошло столько времени с тех пор, как она испытывала что-либо подобное!

Поцелуи стали глубже, чувственнее, требовательнее, и Холли отвечала на них, но в какой-то момент глаза у нее защипало, и они стали влажными. Она почувствовала, как по щекам скатились несколько слезинок и побежали по ее дрожащему подбородку.

Его ласковые пальцы скользнули по ее мокрой щеке. Он медленно оторвался от ее сладостных губ.

— Ах, — прошептал он, нежно целуя следы ее слез, — милая леди... скажите мне, отчего поцелуй заставляет вас плакать?

— Я прошу прощения, — ответила она, задыхаясь, — пустите меня. Мне ни в коем случае не следовало...

Она высвободилась, радуясь, что он не сделал попытки пойти за ней, когда она бросилась в гостиную. Нет никаких сомнений — воспоминания об этой встрече до конца жизни будут вызывать у нее ощущение стыда и сладостную дрожь.

* * *

Леди Бельмонт, хорошенькая, живая женщина сорока пяти лет, посмеиваясь, позволила сильной мужской руке увлечь ее к окну гостиной. Она привыкла к тому, что все знакомые мужчины относятся к ней с величайшим почтением, все, кроме ее нынешнего спутника, который, кажется, одинаково обращается и с графинями, и с горничными. Этот высокий обаятельный самец обходится с ней так фамильярно, словно не сознает, какая общественная пропасть их разделяет, и это забавляло леди Бельмонт. Несмотря на неодобрение мужа и приятелей — а может быть, именно из-за него, — она уже решила, что они станут друзьями. В конце концов, женщине не следует во всем быть разумной.

— Ну хорошо, — вздохнула леди Бельмонт, — покажите же, кто сумел возбудить у вас такой интерес.

Они внимательно смотрели в окно — на вереницу экипажей и толпу суетящихся лакеев. Миниатюрная женщина с помощью лакея села в карету, когда золотистый свет фонаря упал ей на лицо.

Леди Бельмонт услышала, как ее спутник судорожно вздохнул.

— Вон там, — сказал он, — в темно-синем платье. Скажите, кто это?

Несомненно, он указывал на Холланд Тейлор, женщину, хорошо известную леди Бельмонт. Как-то так получилось, что горе утраты, обычно лишаящее живости и красок женские черты, только усилило привлекательность Холли. Ее стан, некогда склонный к полноте, теперь стал стройным. Строгость ее прически — блестящие каштановые локоны, собранные на макушке, — только подчеркивала прелесть лица: маленький прямой нос, пухлые, спелые губы, ясные карие глаза цвета шотландского виски. С тех пор как умер муж, лучезарная искрометность ее манер сменилась светлой грустью. Казалось, что она постоянно погружена в некое прекрасное печальное сновидение. И кто бы смог упрекнуть ее за это после всего, что она пережила?

Мужчины роились вокруг привлекательной молодой вдовы, точно пчелы вблизи благоухающего цветка. Леди Бельмонт наблюдала в этот вечер за ее поведением и задавалась вопросом: намеревается ли та снова выйти замуж? Но Холланд неизменно отказывалась

танцевать и отталкивала холодностью тех, кто пытался привлечь ее внимание. Очевидно, вдова не стремилась вновь связать себя брачными узами — по крайней мере в обозримом будущем.

— Ах, мой дорогой друг, — промолвила леди Бельмонт. — На сей раз вы показали безупречный вкус. Но эта леди не для вас.

— Она замужем. — В его словах слышалось скорее утверждение, чем вопрос.

— Нет, леди Холланд вдова.

Он попытался скрыть свой интерес, вызванный этим сообщением, но леди Бельмонт не так-то легко было провести.

— Я никогда не встречал ее раньше.

— Ничего удивительного, мой дорогой. Муж леди Холланд покинул сей мир три года назад, как раз перед тем как вы показались в свете. Сегодня она впервые появилась в обществе после того, как сняла траур.

Карета леди Холланд уже отъехала от особняка и катилась по улице, а мужчина все не спускал с нее взгляда. Он напомнил леди Бельмонт кошку, уставившуюся на птицу за окном. Она вздохнула в знак дружеского сочувствия, поскольку уже научилась разбираться в его честолюбивом характере. Он всегда будет гнаться за тем, что не сможет принадлежать ему из-за его происхождения.

— Джордж Тейлор был истинным джентльменом, — заметила леди Бельмонт, пытаясь объяснить ситуацию. — Умный, привлекательный, принадлежащий к одной из самых аристократических семей... Он был сыном покойного виконта Тейлора.

— Тейлор, — как эхо повторил он ничего не говорящее ему имя.

— Джордж обладал феноменальной красотой и обаянием. Все женщины, когда-либо встречавшие его, не оставались равнодушными... но он обожал свою жену и не Делал из этого тайны. Брак у них был идеальный, я больше такого не встречала. Один из Тейлоров поведал мне, что Холли никогда больше не выйдет замуж, поскольку трудно представить отношения, подобные тем, что связывали ее с Джорджем, а меньшим она не удовлетворится.

— Холли, — тихо повторил он.

— Это уменьшительное имя, так ее называют родственники и очень близкие друзья. — Леди Бельмонт слегка нахмурилась, встревоженная его явным интересом. — Дорогой, уверяю вас, сегодня здесь присутствует множество очаровательных и доступных дам. Позвольте мне представить вас некоторым из них, они будут в восторге, если удостоятся вашего внимания...

— Расскажите мне все, что знаете о леди Холланд, — почти потребовал он, внимательно глядя на нее.

Леди Бельмонт состроила гримаску и вздохнула:

— Хорошо. Приходите завтра к чаю, и мы поговорим...

— Сейчас.

— В разгар бала, в моем собственном доме? Всему есть время и место... — Оборвав себя, она рассмеялась: ее без всяких церемоний уже тащили к ближайшему диванчику. — Дорогой, ваши мужские качества несомненны, но нельзя же быть таким деспотичным...

— Рассказывайте все, — повторил он и вдруг усмехнулся так обаятельно, что ее сердце дрогнуло. — Пожалуйста.

И внезапно леди Бельмонт поняла, что ничто не доставит ей такого удовольствия, как возможность забросить свои светские обязанности и провести остаток вечера, рассказывая

этому человеку все, что ему хочется узнать.

* * *

Холли перешагнула порог фамильного особняка Тейлоров, чувствуя себя кроликом, спасающимся в своей норке. Хотя у Тейлоров не хватало средств поддерживать особняк в должном виде, Холли любила каждый уголок этого изящного, ветшающего дома. Поблекшие гобелены и потертые обюссоновские ковры наполняли ее душу покоем. Когда она спала под этим кровом, ее не покидало ощущение, будто она отдыхала в объятиях доброго дедушки.

В этом особняке — с фронтонами, колоннами и рядами маленьких аккуратных окошек по фасаду — Джордж жил в детстве. Нетрудно было вообразить шумного мальчугана, носящегося вниз-вверх по главной лестнице, играющего на близлежащих лужайках, расположенных на пологих склонах, спящего в той же детской, где теперь спит их дочь Роза.

Холли была рада, что городской дом, в котором они с Джорджем жили во время их короткого брака, был продан. В нем соседствовали самые счастливые и самые мучительные для нее воспоминания. Она предпочла поселиться здесь, где перед ее мысленным взором возникали яркие картинки детства Джорджа. Здесь висели его детские рисунки, стояли сундуки с игрушками и лежали покрытые пылью книги. Его семья... мать, братья и их жены, не говоря уже о слугах, которые прислуживали ему, когда он был еще ребенком, — от всех она видела только добро и любовь. Вся привязанность, некогда изливавшаяся на Джорджа, который был любимцем в семье, теперь доставалась ей и Розе. Она хорошо представляла себе, как может провести здесь всю жизнь. В мире, который создали для нее Тейлоры, вполне можно было просуществовать до самой смерти.

Но бывали странные мгновения, когда Холли становилось тесно в ее чудесном уединении. Случалось, она сидела за рукоделием и вдруг погружалась в странные, необузданные фантазии, возникавшие помимо ее воли. Бывали также мгновения, когда она чувствовала непреодолимые смутные желания... Ей хотелось сделать что-то скандальное — закричать в церкви, отправиться куда-нибудь в вызывающем красном платье и танцевать... или поцеловаться с незнакомым человеком.

— Боже мой! — громко произнесла Холли. Несомненно, в ней есть нечто порочное, нечто такое, что необходимо держать в узде и хранить за семью замками. То была чисто физическая потребность женщины в мужчине, проблема, возникавшая перед каждой вдовой, которую больше никто не навещал в супружеской постели. Холли волновали ласки Джорджа, и она всегда с удовольствием предвкушала ночи, когда он должен был прийти к ней и пробыть до утра. Три последних года она страдала от отсутствия тепла, которое ощущала после его смерти. Она никому не признавалась в этом, поскольку прекрасно знала мнение общества. Считалось, что такие вещи вообще не существуют. Женщины должны быть постоянным примером мужчинам и использовать свою добродетель для обуздания похотливых мужей. Они должны подчиняться им, но ни в коем случае не вызывать мужской страсти и, разумеется, никогда не подавать вида, что сами испытывают физическое желание.

— Миледи! Как прошел бал? Хорошо повеселились? Потанцевали? Там был кто-нибудь из тех, кого вы знали раньше?

— Прекрасно, да, нет, многие, — ответила Холли, заставив себя улыбнуться своей горничной Мод, встретившей ее.

Мод была единственной горничной, которую Холли смогла оставить при себе после смерти Джорджа. Остальные либо смешались с прислугой Тейлоров, либо были уволены, получив хорошие рекомендации и такое денежное вознаграждение, какое было по карману Холли. Мод была привлекательной тридцатилетней женщиной. Она обладала неиссякаемой энергией и никогда не падала духом. Даже волосы у нее были буйные, с белокурыми завитками, то и дело выбивающимися из прически. Изо дня в день она усердно трудилась, в основном исполняя обязанности няни при Розе, но иногда превращаясь в горничную Холли.

— Как Роза? — спросила Холли, направляясь к камину, где горел огонь, и протягивая руки к его гостеприимному теплу. — Она быстро уснула?

Мод невесело усмехнулась:

— Какое там! Она все щебетала, ну точно птичка, про бал, и какая вы хорошенькая в этом синем платье. — Горничная взяла у Холли ротонду. — Хотя, если желаете знать, ваши новые платья все равно похожи на траурные — одно темнее другого. Вот если бы вы сшили себе желтое платье щи, еще лучше, такого красивого светло-зеленого цвета, как носят сейчас все знатные дамы...

— Три года я одевалась только в черное и серое, — прервала ее Холли, ожидавшая, пока горничная расстегнет пуговицы на спине ее темно-синего платья. — Не могу же я внезапно разодеться во все цвета радуги! К таким вещам нужно привыкать постепенно.

— Вы все еще в трауре по нашему бедному хозяину, миледи. — Платье с облегающим лифом скользнуло с плеч Холли. — И вы не даете забыть об этом свету, а главное, тем господам, которым придет в голову приударить за вами.

Щеки Холли мгновенно зарделись, что никак не было связано с жаром, исходившим от камина. Хорошо, что Мод стояла позади и не заметила этого внезапного румянца. Холли смущенно подумала, что был по крайней мере один мужчина, которого она совершенно не старалась держать на расстоянии. Напротив, она просто-напросто вынудила этого повесу поцеловать ее во второй раз. Воспоминание об этом было живо до сих пор. Из-за таинственного незнакомца обыкновенный вечер превратился в нечто темное, сладостное и странное. Он действовал крайне дерзко, и в то же время он был таким... нежным. С момента своего панического бегства она непрестанно задавалась вопросом, кто он такой и как выглядит. Возможно, она снова встретится с ним и никогда не догадается, что именно он целовал ее.

Но она узнает его по голоду! Закрыв глаза, она вспомнила низкие бархатные интонации, обволакивавшие ее подобно пелене тумана. «Милая леди... скажите, почему поцелуй заставляет вас плакать?» Она покачнулась. Озабоченный голос Мод вернул ее к реальности:

— Вы, верно, устали, миледи. Это ведь ваш первый выход в свет с тех пор, как не стало хозяина... Поэтому вы вернулись так рано?

— Я ушла оттуда потому, что у меня началась мигрень, и... — Холли смущенно замолчала и рассеянно потеряла виски. — Как странно, — пробормотала она, — все прошло. Обычно если мигрень начинается, то долго не проходит.

— Я принесу лекарство, что дал вам доктор. Вдруг у вас опять начнется приступ?

Холли покачала головой и перешагнула через платье, свернувшееся кольцом у ее ног.

— Нет, спасибо, — сказала она, все еще недоумевая. Кажется, случай в оранжерее уничтожил даже намек на головную боль. «Какое странное средство от мигрени! Вряд ли сегодня ночью у меня будут проблемы».

С помощью Мод она облачилась в белую батистовую ночную сорочку и отороченную

кружевом накидку. Сунув ноги в домашние туфли, Холли пожелала горничной спокойной ночи и направилась к узкой лесенке, ведущей в детскую. Свеча в ее руке осветила узкую прямоугольную комнату.

В одном углу стояло детское креслице, обитое розовым бархатом и украшенное шелковой бахромой, рядом расположился маленький чайный столик с кукольным чайным сервизом. Нижние полки книжного шкафа занимала коллекция аккуратно расставленных пузырьков из-под духов, наполненных окрашенной водой. По меньшей мере полдюжины кукол были разбросаны по всей детской. Одна сидела в кресле, другая уцепилась за облупившуюся лошадку-качалку, некогда принадлежавшую Джорджу. Еще одну куклу сжимала в объятиях спящая Роза.

Подойдя к кровати, Холли улыбнулась, охваченная нежностью к дочери. Личико у Розы было невинным и спокойным. Темные ресницы малышки бросали тень на пухлые щеки, ротик был слегка приоткрыт. Став на колени у кровати, Холли коснулась детской ручки, которую покрывали пятна неотмытой синей и зеленой краски. Роза любила рисовать и частенько перемазывалась во все цвета радуги. Ей было четыре года, но ручки все еще сохраняли младенческую пухлость.

— Драгоценная моя, — прошептала Холли и запечатлела поцелуй на тыльной стороне ладонки. Она поднялась, не сводя глаз с дочки. Когда малышка родилась, всем, в том числе и самой Холли, казалось, что она похожа на Тейлоров. Однако со временем стало ясно, что Роза — просто копия ее самой. Маленькая, темноволосая и кареглазая. Зато нравом она пошла в Джорджа, такая же очаровательная и разумная.

«Если бы он только мог ее видеть теперь», — с тоской подумала Холли.

В первый год после рождения дочери — и последний в жизни Джорджа — они с Холли часто смотрели на свою спящую девочку. Большинство отцов не стали бы так открыто проявлять своего чувства к ребенку, считая, что это не пристало мужчинам. Дети — это часть женского мира, а мужчине следует только время от времени осведомляться об их успехах или пару минут покачать дитя на колене. Но Джордж не скрывал своего восхищения дочкой, он был просто очарован ею и без устали возился и играл с малышкой, чем, в свою очередь, приводил в восхищение Холли.

— Этот ребенок связал нас навеки, — сказал как-то вечером Джордж, когда они с Холли стояли над своей дочкой, спящей в отделанной кружевами колыбели. — Она родилась от нас обоих... это так естественно, так просто, когда двое заводят ребенка... но это за пределами моего понимания.

Холли, тронутая словами мужа, поцеловала его; она любила его еще и за то, что он смотрел на Розу как на чудо.

— Какой отец был бы у тебя, Роза! — прошептала она. А теперь ее дочери суждено вырасти, не узнав отцовской заботы и защиты... Джорджа ей не заменит никто и никогда.

Закери Бронсону срочно требовалась жена. Он даже знал, какая именно. Сдержанная, с спокойным голосом, умеющая вести хозяйство и позаботиться обо всех мелочах в жизни мужчины. При такой хозяйке слуги в доме начинают работать как хорошо отлаженный часовой механизм... совсем не так, как у него дома. Иногда его прислуга неплохо управлялась со своими обязанностями, но зачастую она превращала его жизнь в фарс. Трапезы частенько запаздывали, скатерти, серебро и мебель никогда не бывали безупречными, как в других богатых домах, а еда оказывалась либо излишне обильной, либо вообще несъедобной.

Закери несколько раз нанимал экономок, пока не понял, что даже наилучшим из них все-таки требуется получать распоряжения сверху, от хозяйки дома. И видит Бог — его матушка не имела ни малейшего понятия, как отдавать приказания слугам, разве что могла робко попросить горничную принеси чашку чаю или помочь одеться.

— Это же слуги, мамаша, — терпеливо повторял ей Закери по меньшей мере сотню раз. — Они ждут, что вы прикажете им что-то сделать. Они хотят, чтобы вы им приказали. Иначе у них не будет работы. Перестаньте же смотреть с таким извиняющимся видом, когда вам что-нибудь нужно, и тяните за шнурок звонка — это будет вполне по-хозяйски.

Но матушка его только смеялась и возражала, что терпеть не может беспокоить кого бы то ни было, даже если человеку за это платят. Нет, его родительница никогда не приучится к новому укладу — она слишком долго жила скромно и теперь уже вряд ли постигнет науку управления слугами.

Да, его слуги, как и его деньги, были новыми. Урожденные аристократы получали опытную челядь по наследству, и лакеи, и горничные эти жили и работали вместе не один год, даже не одно десятилетие. Закери же пришлось нанять всех разом. Некоторые из них были новичками в своем деле, но большую часть уволили с прежних мест по разным причинам. Другими словами, Закери являлся теперь хозяином самого крупного, в западной части Лондона скопления пьяниц, незамужних матерей, лентяев и мелких воришек.

Друзья утверждали, что хорошая жена может разом решить все проблемы ведения хозяйства, предоставив ему свободно заниматься тем, что ему удастся лучше всего, — делать деньги. Впервые в жизни Закери нашел мысль о браке разумной и даже привлекательной. Оставалось немного — найти подходящую женщину и убедить ее выйти за него замуж. Но если учесть все требования, которые он предъявлял к кандидатке, дело могло растянуться на годы.

Во-первых, она должна быть благородных кровей, так как благодаря браку он намеревался получить доступ в высший свет. Далее, она должна была компенсировать отсутствие у него самого воспитания и образования, обладая родословной, восходящей прямо к Вильгельму Завоевателю. При этом она не должна относиться к нему снисходительно — ему не нужна жена, смотрящая на него сверху вниз. Она также должна обладать независимым характером, чтобы понимать необходимость его частых отлучек. Он человек занятой, и ему совершенно ни к чему, чтобы кто-то цеплялся за него и пытался предъявлять права на жалкие крохи остающегося свободного времени.

Красота его не интересовала. Честно говоря, он даже не хотел обладать красавицей, на которую другие мужчины будут глазеть, распускать слюни и вечно пытаться ее соблазнить.

Его вполне устроит умеренная привлекательность. Хорошее физическое здоровье и ум обязательны, поскольку он хочет, чтобы она рожала ему крепких, легко овладевающих науками детей. Положение в свете также важно, так как с ее помощью он должен проникнуть в общество, которое, очевидно, не очень-то хочет его принять.

Закери прекрасно понимал, что многие аристократы смеются над ним из-за его происхождения, произношения, манер и наспех сколоченного состояния. Они считали, что ум у него буржуазный и меркантильный и он никогда не постигнет, что такое стиль, элегантность и хорошее воспитание. Что ж, они были правы. Он знал свои возможности. Зато он испытывал мрачное удовлетворение оттого, что никто не смел смеяться над ним открыто. Он был силой, с которой нельзя не считаться. Он внедрялся в банки, деловые предприятия, недвижимость, инвестиционные фонды... Словом, был связан финансовыми отношениями — в большей или меньшей степени — с каждым состоятельным человеком Англии.

Знать не желала, чтобы он завладел кем-либо из ее драгоценных дочерей. Для аристократа брак означает заключение союза между двумя могущественными кланами, смешение голубых кровей. Недопустима связь дворняжки и животного, обладающего прекрасной родословной. Только вот в данном случае у дворняжки достаточно денег, чтобы купить все, что ей вздумается, даже высокородную жену.

И он договорился о встрече с леди Холланд Тейлор. Если его приглашение заинтересует ее, она придет к нему на чай. Закери уже подсчитал, что потребуется один день, чтобы его загадочная незнакомка обдумала эту мысль, еще день, чтобы друзья и родственники отговорили ее, и третий — чтобы любопытство взяло над всем этим верх. К его удовольствию, она приняла приглашение. Сегодня он ее увидит.

Он подошел к окну своей библиотеки — просторной комнаты, расположенной в северо-западном крыле его готического особняка. Дом был выстроен в стиле, который его архитектор называл «орнаментальным», — термин, который, как понял Закери, означает претенциозность и дороговизну. Но в свете им восхищались или по крайней мере говорили о нем, так что дом выполнял свои функции — давал понять, что он, Закери, человек влиятельный и с ним нужно считаться. Сооружение сие походило на огромный свадебный торт, украшенный шпилями, башнями, арками, оранжереями и французскими дверями. Здание, в котором было двадцать спален, вольготно расположилось на огромном куске земли к западу от Лондона. Искусственные озера и деревья с пышными кронами украшали пейзаж, сады и парки изобиловали затейливыми беседками и прогулочными аллеями, как извилистыми, так и прямыми, чтобы гость мог выбрать то, что ему по вкусу.

Интересно, что подумает о его поместье леди Холли, придет в ужас или восторг? Наверное, у нее хороший вкус, как и у большинства дам ее положения, и здесь Закери не мог с ними состязаться. Он предпочитал вещи, откровенно демонстрирующие его богатство и успех, тут уж ничего не поделаешь.

В вестибюле пробили высокие напольные часы, заставив его вспомнить о времени, и он вновь взглянул в окно — на длинную подъездную аллею перед домом.

— Леди Холли, — тихо проговорил он, — я жду вас.

Несмотря на возражения, высказанные всеми Тейлорами, Холли решила принять неожиданное приглашение мистера Закери Бронсона. Она не смогла устоять. После бала у Бельмонтов жизнь пошла своим чередом, но размеренность существования в доме Тейлоров почему-то перестала устраивать ее. Холли надоело рукоделие, писание писем и все то, чем она занималась последние три года. После тех украденных поцелуев в оранжерее ее не покидало смутное беспокойство. Ей хотелось, чтобы что-нибудь произошло, хотелось изменить свое наперед известное течение дней.

А потом пришло письмо от мистера Закери Бронсона, начинавшееся предложением, которое сразу же очаровало ее:

«Хотя я не имел чести быть вам представленным, я нашел, что нуждаюсь в вашей помощи касательно моего домашнего хозяйства...»

Как может такой известный человек, как мистер Бронсон, нуждаться в ее помощи?

Все Тейлоры сочли ее решение в корне неверным. Они указывали, что многие леди, равные ей по положению в обществе, не снизошли до того, чтобы познакомиться с ним. Даже безобидное чаепитие в его обществе может вызвать скандал.

— Скандал? Из-за простого пятичасового чаепития? — скептически откликнулась Холли, и старший брат Джорджа, Уильям, принялся объяснять ей:

— Мистер Бронсон — необычный человек, дорогая. Он нувориш — у него вульгарное воспитание и манеры. О нем ходят такие слухи, которые шокировали даже меня, а, как вам известно, я человек достаточно терпимый.

Из вашего общения с ним не может выйти ничего хорошего. Прошу вас, Холли, не навлекайте на свою голову неприятностей. Немедленно пошлите Бронсону отказ.

Убежденная словами Уильяма, Холли уже почти было решила отклонить приглашение мистера Бронсона, но любопытство возобладало. Не может же она оставаться в своей вечной тишине и покое, так и не узнав, зачем один из могущественнейших людей Англии добивается встречи с ней... Нет, она должна выяснить причину.

— Я уверена, что сумею устоять перед его разлагающим влиянием по крайней мере час или два, — весело сказала она. — А если его поведение покажется мне неприемлемым, я просто уйду.

Синие глаза Уильяма — тот же цвет и разрез, что были у ее мужа, — вспыхнули неодобрительно.

— Джордж наверняка не пожелал бы, чтобы вы встречались с этим бесчестным человеком.

Заявление Уильяма подействовало на нее сокрушительно. Холли опустила голову, глаза ее предательски повлажнели. Она поклялась прожить всю оставшуюся жизнь так, как того хотел ее муж. Джордж защищал ее от всего, что считал опасным, и она полностью полагалась на его суждения.

— Но Джорджа больше нет, — прошептала она, глядя на строгое лицо Уильяма глазами, полными слез. — Мне нужно научиться теперь как-то ориентироваться самой.

— А если ваше мнение окажется ошибочным? — возразил он. — Память о брате обязывает меня вмешаться.

Холли слабо улыбнулась, подумав, что с самого ее рождения всегда находился кто-то, кто защищал и направлял ее. Сначала любящие родители, потом Джордж... а теперь его семья.

— Позвольте мне, Уильям, совершить несколько ошибок, — произнесла она. — Я

должна научиться принимать решения — ради Розы и себя самой.

— Холли... — В голосе его послышался гнев. — Что может вам дать посещение такого человека, как Закери Бронсон?

Предвкушение шевельнулось в ней, и она поняла, что ей во что бы то ни стало нужно хотя бы на время покинуть безопасный кров Тейлоров.

— Надеюсь, что скоро я это выясню, — решительно заявила она.

Сведения, которые удалось наскрести Тейлорам о мистере Бронсоне, явно не принесли им облегчения, как и неожиданная экстравагантность Холли, согласившейся встретиться с ним. Друзья и знакомые весьма охотно поделились немногими знаниями, которыми обладали, об этом таинственном новичке в лондонском обществе. Частенько Закери Бронсона называли принцем торговцев и тем констатировали факт. Он был возмутительно, непостижимо богат, и вульгарность его была так же велика, как и богатство.

Эксцентричный, заинтересованный не в деньгах, но во власти, которую они дают, Бронсон разорил многих конкурентов, проявляя коварство и безжалостность. Он вел дела не как джентльмен, считающийся со всеми неписаными ограничениями и соглашениями. Если кто-то не оговаривал в точности каждую деталь, Бронсон, по слухам, безжалостно пользовался своими преимуществами. Джентльмены заключали с ним деловые сделки неохотно и все же были вынуждены это делать в надежде, что и на их долю достанется немного его чудовищного везения.

Кто-то утверждал, что Бронсон начинал как участник уличных кулачных боев. В конце концов его наняли на пароход, — через какое-то время он стал капитаном, а затем качал приобретать все больше и больше пароходных линий. Его жесткость и смекалка либо разоряли его конкурентов, либо вынуждали их к слиянию.

Бронсон потерпел крах, когда начал продавать публике акции по вздутым ценам. Тогда он занялся недвижимостью. Поскольку в Англии почти невозможно купить землю, он приобрел тысячи акров в Америке и Индии. Площадь его ферм превосходила совокупность владений английской аристократии, а огромное количество продукции, которое он производил и ввозил в страну, снова увеличило его богатство. Теперь он вкладывал деньги в развитие железной дороги в Дьюрхеме, по которой движимые силой пара создания человеческой мысли могли бы тащить вагоны с грузом со скоростью двенадцать миль в час. Хотя все понимали, что сила пара никогда не сможет заменить лошадей, эти опыты нашли пылких последователей.

— Бронсон опасен, — заметил лорд Эвери, старинный друг Тейлоров, приглашенный на ужин. Эвери был членом совета в нескольких банках и страховых компаниях. — Каждый день я вижу, как богатство Англии переходит от знатных семей и истинных фермеров к выскочкам вроде Бронсона. Если принимать его на равных только потому, что он разжился деньгами... это будет означать конец высшего общества в том виде, как мы его знаем.

— Но разве труд не должен вознаграждаться? — нерешительно заметила Холли, зная, что респектабельная дама не должна вмешиваться в политические или финансовые споры. — Разве нам не следовало бы признать достижения мистера Бронсона, приняв его в свое общество?

— Он не подходит нам, дорогая, — отвечал Эвери. — Знатность — это продукт жизни многочисленных поколений, определенным образом воспитанных, образованных и утонченных. Нельзя купить место в высшем обществе, а именно этого и добивается мистер Бронсон. У него нет чести, нет хорошей родословной, и, насколько мне известно, он получил

самое минимальное образование. Я бы сравнил его с дрессированной обезьяной, выучившей всего один арифметический трюк и проделывавшей его до тех пор, пока каким-либо образом маленькие суммы не превратятся в огромные.

Тейлоры и остальные гости согласно кивнули.

— Понятно, — пробормотала Холли и занялась едой, отметив про себя, что в голосе лорда Эвери звучала некоторая зависть. Мистер Бронсон, возможно, и овладел всею лишь одним трюком — но зато каким! Любой хорошо воспитанный человек за этим столом с радостью перенял бы способности мистера Бронсона, который, точно Мидас, обращает в золото все, к чему ни прикоснется. Все разговоры о нем не достигли своей цели — запугать и отвратить ее. Они лишь еще больше разожгли ее любопытство.

Холли никогда в жизни не видывала ничего похожего на лондонское поместье Закери Бронсона, богатство которого могло бы вызвать зависть даже у Медичи. Вестибюль, вымощенный красным королевским мрамором, уставленный сверкающими золочеными колоннами, увешанный бесценными гобеленами, занимал два этажа. Тяжелые хрустальные люстры свисали с потолка, освещая ошеломляющее количество римских статуй. Огромные малахитовые вазы, в которых росли пальмы и роскошные папоротники, стояли по бокам каждой из четырех ведущих из вестибюля дверей.

На удивление молодой дворецкий повел Холли к библиотечным апартаментам.

— Апартаментам? — в замешательстве повторила Холли, а дворецкий объяснил, что принадлежащее мистеру Бронсону собрание книг, рукописей, древних фолиантов и карт слишком велико, чтобы храниться в одном помещении. Холли с трудом подавила желание непрерывно вертеть головой. Обе стены коридора были покрыты синим шелком, который усеяли сотни блестящих стеклянных бабочек. По бокам двери, ведущей в библиотеку, висели два рисунка — то был Рембрандт, — каждый из них был дороже самого великолепного из произведений, которыми владели Тейлоры.

Будучи воспитанной в убеждении, что простота окружения сопутствует отдыху и покою, Холли подумала, что здешняя обстановка вряд ли для этого пригодна. Но несмотря на дурной вкус, все тут было так эффектно в своих излишествах, что она не смогла удержаться от улыбки. Вспомнив, что Бронсон начал свою карьеру с кулачных боев, она почувствовала восхищение, граничащее с благоговейным ужасом. Подумать только, как многого может добиться человек!

Дворецкий провел ее в комнату, свет в которую струился с затейливого потолка, застекленного хрусталем. Стены были обиты зеленым бархатом и украшены множеством картин, висящих в три яруса и казавшихся портретами почтенных предков. Бесконечные ряды книжных полок со стеклянными дверцами были заполнены толстыми томами. Как соблазнительно, должно быть, взять один из этих томов, опуститься в такое вот роскошное, удобное кожаное кресло и откинуться на такую вот плюшевую подушку. Проходя мимо блестящего коричневого глобуса, имевшего в диаметре, наверное, не меньше шести футов, Холли остановилась и осторожно потрогала его.

— Я никогда не видела таких библиотек, — произнесла она.

На лице дворецкого, как ни старался он выглядеть равнодушным, все же отразилась гордость.

— Это только библиотечный холл, миледи. Главные помещения еще впереди.

Холли вошла следом за ним в следующую комнату — и остановилась на пороге в изумлении. Ей показалось, что она во дворце. Помещение было слишком великолепным, чтобы принадлежать обычной семье.

— Сколько же здесь книг? — спросила Холли.

— Почти двадцать тысяч томов, полагаю.

— Должно быть, мистер Бронсон любит читать.

— Да нет, миледи, хозяин почти ничего не читает. Но очень любит книги.

Подавив улыбку, Холли прошла дальше. Главная комната библиотечных апартаментов была в три этажа высотой, потолок ее украшали затейливые фрески, изображающие ангелов

и прочие райские картины. Блестящий паркетный пол издавал свежий запах пчелиного воска, смешивающийся с запахом кожаных переплетов и пергаментной бумаги, эту композицию приправлял едва уловимый аромат табака. В камине резного зеленого мрамора, куда без труда поместилась бы карета, бушевало пламя. В дальнем конце комнаты стоял такой массивный письменный стол красного дерева, что для перемещения его потребовалось бы, пожалуй, не менее дюжины человек. Когда дворецкий возвестил о прибытии леди Тейлор, человек, сидевший за этим столом, встал.

Хотя Холли, знакомясь со знатью и далее с членами королевской семьи, никогда не теряла хладнокровия, сейчас она немного волновалась. Возможно, причиной тому была репутация мистера Бронсона или великолепие окружающей обстановки. Она немного задохнулась, когда он подошел к ней. Хорошо, что она надела свое лучшее дневное платье — из итальянского шелка кофейного цвета, с высоким воротом, отороченным кружевом цвета ванили, с пышными рукавами, собранными у локтей.

Как он молод, удивилась Холли. Она ожидала увидеть человека сорока — пятидесяти лет. Закери же Бронсон выглядел лет на тридцать. Несмотря на свой элегантный костюм — черный фрак и темно-серые брюки, — он напоминал кота. Он был высокий, ширококостный, и ему явно не хватало аристократического лоска, к которому привыкла Холли. Гриву густых черных волос, свободно падающую на лоб, следовало бы зачесать назад и на помадить, узел галстука был слишком свободным, словно его только что теребили. Бронсон был хорош собой, хотя черты его лица казались резкими, а нос, судя по всему, был сломан. Еще она отметила выдающий силу подбородок, крупный рот и мимические морщинки в уголках глаз, позволяющие надеяться на живое чувство юмора. Встретившись с ним взглядом, Холли ощутила странный укол узнавания. Глаза у него были такими темными и проницательными, что Холли стало не по себе. Наверное, такие глаза должны быть у дьявола — смелые, понимающие...

— Добро пожаловать, леди Холланд. Я не надеялся, что вы придете.

При звуках его голоса Холли замерла. Комната завертелась вокруг нее, и она все силы тратила на то, чтобы сохранить равновесие. Она узнала этот голос. Она узнала бы его и через десять лет. Это был тот самый незнакомец, человек, который разговаривал с ней так нежно и целовал ее так страстно, оставив неизгладимый след в ее памяти. Горячий румянец стыда залил ее щеки. Казалось, что он никогда не сможет снова поднять глаз. Но он молчал, и ей пришлось начать первой.

— Меня почти отговорили, — произнесла она. Ах, если бы она только послушалась родственников и осталась за надежными стенами тейлоровского особняка!

— Могу ли я спросить, почему вы решили согласиться? — Голос его был так вежлив, так мягок, что Холли удивленно посмотрела на него. В темных глазах не было ни намека на насмешку, и это ее успокоило.

Он ее не узнал, решила она с облегчением. Он не знает, что она — та самая женщина, которую он целовал на балу у Бельмонтов. Облизнув сухие губы, она попыталась взять себя в руки.

— Я... на самом деле не знаю. Наверное, любопытство.

Это вызвало у него усмешку.

— Что ж, причина ничем не хуже любой другой.

Он взял ее руку в свои. Его длинные пальцы легли на ее пальчики. Жар его ладони проник сквозь тонкую ткань перчатки. У Холли чуть не закружилась голова от внезапно

нахлынувших воспоминаний: какой жар ощутила она в тот вечер на балу у Бельмонтов, как настойчивы были его губы, когда он целовал ее...

Смутившись, она отняла руку.

— Не присесть ли нам? — И Бронсон жестом указал на два кресла в стиле Людовика XIV, стоящих возле чайного стола с мраморной столешницей.

— Да, благодарю вас. — Холли обрадовалась возможности дать отдых своим дрожащим ногам.

Бронсон занял кресло напротив и наклонился вперед.

— Чаю, Ходжес, — приказал он дворецкому, потом снова устремил взгляд на Холли и обезоруживающе улыбнулся:

— Надеюсь, вам повезет, миледи. Закусывать в моем доме — все равно что играть в рулетку.

— В рулетку? — Холли нахмурилась, услышав незнакомое выражение.

— Это такая игра, — объяснил он. — В хороший день моя кухарка неподражаема. А в плохой... о ее бисквит запросто можно сломать зуб.

Холли с облегчением рассмеялась. Ее волнение отчасти улеглось: надо же, Бронсон жалуется на прислугу так же, как это делают обычные люди.

— Конечно, при надлежащем руководстве... — начала она, но внезапно остановилась. Стоит ли давать советы, о которых тебя не просят?

— В моем хозяйстве, миледи, руководить некому. У нас полная анархия, но эту тему я хочу обсудить с вами позже.

Не для этого ли он пригласил ее к себе? Чтобы узнать ее соображения о том, как вести домашнее хозяйство? Разумеется, нет. Он наверняка подозревает, что она — та самая женщина, с которой он нежданно столкнулся на балу у Бельмонтов. Быть может, он играет с ней? Задаст ей сейчас несколько хитроумных вопросов, и она попадется в ловушку.

Если так, то лучшей защитой будет самой начать разговор и все объяснить. Она просто скажет, что в тот вечер он застал ее врасплох и она повела себя совершенно не присущим ей образом.

— Мистер Бронсон, — с трудом произнесла она. — Я должна кое-что с-сказать вам.

— Да? — Он внимательно посмотрел на нее своими черными глазами.

Вдруг Холли показалось нереальным, что она целовала этого огромного мужчину, обнимала, гладила его бритую щеку... За те несколько тайных мгновений, пока продолжалась их встреча, она узнала такую близость, какой не ощущала ни с одним мужчиной, за исключением Джорджа.

— В-вы... — Сердце молотом стучало в груди. Проклиная себя за трусость, Холли отказалась от попытки исповедаться. — У вас очень красивый дом.

Он улыбнулся.

— Я думал, что он не в вашем вкусе.

— Вы правы. Но он замечательно исполняет свое предназначение.

— То есть?

— Ну как же, он триумфально объявляет всем о вашем взлете.

— Это верно. — Он бросил на нее заинтересованный взгляд. — На днях один надутый барон назвал меня карьеристом. До этой минуты я не понимал, что это значит.

— Да. — Холли мягко улыбнулась. — Вы взяли с места в карьер.

— То был не комплимент, — сухо заметил он.

Холли подумала, что представители знати, с которыми он встречается, наверное, частенько ставят его на место, и почувствовала к нему симпатию. Разве Бронсон виноват в своем происхождении? Но английская аристократия полагает, что каждый должен держаться своего класса. Люди из низших слоев ни в коем случае не могут подняться в более высокие, претендовать на место в светском обществе, как бы ни было велико их богатство. Но Холли полагала, что, если человек самостоятельно чего-то достиг, он достоин уважения. Интересно, подумала она, согласился бы с ней Джордж? И какое мнение он составил бы об этом человеке? Этого она не могла себе представить.

— По-моему, мистер Бронсон, ваши свершения достойны восхищения, — сказала она. — Большая часть английских аристократов просто сохраняют богатства, давным-давно дарованные королями их предкам за верную службу. Вы сами заработали свое богатство, а для этого требуются ум и воля. Хотя барон и не хотел вам польстить, назвав карьеристом, это нужно рассматривать именно как комплимент.

Он долго и внимательно смотрел на нее.

— Благодарю вас, — кивнул он наконец.

К удивлению Холли, Бронсон покраснел. Наверное, он не привык к таким похвалам. «Надеюсь, — подумала она, — он не решит, что я ему льщу с какой-либо целью».

— Мистер Бронсон, я вовсе не кривлю душой, говоря это.

Левый уголок его рта изогнулся в улыбке.

— Уверен, что вы никогда не кривите душой.

Появились две горничные с огромными серебряными подносами и принялись накрывать на стол. Одна из них, крупная особа, расставлявшая тарелочки с сэндвичами, гренками и бисквитами, все время нервно хихикала. Другая, более миниатюрная, принесшая столовое серебро и салфетки, ставила чашки с блюдами не так, как полагается. Обе приложили немало усилий, чтобы поставить чайник в надлежащее место, и чуть не перевернули его. Холли молча переживала их неумелость. А ведь девушкам явно требовалась всего лишь пара советов.

Очевидная неопытность горничных удивила ее. Человек, занимающий такое положение, как мистер Бронсон, должен быть окружен безупречной челядью. Вышколенный слуга всегда спокоен и выполняет свою работу, оставаясь при этом как бы частью обстановки. Он ни в коем случае не привлечет к себе внимания и скорее даст себя расстрелять, нежели улыбнется в присутствии гостя.

Когда приготовления наконец были закончены и горничные удалились, Холли принялась расстегивать пуговицы на запястьях своих серых перчаток и аккуратно стягивать их. Заметив внимательный взгляд мистера Бронсона, она вопросительно улыбнулась.

— Я займусь чаем? — предложила она, кивнув на накрытый стол, и он кивнул в ответ и снова устремил взгляд на ее руки.

В глазах Бронсона был некий тревожный блеск, и Холли показалось, будто она расстегивает блузку, а не перчатки. Обнажить кисти рук перед джентльменом — вещь обыкновенная, но взгляд его заставлял думать иначе.

Она налила кипятку в чайник севрского фарфора, чтобы он нагрелся, потом вылила эту воду в фарфоровую миску. Со знанием дел она отмерила и высыпала ароматные чайные листочки в чайник и долила водой. Пока чай заваривался, Холли клала на тарелочки сэндвичи и бисквиты и вела светский разговор. Бронсон, казалось, был доволен тем, что она взяла инициативу на себя.

— Вы поместили в своей библиотеке прекрасное собрание портретов, мистер Бронсон.

— Предки чужих людей, — сухо отозвался он. — Мои были не из тех, кто позирует художнику.

Холли приходилось слышать, что нувориши так поступают — развешивают у себя дома какие-нибудь портреты, чтобы создать впечатление, будто у них блестящая родословная. А вот Закери Бронсон без всякого стеснения признавался в этом.

Она подала ему маленькую тарелочку и салфетку.

— Вы живете здесь один?

— Нет, со мной обитают моя матушка и сестра Элизабет.

Холли была чрезвычайно заинтересована.

— Кажется, никто раньше не говорил, что у вас есть сестра.

Бронсон отвечал с крайней осторожностью:

— Я дожидался подходящего момента, чтобы ввести Элизабет в общество. Боюсь — так уж сложились обстоятельства, — что с ней будут затруднения. Ее не научили, как... — Он замолчал, явно подыскивая определение для всего того, что требуется от молодой женщины, стремящейся попасть в высший свет.

— Я понимаю, — кивнула Холли, и брови ее сдвинулись. Действительно, девушке, которая не получила надлежащего воспитания, придется трудно. Общество иногда бывает беспощадно. Семья Бронсонов ничем не замечательна, кроме денег, и единственное, на что они могут рассчитывать, это на толпу охотников за приданым, которая набросится на Элизабет. — Вы не думаете послать ее в пансион для девиц, мистер Бронсон? Если хотите, я могла бы рекомендовать вам...

— Ей двадцать один год, — сказал он откровенно. — Она будет там старше всех девушек, и она уже сообщила мне, что скорее умрет, чем поедет туда. Элизабет хочет жить дома.

— Конечно. — Холли ловко наливала чай через маленькое серебряное ситечко с ручкой в виде птицы. — Вы любите крепкий чай, или вам долить кипятку?

— Крепкий, пожалуйста.

— Один кусочек или два? — спросила она, держа над сахарницей изящные щипчики.

— Три. И без молока.

Холли не смогла сдержать улыбку.

— Вы сластена, мистер Бронсон.

— Это плохо?

— Вовсе нет, — мягко ответила Холли. — Просто мне пришло в голову, что вам понравилось бы чаепитие в компании с моей дочерью. Для Розы три куска — это самая меньшая порция.

— Значит, как-нибудь я попрошу Розу налить мне чаю.

Холли не совсем поняла, что он имеет в виду, но смутилась: слова его предполагали возможную близость, намек на фамильярность. Она отвела глаза и снова занялась чаем. Налив чашку для Бронсона, она налила себе, добавив немного сахара и щедро долив чай молоком.

— Моя мать сначала наливает молоко, — заметил наблюдавший за ней Бронсон.

— Вероятно, вам стоило бы сообщить ей, что легче судить о крепости чая до того, как туда добавишь молока, — пробормотала Холли. — Аристократия склонна относиться с пренебрежением к тем, кто сначала наливает молоко. Так обычно делают няни, прислуга

и...

— Люди моего класса, — закончил он, усмехнувшись.

— Да. — Холли заставила себя встретиться с ним взглядом. — О женщине, не получившей хорошего воспитания, говорят, что она «из тех, кто сначала наливает молоко».

С ее стороны было весьма самонадеянно давать такие советы, пусть даже и с добрыми намерениями, и будь на месте ее собеседника кто-то другой, мог бы и оскорбиться. Но Бронсон принял совет без всякого смущения.

— Я скажу мамаше, — проговорил он. — Спасибо.

Немного успокоившись, Холли протянула руку за бисквитом. Он был нежный и сладкий — превосходное дополнение к свежему чаю.

— Сегодня у вашей кухарки удачный день, — улыбнулась Холли, откусив кусочек.

Бронсон засмеялся тихим низким смехом, совершенно неотразимым.

— Слава Богу, — сказал он.

После этого разговор пошел легко и приятно, хотя Холли странно было находиться наедине с мужчиной, который не был ни ее родственником, ни давнишним знакомым. Но восхищение Закери Бронсоном пересилило ее неловкость. Рядом с этим честолюбивым и энергичным человеком все остальные знакомые ей мужчины казались слабыми, бездеятельными существами.

Она пила чай и слушала, как он описывает недавние опыты с паровыми экипажами, или локомотивами, проводимые в Дьюрхеме. Он рассказывал о форсунках, впрыскивающих горячую воду в бойлеры, о струях пара, которые проходят через трубы, и о разных попытках улучшить тягу в топке, чтобы увеличить мощность. Он заявил, что скоро настанет день, когда локомотивы будут использоваться не только для перевозки грузов, но и скота и даже людей и рельсовые дороги появятся во всех крупных городах Англии. Холли отнеслась к его рассказам скептически, но была очарована. Такого рода вещи джентльмены редко обсуждают с дамами, поскольку считается, что дам гораздо больше интересуют семейные, светские и религиозные дела. Как приятно услышать что-то, кроме светских сплетен! К тому же Бронсон так доходчиво объяснял техническую сторону дела, что Холли легко все поняла.

Закери Бронсон явился из мира, настолько отличающегося от ее привычного окружения, — мира бизнесменов, изобретателей, предпринимателей... Очевидно было, что он никогда не станет своим в среде чопорных аристократов, только и озабоченных сохранением многовековых традиций. Но при этом было также очевидно, что он твердо решил завоевать себе место в высшем обществе, и да поможет небо всякому, кто попытается помешать ему.

«Наверное, жить с ним крайне утомительно, — подумала Холли. — Интересно, как это его мать и сестра справляются с его неукротимой энергией? У него такой деятельный ум, такие разнообразные интересы и такой нескрываемый аппетит к жизни — просто поразительно! Да есть ли у него время, чтобы спать?» Она мысленно сравнила его с Джорджем, любившим долгие неторопливые прогулки, спокойное совместное чтение у камина в дождливые вечера и праздное времяпрепровождение по утрам, когда они вместе наблюдали за дочкой. Холли представить себе не могла Закери Бронсона спокойно сидящим и любующимся такой обыденной картиной, как младенец, который учится ползать.

Разговор между тем как-то перешел к более личным вещам, и Холли принялась описывать свою жизнь с родственниками Джорджа и свое вдовство. Обычно, когда она говорила о Джордже с кем-то из их общих знакомых, горло у нее сжималось, а глаза

туманили слезы. Но Бронсон ничего не знал о Джордже, и почему-то оказалось, что гораздо легче говорить о муже с незнакомым человеком.

— Джордж никогда не болел, — продолжала она. — У него никогда не было ни жара, ни головных болей — он всегда был бодрым и здоровым. Но как-то он начал жаловаться на усталость, ломоту в суставах, не мог есть. Доктор определил брюшной тиф, который очень опасен, хотя многие люди выздоравливают после него. Я убедила себя, что при хорошем уходе Джордж поправится. — Она уставилась на пустую чашку и провела пальцем по тонкому позолоченному краешку. — День за днем он таял у меня на глазах. Потом начался бред. Через две недели его не стало.

— Мне очень жаль, — тихо сказал Бронсон.

«Мне очень жаль» — так говорили все. И действительно, что еще можно сказать? Но в черных глазах Бронсона мелькнуло что-то теплое, говорившее об искреннем сочувствии, и она поверила, что он на самом деле понял, как велика ее потеря.

Воцарилось долгое молчание, потом Бронсон снова заговорил:

— Вам нравится жить в семье Тейлоров, миледи?

Она слабо улыбнулась:

— Здесь не может быть речи о нравится — не нравится. Это единственный возможный для меня вариант.

— А что же ваша семья?

— На руках у моих родителей еще три незамужние дочери, для которых они стараются подыскать хорошие партии. Я не хочу отягощать их, вернувшись домой с ребенком. И потом, живя у Тейлоров, я чувствую себя ближе к Джорджу.

Крупные губы Бронсона сжались, превратившись в тонкую полоску. Взглянув на ее пустую чашку, он встал и протянул руку:

— Пойдемте пройдемся.

Холли машинально подчинилась и приняла его руку. От его прикосновения ее кинуло в жар и дыхание участилось. Бронсон помог ей встать и повел от чайного стола. Он прикасался к ней излишне фамильярно — даже братья Джорджа не осмеливались касаться ее обнаженной руки. Но видимо, мистер Бронсон считал, что это в порядке вещей.

Пока они шли, Бронсону приходилось приноравливать свои широкие шаги к ее мелким шажкам, и она подумала, что ему редко приходится ходить так медленно. Он не из тех, кто склонен бродить бесцельно.

Библиотечные апартаменты выходили в огромную галерею с высокими окнами, из которых открывался вид на сад. На стенах разместилось потрясающее собрание старых мастеров. Здесь были работы Тициана, Рембрандта, Вермера и Боттичелли, каждая поражала богатством цвета и своеобразием.

— Неужели Леонардо да Винчи нет? — весело поинтересовалась Холли, понимая, что частная коллекция Бронсона, без сомнения, самая впечатляющая в Англии.

Бронсон посмотрел на ряды картин и нахмурился, словно отсутствие картины да Винчи — это вопиющее упущение.

— Нужно купить его, да?

— Нет-нет, я просто пошутила, — торопливо успокоила его Холли. — Ваша коллекция, мистер Бронсон, действительно великолепна. Кстати, да Винчи приобрести невозможно.

Издав какой-то нечленораздельный звук, Бронсон уставился на стену, явно раздумывая, во что ему обойдется поместить сюда этого да Винчи.

Холли выдернула руку из его руки и повернулась к нему лицом.

— Мистер Бронсон... не скажете ли вы мне, зачем пригласили меня?

Бронсон подошел к мраморному бюсту и смахнул с него пылинку. Он искоса оценивающе посмотрел на Холли, стоявшую в прямоугольнике солнечного света, льющегося из высокого окна.

— Мне говорили о вас, как об истинной безупречной леди, — начал он. — И теперь, познакомившись с вами, я полностью с этим согласен.

Холли широко раскрыла глаза и подумала смятенно, виновато и взволнованно, что он никогда не сделал бы такого заявления, если бы знал, что она — та самая женщина, которая с такой распушенностью вела себя в темной гостиной несколько дней назад.

— У вас безукоризненная репутация, — продолжал он, — вы приняты повсюду, и у вас есть знания и влияние, которые мне нужны. Очень нужны. Вот мне и захотелось предложить вам работу в качестве своего рода проводника в высший свет.

Онемев, Холли только и могла, что изумленно смотреть на него. Потребовалось с полминуты, чтобы она обрела дар речи:

— Сэр, я вовсе не ищу какого-либо места.

— Я это знаю.

— Тогда вы понимаете, почему я должна отказаться...

Он остановил ее легким предупреждающим жестом.

— Сначала выслушайте меня.

Холли из вежливости кивнула, хотя принять его предложение она, разумеется, никак не могла. Бывает, что вдова вынуждена искать приличное место из-за финансовых затруднений, но она, Холли, весьма далека от подобного положения. Семья Джорджа и слушать об этом не захочет, равно как и ее родители. Это не значит, что она пергйдет в категорию прислуги, но ее положение в обществе от этого определенно изменится. А если наняться к такому человеку, как Закери Бронссн, как бы он ни был богат, то, конечно, найдутся люди, которые перестанут ее принимать.

— Мне нужен лоск, — спокойно продолжал Бронсон. — Мне нужно, чтобы меня представили обществу. Вы, разумеется, слышали, что меня называют выскочкой, кем я, конечно, и являюсь. Я забрался чертовски высоко, полагаясь на собственные силы, но мне нужна помощь, чтобы попасть на следующую ступеньку. Ваша помощь. И еще мне необходим тот, кто научит Элизабет быть... ну, такой, как вы. Научите ее вести себя так, как лондонские леди. Иначе она никогда не сделает приличную партию.

— Мистер Бронсон, — осторожно начала Холли, упорно глядя на мраморную скамью, стоявшую рядом с ним, — я весьма польщена. Мне хотелось бы помочь вам. Но наверняка есть множество женщин, которые подойдут для этой роли гораздо больше, чем я...

— Мне не нужен никто другой. Мне нужны вы.

— Я не могу, мистер Бронсон, — твердо сказала она. — Одна из причин этого — дочь, о которой я должна думать. Забота о Розе — главное в моей жизни.

— Да, о Розе нужно подумать. — Бронсон сунул руки в карманы и, приняв обманчиво спокойный вид, обошел вокруг скамьи. — Деликатным образом этого не уладить, леди Холланд, так что я буду дерзок. Каковы ваши планы касательно будущего вашей дочери? Вам захочется послать Розу в дорогую школу... совершить путешествие по Европе... дать за ней приданое, чтобы привлечь титулованных поклонников. Но при теперешних ваших обстоятельствах вам не удастся всего этого сделать. Без приданого она не сможет

рассчитывать на блестящую партию. — Он помолчал и добавил вкрадчиво:

— Если у Розы будет хорошее приданое вдобавок к ее благородному происхождению, она когда-нибудь выйдет замуж за такого аристократа, какого хотел бы видеть рядом с ней ваш муж.

Холли молча смотрела на него. Теперь она понимала, как Бронсон убеждал оппонентов. Чтобы добиться своего, он ни перед чем не остановится. Вот он воспользовался ее любовью к дочери, чтобы убедить ее сделать так, как ему хочется. Закери Бронсон мог быть совершенно безжалостным, если того требовали его цели.

— Я подсчитал, что мне понадобится ваша помощь примерно в течение года, — сказал он. — Мы могли бы заключить контракт, который бы обоим удовлетворил. Если вам не понравится работать у меня — если вы увидите, что по какой-то причине вам хочется расторгнуть наш договор, — только скажите слово, и вы сможете уйти, получив половину той суммы, которую я предлагаю.

— А сколько это? — услышала Холли свой вопрос. Она сгорала от нетерпения. Ей ужасно хотелось знать, во сколько он оценил ее услуги.

— Десять тысяч фунтов. За один год работы.

Сумма, по меньшей мере в тысячу раз превышающая годовой заработок гувернантки. Это целое состояние, его хватит и на щедрое приданое дочери, и на свой дом с прислугой. Голова у Холли закружилась от такой перспективы. Но мысль о том, чтобы близко сойтись с этим человеком, о реакции на это ее родных и друзей...

— Нет, — спокойно ответила она, чуть не поперхнувшись этим словом, — мне очень жаль, мистер Бронсон. Вы чрезвычайно щедры, но вам придется поискать кого-то другого.

Его, казалось, не удивил ее отказ.

— Тогда двадцать тысяч, — предложил он, лукаво улыбаясь. — Решайтесь, леди Холланд! Не говорите мне, что вы собираетесь вернуться в семейство Тейлоров и провести остаток жизни так, как провели эти три года. Вы разумная женщина — вам нужно нечто большее, чем рукоделие и сплетни.

Он безошибочно нашел еще одно ее больное место. Жизнь с Тейлорами действительно стала казаться невыносимо однообразной, и соблазн больше не зависеть от них... ни от кого... Холли крепко стиснула руки.

Бронсон наклонился над ней.

— Только скажите «да», и я помещу деньги для Розы в банк. Она никогда не будет ни в чем нуждаться. И когда она выйдет за своего аристократа, я подарю ей на свадьбу карету и четверку лошадей.

Принять его предложение означает шагнуть в неведомое. Отказаться — жить предсказуемо изо дня в день, спокойно, не купаясь в роскоши, зато любовь родственников и друзей им гарантирована. Если она согласится, то вызовет гул удивления и проклятий. Знакомые и малознакомые люди станут отпускать мерзкие замечания, пойдут слухи, и потребуются не один год, прежде чем все это уляжется. Если вообще уляжется. Но зато какое будущее ждет Розу! И еще — внутри Холли пробудилось что-то безрассудное и дикое, то, что так пугало ее и с чем она сражалась с тех пор, как умер муж.

И вот она проиграла это сражение.

— Я бы пошла на это за тридцать тысяч, — произнесла она, словно со стороны слыша свой собственный голос.

Хотя лицо Бронсона не изменилось, она почувствовала, что он страшно доволен —

точно лев, настигший наконец добычу.

— Тридцать, — повторил он так, словно эта цифра казалась ему из ряда вон выходящей. — Я думаю, двадцати достаточно за то, чего я прошу, разве нет?

— Двадцать для Розы, десять для меня, — ответила Холли, голос ее окреп. — Влияние в обществе подобно валюте — обесценившись один раз, оно чрезвычайно медленно возвращается к прежнему курсу. Когда кончится этот год, у меня влияния останется немного. Если я приму ваше предложение, на мой счет станут распускать сплетни. Могут даже предположить, что я ваша...

— Содержанка, — тихо подсказал он. — Но ведь они будут не правы, не так ли?

Она покраснела и торопливо продолжила:

— В свете никто не пожелает разбираться, где слухи, а где правда. Стало быть, утрата моей репутации обойдется в дополнительные десять тысяч фунтов. И я... я хочу, чтобы вы поместили эту сумму куда-нибудь и распоряжались ею по вашему усмотрению.

Темные брови Бронсона слегка приподнялись.

— Вы хотите, чтобы я распоряжался вашими деньгами? — повторил он, чуть ли не мурлыча. — А не лорд Тейлор?

Холли покачала головой. Уильям был человеком ответственным, но необычайно консервативным в отношении капиталовложений. Подобно большинству людей его круга, Уильям обладал способностью сохранять средства, а не наращивать капитал.

— Я бы предпочла, чтобы ими распоряжались вы, — подтвердила она. — При одном условии — я не хочу, чтобы вы помещали деньги в предприятия, которые могут показаться аморальными.

— Я подумаю над этим, — серьезно сказал Бронсон, но в его дьявольских черных глазах заплясал смех. Холли глубоко вздохнула:

— Значит, вы согласны на тридцать? И если я оставлю место раньше, я получу половину?

— Согласен. Но, уступив вам, и я попрошу дополнительной уступки.

— Какой же? — насторожилась она.

— Я хочу, чтобы вы жили здесь. Со мной и моей семьей.

Холли подняла на него изумленный взгляд.

— Но это невозможно!

— У вас с Розой будут свои апартаменты, экипаж и лошади, на случай если вам понадобится куда-то съездить, и вы сможете приходить и уходить, когда вам захочется. Привезите своих слуг, если того желаете. Я позабочусь об их жалованье в течение года.

— Не понимаю, почему это необходимо...

— Чтобы научить Бронсонов вести себя по-благородному, понадобится больше времени, чем несколько жалких часов в день. Как только вы с нами лучше познакомитесь, вы перестанете в этом сомневаться.

— Мистер Бронсон, но я не могу...

— Вы получите тридцать тысяч, леди Холланд. Но для этого вам придется переехать ко мне.

— Я бы скорее согласилась на меньшую сумму...

Внезапно Бронсон усмехнулся, ничуть, по-видимому, не обескураженный ее хмурым видом.

— Переговоры закончены, миледи. Вы будете жить здесь в течение года и получите

тридцать тысяч фунтов, или никакой сделки не состоится.

Холли, охваченная азартом торга, вся дрожала.

— Тогда я согласна, — проговорила она еле слышно. — Но мне хотелось бы, чтобы карета и четверка лошадей, обещанные Розе, были внесены в контракт.

— Хорошо. — Бронсон протянул руку, схватил ее маленькую ладонь и крепко пожал ее. — Вам холодно? — Он задержал ее пальцы в своих несколько дольше, чем то было необходимо. Губы его изогнулись в улыбке. — Вы боитесь?

Об этом же он спрашивал ее в оранжерее в ту ночь, когда поцеловал ее. Да и она чувствовала себя почти так же, как тогда, ошеломленная необыкновенным поворотом событий.

— Да, — прошептала она. — Я вдруг испугалась, что я не такая, какой всегда себя считала.

— Все будет хорошо, — сказал он низким ласковым голосом.

— Вы не можете обещать этого.

— Нет, могу. Я прекрасно представляю себе, какой будет реакция ваших родственников. Не падайте духом.

— Я постараюсь, — проговорила она, пытаясь сохранить достоинство. — Даю слово, что я не нарушу нашего договора.

— Хорошо, — кивнул он, и его глаза блеснули беспокойным блеском победы.

* * *

Карета его гости ехала по аллее, солнце играло на черном лаке экипажа, отбрасывая слепящие блики. Закери откинул занавеси на окне библиотеки и смотрел вслед, пока карета не скрылась из виду. Его переполняла та взрывная энергия, которую он всегда ощущал, заключив выгодную сделку. Леди Холланд Тейлор будет жить под его крышей вместе со своей дочерью. Такого поворота не ожидал никто, в том числе и он сам.

Что в ней такого, что так сильно привлекает его? Возбуждение охватило его с того момента, как только она вошла в комнату. Ни одна женщина не казалась ему такой грациозной и обаятельной. Мгновение, когда она сняла перчатки, обнажив свои изящные бледные руки, взволновало его гораздо больше, чем десятки удачных сделок.

Он знал великолепных красавиц и женщин выдающихся талантов, наблюдал их и в постели, и вне ее, и понять не мог, почему какая-то маленькая вдовушка произвела на него такое впечатление. Быть может, его влекло дружелюбие, угадывающееся за ее чопорностью? Она, без сомнения, леди, но без той высокомерной холодности, которую он встречал у других дам ее круга. Ему понравилось, как прямо и дружески она с ним разговаривала, словно они были давно знакомы. Образованная, приветливая и чересчур утонченная для таких, как он.

Разволновавшись, Закери сунул руки в карманы брюк. Он брел по библиотечным апартаментам, рассеянно глядя на бесценную коллекцию книг и картин, собранных им. С самого детства он ощущал постоянную, грызущую, не дающую покоя потребность добиваться своего и побеждать. Его переполняла неудовлетворенность, заставлявшая без устали работать, строить всевозможные планы, обдумывать фантастические идеи в течение долгих ночей, когда остальные люди спят. Ему все время чудилось, что вот сейчас он

добьется еще одной цели, заключит еще одну сделку, вскарабкается еще на одну последнюю гору — и будет счастлив. Но этого не случилось.

Почему-то в обществе леди Тейлор он чувствовал себя обыкновенным человеком, который может позволить себе расслабиться. За тот час, что она пробыла у него, он растерял всю свою агрессивность. Он почти ощущал... удовлетворение. Такого с ним никогда не бывало раньше. Это чувство нельзя упускать, ему хотелось испытывать его вновь и вновь. Он жаждал, чтобы леди Холланд оказалась у него в доме.

И еще он хотел, чтобы она оказалась у него в постели. Вспомнив момент, когда она поняла, что он — тот самый, который поцеловал ее, Закери улыбнулся. Она зарделась и, кажется, даже вздрогнула. В какое-то мгновение он подумал, что она сейчас упадет в обморок. Если бы это произошло, у него появился бы предлог снова обнять ее. Но она взяла себя в руки и промолчала, очевидно, надеясь, что он ее не узнает. Можно подумать, будто она совершила куда более серьезное преступление, чем обмен торопливым поцелуем в темноте с незнакомцем. При всех своих светских навыках она вовсе не была искушенной. Он не понимал, почему это его так трогало.

В ее чертах и повадках читалась невинность, что редко бывает с замужними женщинами. Казалось, она не узнает ни греха ни разврата, даже если они будут смотреть ей в лицо.

Она заплакала, когда он поцеловал ее во второй раз, и теперь он знал почему. Наверняка после смерти мужа ее никто не целовал и не ласкал. Закери решил, что настанет день, когда она снова заплачет в его объятиях. Но уже от наслаждения, а не от горя.

Всю дорогу домой Холли бранила себя за импульсивность. Пока карета подпрыгивала и покачивалась на мощеных лондонских мостовых, она пришла к выводу, что напишет мистеру Бронсону письмо, как только вернется домой. Она объяснит, что приняла решение слишком поспешно, что, разумеется, она не может таким коренным образом изменить свою жизнь. О чем она только думала? Согласиться переехать в дом, где она никого не знает, в семью простолюдина, к человеку, которого все считают беспринципным корыстолюбцем.

— Я сошла с ума, — прошептала она.

Но страх, который вызвало принятое ею решение, столкнулся со странным всевозрастающим нежеланием возвращаться к прежнему скучному существованию. Дом, представлявшийся ей после смерти Джорджа спокойной гаванью, теперь почему-то стал в ее воображении похож на тюрьму, а Тейлоры — на очень добрых и желающих ей добра тюремщиков. Она понимала, что это несправедливо, но избавиться от этого чувства никак не могла.

Все будет хорошо, сказал мистер Бронсон перед самым ее уходом. Он понимал, что она передумает, что даже предложенной ей суммы окажется недостаточно, чтобы убедить ее, разве только...

Разве только в ней не обнаружится чего-то неведомого ей самой, что не позволит ей отступить перед этим прыжком в неизвестность. Честно говоря, ей хотелось забрать Розу и Мод и уехать от Тейлоров. Хотелось сорваться со знакомой тропы, по которой она шла до сих пор.

Что плохого может случиться с ней, если она это сделает? Она столкнется с неодобрением общества... Положим, ну и что? Единственный человек, чье одобрение ее волновало, мертв. Родственники Джорджа, разумеется, беспокоятся, но она сумеет убедить их в том, что больше не хочет быть для них обузой. Розе она это преподнесет как неожиданное увлекательное приключение. А потом у дочки будет хорошее приданое, она станет в высшей степени желательной партией для какого-нибудь титулованного аристократа.

Холли тяжело вздохнула и закрыла лицо руками, понимая, что не изменит слову, данному Закери Бронсону. Потому что все ее аргументы разбиваются об одно — ей хочется совершить этот шаг.

* * *

Все в доме Тейлоров, даже прислуга, умирали от любопытства, зачем она понадобилась Закери Бронсону. Но Холли предпочла отмолчаться. В ответ на множество вопросов она заявила, что Бронсон вел себя как джентльмен, что дом его просто великолепен и что разговор был приятным во всех отношениях. Она не стала сообщать всем о своем скором отъезде, а решила, что будет проще преподнести эту новость братьям Джорджа, а уж те пусть расскажут остальным членам семьи. После ужина она попросила Уильяма и Томаса встретиться с ней в библиотеке. Оба удивились необычной просьбе, но согласились.

Братьям принесли портвейн, Холли — чашку чаю. Она уселась в большое кожаное

кресло у камина. Томас сел рядом с ней, а Уильям остался стоять, опершись локтем на белую мраморную полку камина.

— Итак, Холли, — начал Уильям спокойным дружеским тоном, — выкладывайте. Чего этот Бронсон хотел от вас? Вы достаточно долго продержали нас в неведении.

Холли смотрела на двух мужчин, до боли похожих на ее мужа, синие глаза которых выражали одинаковое любопытство, чайная чашка дрогнула в ее руке. Она неожиданно обрадовалась, что покидает их. Нельзя же все время жить в окружении людей, похожих на Джорджа. «Прости меня, дорогой», — подумала она. Интересно, слышит ли Джордж ее сейчас?

Медленно, стараясь говорить уверенно, Холли объяснила, что Бронсон хочет взять ее на службу в качестве наставницы для его семейства сроком на год.

Какое-то время братья Тейлоры смотрели на нее удивленно, потом Томас расхохотался.

— Держу пари, он хочет взять вас напрокат, — выговорил он между приступами хохота. — Подумать только, ему захотелось нанять не больше не меньше, чем жену Джорджа! Надеюсь, вы сказали этой надменной обезьяне, что у вас есть занятия получше, чем учить его хорошим манерам. Погодите, вот я расскажу друзьям об этом...

— Сколько он предложил? — спросил Уильям, не разделяющий веселости Томаса. Как старший и более проницательный из братьев, он уже заметил в лице Холли нечто, дававшее ему повод для беспокойства.

— Целое состояние, — тихо ответила Холли.

— Пять тысяч? Десять? — настойчиво уточнил Уильям, поставив стакан с портвейном на каминную полку и не отрывая глаз от ее лица.

Она покачала головку, отказываясь назвать сумму.

— Больше десяти? — недоверчиво переспросил Уильям. — Но вы, разумеется, сказали ему, что вы не продаетесь?

— Я сказала ему... — Холли замолчала и глотнула обжигающего чая, потом поставила чашку с блюдцем на столик. Сложив руки на коленях, она заговорила, не глядя ни на одного из братьев:

— Я прожила здесь три года и стала, по-моему, обузой для семьи.

— Вы не обуза, — торопливо перебил ее Уильям. — Мы говорили вам об этом тысячу раз.

— Я ценю вашу доброту и щедрость так, что не могу этого выразить словами. И все-таки...

Она замолчала, пытаясь найти нужные слова. На лицах обоих ее собеседников появилось одинаковое выражение недоверия: они уже поняли, что именно она пытается им сообщить.

— Нет, — тихо сказал Уильям, — только не говорите, что вы обдумываете его предложение.

Холли откашлялась.

— На самом деле я его приняла.

— Боже мой! — вскричал Уильям. — Неужели вы не слышали, что говорил о нем вчера лорд Эвери? Это хищник, Холли. А вы беспомощны, как овечка. Он обманывает людей гораздо более осведомленных и практичных, чем вы. Если вы не опасаетесь за себя, подумайте по крайней мере о вашей дочери — или у вас нет материнского инстинкта и ее будущее вас не заботит?

— Именно о Розе я и думаю! — пылко возразила Холли. — Она — это все, что у меня осталось от моей семьи, и я думаю только о ней.

— У нас тоже от Джорджа осталась только она. Подумайте, как это будет жестоко, греховно забрать ее от единственных близких, которые у нее есть.

— Вы должны заботиться и опекать ваших жен и детей. У меня нет мужа. Нет средств, чтобы обеспечить себя. И я больше не хочу во всем зависеть от вас.

У Уильяма был такой вид, словно она его ударила.

— Неужели это так ужасно — жить здесь? Я и не знал, что наше общество настолько вам неприятно.

— Разумеется, нет. Я не это имела в виду... — Холли вздохнула в растерянности. — Я всегда буду благодарна вам за то, что вы приютили меня после... но я должна думать о будущем.

Она посмотрела на Томаса, все еще сидевшего в кресле рядом. Она надеялась найти в нем союзника.

— Я не могу поверить в реальность происходящего, — подал он голос, в котором звучало не возмущение, а боль. — Холли, скажите, как мне остановить вас? Объясните, что привлекло вас в предложении Бронсона? Я знаю, дело не в деньгах. Вы не из тех, на кого можно повлиять таким образом. Может быть, дело в нас? Возможно, кто-то сказал или сделал что-то, оскорбившее вас? Дал вам почувствовать, что вы здесь лишняя?

— Нет, — мгновенно ответила Холли, чувствуя себя страшно виноватой. — Дорогой Томас, вряд ли я сумела бы пережить смерть Джорджа без вашей поддержки. Просто в последнее время я...

— Бронсону захочется от вас большего, чем уроки этикета, — холодно перебил ее Уильям. — Надеюсь, вам это ясно.

Холли с упреком посмотрела на него:

— Это замечание дурного тона, Уильям.

— Вы должны понимать, что вас ждет, если вы поселитесь в доме человека, известного всему обществу тем, что он не джентльмен. Вы будете зависеть от его милостей, а за оговоренную сумму вам придется делать то, что вам в дурном сне не приснится.

— Я не ребенок.

— Нет, вы молодая вдова, которая прожила три года без мужчины, — напомнил Уильям с прямоотой, изумившей Холли. — Вы сейчас очень уязвимы, и поэтому всякое решение, которое вы примете, нельзя считать разумным. Если вам нужны деньги, мы найдем способ увеличить ваш доход. Я выясню, куда можно вложить средства, чтобы получить большую прибыль. Но я не разрешу вам взять ни одного шиллинга от этого беспринципного негодяя Бронсона. Вы не посмеете сделать этого ни для себя, ни для дочери моего брата.

— Довольно, Уильям! — взорвался Томас. — Ей нужно сочувствие, а вместо этого ты изо всех сил стараешься запугать и оттолкнуть ее...

— Ничего страшного, Томас, — успокоила его Холли. Она по привычке чуть было не позволила принять решение братьям Джорджа, но вспомнила о насмешливом вызове в глазах Закери Бронсона и его совете не падать духом. — Я понимаю, что Уильям беспокоится о моем благополучии. Он пытается уберечь меня от неверного шага. С самой смерти Джорджа я с радостью пользовалась вашим покровительством. И я всегда буду вам благодарна. Но я хочу выйти из-под вашего крылышка. Я хочу решать сама. Я хочу совершать свои ошибки.

— Не понимаю, — медленно произнес Томас. — Зачем вы это делаете, Холли? Никогда

не думал, что деньги так важны для вас.

Прежде чем она успела ответить, раздался холодный голос Уильяма:

— Впервые я рад, что мой брат умер и не видит того, что с вами происходит.

От этого удара Холли побелела. Она ожидала боли, но почувствовала только оцепенение. Она неуверенно поднялась и отошла в сторону.

— Нет смысла обсуждать эту тему дальше, — с трудом вымолвила она. — Я приняла решение и уезжаю на этой неделе. Если можно, мне бы хотелось взять с собой Мод.

— Вы собираетесь жить с Бронсоном, — сказал Уильям тихо, несмотря на протесты брата. — Теперь я окончательно понял, что происходит. Да, обязательно возьмите с собой Мод. Но вот Роза... Вы отбросите ее за ненадобностью с такой же легкостью, как отбросили память о моем брате, и оставите ее на наше попечение? Или возьмете ее с собой и позволите ей увидеть, как вы станете любовницей богача?

Никто никогда не позволял себе так оскорблять ее. И от постороннего человека услышать такое было бы достаточно тяжело, но это исходило от брата Джорджа и звучало просто невыносимо. Стараясь не расплакаться, Холли направилась к двери.

— Я никогда и ни за что не оставлю Розу, — бросила она через плечо, и голос ее почти не дрожал.

Выйдя из комнаты, она слышала, как братья заспорили, причем Томас упрекал Уильяма в жестокости, а тот отвечал прерывающимся голосом, как человек, пытающийся подавить сильный гнев. Интересно, что посоветовал бы ей Джордж? Ответ пришел тотчас же. Он хотел бы, чтобы она оставалась под защитой его семьи.

Холли остановилась у окна, выходящего в маленький дворик. Широкий подоконник был испещрен зарубками и царапинами. Кто-то из слуг рассказал ей, что Джордж часто устраивал здесь сражения игрушечных солдатиков. Ей представились его маленькие руки, передвигающие раскрашенных оловянных человечков, те же руки, которыми он позже ласкал ее и обнимал.

— Прости меня, дорогой, — прошептала она. — Когда этот год пройдет, я буду жить в точности так, как ты хотел бы. А Роза ни в чем не будет нуждаться. Всего один год — и я выполню все, что тебе обещала.

Леди Холли вышла из экипажа, с помощью лакея легко ступив на землю. Закери смотрел на нее и ощущал в груди нечто странное, что-то вроде победной песни. Наконец-то она здесь. Он упивался ее видом. Она была превосходно одета, ее маленькие руки обтягивали перчатки, темно-каштановые волосы, виднеющиеся из-под шляпки с узкими полями и вуалькой, были гладкими и блестящими. Закери страшно захотелось разрушить это совершенство, запустить пальцы в ее волосы и расстегнуть строгий ряд пуговиц у ворота.

«Опять коричневое платье», — подумал Закери, и морщинка залегла у него между бровей. Признак все еще продолжающегося траура. «Неглубокий траур» — так называют подобные туалеты. Это вызвало у него легкое раздражение. Он никогда не встречал женщины, которая так долго пребывала бы в горе. Его матушка, без сомнения, любившая его отца, весьма охотно по прошествии года сняла темное платье, и Закери даже в голову не пришло упрекнуть ее. Женщина не должна хоронить все свои желания и порывы вместе с мужем, как бы ни было принято притворяться, что это именно так.

Безудержно преданные вдовы вызывали большое восхищение, ставились на пьедестал как пример для подражания прочим представительницам женского пола. Но Закери подозревал, что леди Холли носила траур так долго не потому, что это модно, и не для того, чтобы вызвать восхищение. Она искренне горевала о своем муже. «Интересно, — думал Закери, — что за человек мог вызвать такую страстную привязанность?» Конечно, лорд Джордж Тейлор был аристократом. Принадлежал к тому же кругу, что и Холли, был хорошо воспитан и благороден. В общем, совершенно не походил на него самого, мрачно решил Закери.

Тем временем по приставной лесенке из кареты спустились горничная и девочка, и Закери принялся рассматривать ребенка. На губах его появилась улыбка. Роза была миниатюрной копией своей матери, с таким же красивым личиком, с длинными каштановыми локонами, схваченными на макушке голубым бантом. Вид у нее был слегка взволнованный, она что-то сжимала в руках — что-то сверкающее, как драгоценные камни, — и внимательно смотрела на великолепный дом и все прочее, что ей попадалось на глаза.

Закери решил, что лучше остаться в доме и принять леди Холли в гостиной или хотя бы в вестибюле, но не выходить ей навстречу. Какого черта, затем мрачно подумал он и спустился по ступенькам, ожидая, что леди Холли сейчас даст ему понять, что он совершил ошибочный шаг.

Он подошел, когда Холли давала указания лакею, выгружавшему сундуки и чемоданы. Когда она взглянула на Закери, ее губы дрогнули в улыбке:

— Доброе утро, мистер Бронсон.

Он поклонился и окинул ее испытующим взглядом. Лицо у нее было напряженное и бледное, словно она не спала несколько ночей, и Закери сразу понял, что семейство Тейлоров, должно быть, порядком помучило ее.

— Так плохо? — спросил он тихо. — Они, наверное, убеждали вас, что я — дьявол во плоти?

— Они предпочли бы, чтобы я работала у дьявола, — ответила она, и оба рассмеялись.

— Постараюсь не испортить вас, миледи.

Холли коснулась кончиками пальцев хрупкого плечика девочки и подтолкнула ее вперед. Материнскую гордость, прозвучавшую в ее голосе, нельзя было спутать ни с чем.

— Это моя дочь Роза.

Закери поклонился, а малышка в ответ сделала безукоризненный реверанс. Потом поинтересовалась, не отводя взгляда от его лица:

— Вы мистер Бронсон? Мы приехали учить вас хорошим манерам.

Закери усмехнулся и посмотрел на Холли:

— Когда мы заключали договор, я и не знал, что вас будет двое.

Роза осторожно протянула руку к затянутой в перчатку материнской руке.

— Это здесь мы будем жить, мама? А где будет моя комната?

Закери присел на корточки и улыбнулся:

— Полагаю, для вас уже приготовлена комната прямо рядом с комнатой вашей матушки. — Взгляд его упал на блестящие предметы в руках Розы. — Что это такое, мисс Роза?

— Моя нитка с пуговицами. — Девочка чуть разжала руку, и несколько пуговиц упали на землю. На ее ладонке лежали нанизанные на нитку рисунчатые пуговицы с гравированными цветами, фруктами или бабочками, пуговицы, сделанные из черного формованного стекла, а также покрытые яркой эмалью. — Вот это моя ароматная пуговица, — гордо сообщила Роза, показывая на большой обтянутый бархатом экспонат своей коллекции. Девочка поднесла ее к носу и вдохнула. — Мама душит ее своими духами, чтобы от нее хорошо пахло.

Роза протянула свое сокровище Закери, тот опустил голову и ощутил слабый цветочный аромат, который узнал мгновенно.

— Да, — тихо сказал он, взглянув на вспыхнувшее лицо Холли, — от нее пахнет так же, как от вашей мамы.

— Роза, — вмешалась явно обеспокоенная Холли, — пойдем, леди не беседуют на дороге...

— А вот таких пуговиц у меня нет, — сказала Роза, обращаясь к Закери. Она пропустила мимо ушей слова матери, потому что не сводила глаз с крупной пуговицы из чистого золота, украшающей его фрак.

Проследив, в каком направлении указывал изящный детский пальчик, Закери увидел, что на его верхней пуговице выгравирована миниатюрная охотничья сценка. Раньше он никогда не рассматривал собственную одежду и не замечал этого.

— Окажите мне честь и добавьте ее к вашей коллекции, мисс Роза, — произнес он, сунул руку во фрак и вынул маленький серебряный складной нож. Он ловко перерезал нитку, на которой пуговица держалась, и протянул ее взволнованной девчужке.

— Ах, благодарю вас, мистер Бронсон! — воскликнула Роза. — Благодарю вас! — И она торопливо принялась надевать пуговицу на свою нитку, прежде чем ее мать успела возразить.

— Мистер Бронсон, — взволнованно начала Холли, — джентльмен не должен доставать оружие в п-присутствии дам и детей...

— Это не оружие. — Он осторожно сунул нож обратно в карман и выпрямился. — Это инструмент.

— Тем не менее... — Холли прервала фразу, увидев, чем занята ее дочь. — Роза, сию же минуту верни мистеру Бронсону эту пуговицу. Она слишком дорогая для твоей коллекции.

— Но он мне ее подарил, — возразила Роза; ее маленькие пальчики трудились, пока пуговица не оказалась нанизана на нитку.

— Роза, я настаиваю...

— Пусть оставит ее себе. — Бронсон усмехнулся, глядя на всполошившуюся Холли. — Это всего лишь пуговица, миледи.

— Но она из чистого золота, и потом, это часть комплекта...

— Пойдемте со мной, — прервал он ее, предлагая ей руку. — Матушка и сестра ждут в доме.

Холли нахмурилась.

— Мистер Бронсон, — начала она решительно, — я очень старалась, чтобы мой ребенок не вырос избалованным или испорченным. Поэтому...

— Вам это удалось, — отозвался он, поднимаясь с ней по парадной лестнице, в то время как горничная шла сзади с Розой. — У вас восхитительная дочь.

— Благодарю вас. Но мне вовсе не хочется, чтобы Роза перенимала ваш экстравагантный стиль жизни. Мои указания должны выполняться ею беспрекословно. Недопустимо, чтобы она стала игнорировать дисциплину и порядок, к которым привыкла в доме Тейлоров.

— Разумеется, — немедленно согласился он, пытаясь всем своим видом выказать смирение.

Волнение Холли отнюдь не улеглось, когда она вошла в дом и снова увидела всю эту бьющую в глаза роскошь. Боже мой, внезапно забеспокоилась она, как же здесь можно жить обычным людям? Она оглянулась на Мод, которая разинув рот смотрела на массивные золоченые колонны, украшавшие вестибюль, и свисающие с потолка огромные люстры.

— Мама, послушай! — воскликнула Роза и начала тихонько попискивать. И звук этот, множась, разнесся по всему вестибюлю. — Здесь эхо!

— Тише, Роза. — Холли взглянула на мистера Бронсона, который, кажется, прятал улыбку, глядя на шалости ее дочери.

Появилась очень грузная женщина лет за сорок и представилась как экономка, миссис Берни. Мод с ошеломленным видом последовала за ней по широченной лестнице на второй этаж, где ей предстояло присматривать за тем, как будут распаковывать вещи.

Проходя по анфиладе парадных комнат, Холли держала Розу за руку. Наконец они вошли в гостиную, декорированную панелями из зеленого бархата и золотой ткани и обставленную французской мебелью, инкрустированной золотыми листьями. Их ждали две женщины, которые при их появлении немедленно встали. Младшая, высокая, поразительно привлекательная девушка с массой непослушных черных кудрей, заколотых на макушке, вышла вперед.

— Добро пожаловать, леди Холланд! — проговорила она, широко улыбаясь, но при этом окидывая Холли настороженным взглядом.

— Моя сестра Элизабет, — представил Бронсон.

— Я своим ушам не поверила, когда Зак сказал, что вы будете здесь жить! — воскликнула девушка. — Вы очень храбрая, если вы беретесь за нас. Мы постараемся не стать для вас слишком тяжелым испытанием.

— Этого не случится, — ответила Холли, сразу проникнувшись симпатией к сестре Бронсона. — Я только надеюсь помочь вам и, если понадобится, дать кое-какие советы.

— О, нам понадобится множество советов, — заверила ее Элизабет, смеясь.

Между Бронсоном и его сестрой определенно наблюдалось сходство, у них были одинаковые черные волосы, сверкающие темные глаза и лукавые улыбки. От обоих исходило ощущение с трудом сдерживаемой силы, как если бы их деятельный ум и замечательное физическое здоровье не позволяли им пребывать в ленивой расслабленности больше чем несколько минут.

«Элизабет будет нетрудно завести поклонников, — подумала Холли. — Но ей потребуется человек незаурядный, поскольку сочетание богатства ее брата и присущей ей силы духа — смесь весьма пугающая».

Элизабет усмехнулась, словно прочитав мысли Холли.

— Закери хочется, чтобы я обучилась всяким манерам, только для того, чтобы пристроить меня замуж за какого-нибудь надутого аристократишку! — резко бросила она. — Но я должна вас предупредить — мои представления об удачном замужестве сильно отличаются от представлений брата.

— Я кое-что знаю об этом, — ровным голосом сказала Холли, — и полностью готова стать на вашу сторону, мисс Бронсон.

Девушка радостно засмеялась.

— Ах, миледи, вы мне нравитесь! — воскликнула она и перевела взгляд на девочку, терпеливо стоявшую рядом с Холли. — Ну а вы, наверное, Роза. — Голос ее стал мягче. — Вы, по-моему, самая хорошенькая девчушка из всех, что я видела.

— Вы тоже хорошенькая, как цыганка, — прощепетала Роза.

— Роза, — с упреком обратилась к дочери Холли, испугавшись, что Элизабет обидится, но та только рассмеялась.

— Какая вы миленькая! — восхитилась она, наклоняясь к девочке.

Пока Роза показывала ей диковинки из своей пуговичной коллекции, Холли перевела взгляд на женщину постарше, у которой был такой вид, будто она с удовольствием забилась бы куда-нибудь в угол. Мать Бронсона, подумала Холли, и сердце переполнилось сочувствием.

Очевидно миссис Пола Бронсон когда-то была красавицей, но годы труда и тревог сделали свое дело. Руки ее были грубыми и красными от физической работы, а лицо слишком морщинистое для ее возраста. Завитки волос, сколотых на затылке, некогда были черными, как гагат, но теперь в них повсюду пестрела седина. Но все равно лицо ее привлекало. И особенно глаза — страстные, бархатисто-коричневые. Страшно смутившись, она все же пробормотала какое-то приветствие.

— Миледи, — улыбнулась она, — у моего сына есть манера... заставлять людей делать то, чего им делать не хочется. Я надеюсь, что вы здесь не против собственного желания?

— Матушка, — проговорил Закери, и глаза его весело блеснули, — можно подумать, будто я притащил леди Холланд сюда на цепи. И я никогда не заставляю никого делать то, что ему не хочется. Я всегда предоставляю людям возможность выбирать.

Бросив на Бронсона скептический взгляд, Холли подошла к его матери.

— Миссис Бронсон, — приветливо сказала она, — уверяю вас, мне очень хотелось оказаться здесь. Мне доставляет огромное удовольствие возможность быть кому-то полезной. Последние три года я была в трауре и... — Она смолкла, пытаясь отыскать нужные слова, но тут вмешалась Роза со своим, как ей показалось, важным замечанием:

— Мой папа не приедет сюда, потому что теперь он на небесах. Правда, мама?

Вдруг все замолчали. Холли взглянула на Закери Бронсона и увидела, что лицо его

совершенно ничего не выражает.

— Да, милочка, — тихо ответила она дочери.

Упоминание о Джордже словно накрыло облаком все происходящее, и Холли пыталась найти слова, чтобы сгладить возникшую неловкость. Но чем дольше продолжалось молчание, тем труднее становилось его нарушить. Внезапно придя в отчаяние, Холли подумала, что, будь Джордж жив, она ни за что не оказалась бы в таком положении, не была бы вынуждена жить в чужом доме и наниматься на службу к такому человеку, как Закери Бронсон.

Молчание нарушила Элизабет:

— Роза, позвольте мне проводить вас наверх в вашу комнату. Знаете, мой брат купил для вас целую лавку игрушек! И куклы, и книжки, и большущий кукольный дом — вы в жизни такого не видели.

Малышка, восторженно взвизгнув, сразу же пошла за ней, а Холли устремила на Закери Бронсона неодобрительный взгляд.

— Целая лавка игрушек?

— Ничего подобного, — тут же возразил Бронсон, — Элизабет склонна все преувеличивать. Разве не так, матушка?

— Ну, — нерешительно начала миссис Бронсон, — на самом деле...

— Я полагаю, леди Холланд не откажется пройтись по дому, пока распаковывают ее вещи, — поспешно перебил ее Бронсон. — Не хотите ли сопровождать ее?

Придя в сильнейшее смущение, миссис Бронсон пробормотала нечто невразумительное и исчезла, оставив Холли в гостиной наедине с Бронсоном.

Под все еще неодобрительным взглядом Холли Закери сунул руки в карманы.

— Что плохого в лишней паре игрушек? — спросил он наконец очень рассудительным голосом. — Комната ее была почти такой же веселой, как тюремная камера. Я решил, что кукла и несколько книжек сделают это помещение приятнее...

— Во-первых, — прервала его Холли, — я сомневаюсь, что в этом доме найдется комната, которой подошло бы сравнение с тюремной камерой. Во-вторых... я не желаю, чтобы мою дочь портили, задаривали и прививали ей склонность к излишества.

— Прекрасно, — нахмурился он, — тогда мы избавимся от этих чертовых игрушек.

— Прошу вас не выражаться в моем присутствии, — сказала Холли и вздохнула. — Как можно убрать эти игрушки, если Роза уже видела их? Вы, похоже не очень-то разбираетесь в детях, да?

— Да, — согласился он. — Только в том, как их подкупать.

Холли покачала головой; недовольство боролось в ней с невесть откуда взявшейся веселостью.

— Нет никакой необходимости подкупать ни Розу, ни меня, кстати. Я дала вам слово, что не нарушу нашего договора. И пожалуйста, не стучите так ногой... это дурная манера.

Нетерпеливое постукивание тут же прекратилось, и Бронсон бросил на нее мрачный иронический взгляд.

— Есть в моих манерах что-нибудь еще, что вам хотелось бы изменить?

— Думаю, что да. — Взгляды их встретились, и Холли заколебалась. Это было очень странно — делать замечания такому человеку. такому сильному и уверенному в себе, как Бронсон. Но ведь он нанял ее именно с этой целью, и она должна выполнять свою задачу. — Нельзя стоять, сунув руки в карманы, — это дурной тон.

— Почему? — спросил он, тут же вынув руки из карманов. Она задумчиво наморщила лоб.

— Наверное, потому, что можно подумать, будто вы что-то прячете.

— Может, и прячу.

Она подошла к нему; он не сводил с нее внимательного взгляда.

— Меня учили уделять особенно много внимания правильной манере держать себя, — продолжала Холли. — Леди и джентльмены должны быть сдержанными и не демонстрировать свое состояние. Постарайтесь никогда не пожимать плечами и не переминаться с ноги на ногу. Сведите ваши жесты к минимуму.

— Вот почему аристократы всегда окостенелые, точно трупы, — пробормотал Бронсон. Подавив улыбку, Холли серьезно посмотрела на него.

— Пожалуйста, поклонитесь мне, — скомандовала она. — Когда вы приветствовали нас у дома, я, кажется, заметила кое-что...

Бронсон бросил взгляд на дверь, желая убедиться, что за ними никто не наблюдает.

— Почему бы нам не начать уроки завтра? Я уверен, вам хочется распаковать вещи и привыкнуть к новому месту...

— Нет ничего лучше настоящего времени, — заверила она его. — Прошу вас, поклонитесь.

Он подчинился, бормоча что-то себе под нос.

— Вот, — мягко сказала Холли, — вот опять.

— Что опять?

— Когда вы кланяетесь, нужно смотреть на того, кому предназначен поклон, — нельзя отводить глаза, даже на миг. Кажется мелочь, но это очень важно. Только слуги и люди из низших классов кланяются, опустив глаза. Если этого не знать, можно попасть в неловкое положение.

Бронсон кивнул, он отнесся к этому серьезно, как ей того хотелось. Он снова поклонился, на этот раз не сводя с нее глаз. Внезапно у Холли перехватило дыхание, и она почувствовала, что никак не может отвести взгляда... такие уж его глаза были насмешливые и темные.

— Так лучше, — с трудом выдавила она. — До вечера я постараюсь составить список того, что мы должны изучить: манера держаться, правила поведения на улице и в доме, как войти в гостиную, как вести разговор, бальный этикет и... Вы умеете танцевать, мистер Бронсон?

— Не особенно.

— Тогда придется начать немедленно. Я знаю одного превосходного учителя танцев; он покажет вам фигуры кадрили и вальса...

— Нет, — быстро возразил Бронсон. — Черт меня побери, если я стану учиться танцевать у какого-то хлыща. Наймите его для Элизабет, если хотите. Она разбирается в танцах не лучше, чем я.

— Тогда кто же будет учить вас? — спросила Холли.

— Вы.

Она покачала головой и протестующе рассмеялась:

— Мистер Бронсон, я не специалист в этой области.

— Вы же умеете танцевать?

— Существует огромная разница между умением что-то делать и умением научить

этому кого-то еще. Следует пригласить опытного учителя танцев...

— Я хочу, чтобы это были вы, — упрямо повторил он. — Я плачу вам огромные деньги, леди Холланд, и ожидаю, что они окупятся. Все, что я узнаю в ближайшее время, я узнаю от вас.

— Прекрасно. Сделаю все возможное, мистер Бронсон. Но не вините меня, если, придя в один прекрасный день на бал, вы не сумеете проделать все фигуры кадрили.

Бронсон улыбнулся:

— Вы недооцениваете свои возможности, миледи. Я в жизни еще не встречал человека, который так умело занимался бы моим воспитанием. Кроме моей матери, конечно. — И он жестом предложил Холли опереться на свою руку. — Пойдемте со мной в галерею — я хочу показать вам моего да Винчи.

— Что? — восторгалась она. — У вас нет да Винчи, мистер Бронсон. По крайней мере на прошлой неделе у вас его не было, и никто не в состоянии... — Она осеклась, увидев блеск в его глазах. — Вы приобрели картину да Винчи? — слабым голосом спросила она. — Как... где...

— В Национальной галерее, — ответил он, подводя ее к библиотеке. — Пришлось продать кое-что из моей коллекции и пообещать выстроить им здание для собрания римской скульптуры. По сути, картина все равно не моя — я заплатил королевскую сумму, чтобы уговорить их одолжить мне ее на пять лет. Жаль, вас не было во время этих переговоров. Иметь дело с банкирами и лондонскими бизнесменами довольно трудно, но оказалось, что директора музеев — самые жадные ублюдки из всех...

— Мистер Бронсон, что за выражения! — с упреком перебила его Холли. — Так какую картину вы приобрели?

— Мадонну с младенцем. Мне сказали, что это превосходный образчик какой-то итальянской живописной техники в смысле света и тени...

— Кьяроскуро?

— Да, именно.

— Боже мой, — сказала потрясенная Холли, — у вас есть картина да Винчи! Интересно, существует ли что-нибудь, что было бы вам не по карману?

В его поведении было нечто такое — оттенок хвастливости, мальчишеский восторг, — что неожиданно тронуло ее. Закери Бронсон был безжалостным дельцом, человеком, которого, без сомнения, боялись очень и очень многие. Но при этом в его тщетном стремлении попасть в общество Холли чувствовала некую уязвимость. Будучи человеком разумным, он приобрел все необходимые атрибуты — дом и земли, чистокровных лошадей и картины, хорошо сшитую одежду, — но его главная цель оставалась все так же далеко.

— К несчастью, есть все же кое-что, чего я не могу купить, — заметил Бронсон, словно прочтя ее мысли. Холли вопросительно посмотрела на него.

— Чего же вы хотите больше всего?

— Быть джентльменом, конечно.

— Я так не думаю, — пробормотала она. — На самом деле вы не хотите быть джентльменом, мистер Бронсон. Вы хотите только выглядеть им.

Бронсон остановился и повернулся к ней; брови его иронически-насмешливо выгнулись. Холли опомнилась, осознав, что она сказала.

— Простите меня, — поспешно бросила она. — Не понимаю, почему я...

— Вы правы. Если бы я действительно был джентльменом, а не просто старался

подражать таковым, я никогда не добился бы успеха в делах. У настоящих джентльменов не хватает ума — или силы воли, — чтобы делать деньги.

— Я в это не верю.

— Вот как? Назовите хотя бы одного настоящего джентльмена из ваших знакомых, который мог бы постоять за себя в деловом отношении.

Холли задумалась, мысленно просматривая список тех, кто был известен своей финансовой хваткой. Но те, которых действительно можно было назвать удачливыми предпринимателями, утратили безупречность, позволявшую когда-то считать их истинными джентльменами. Видимо, стремление к умножению богатств очень портит человека. Нельзя проплыть по бурному морю, чтобы при этом тебя не потрепало.

Видя, что она молчит, Бронсон самодовольно улыбнулся:

— Вот именно.

Нахмурившись, Холли шла рядом: взять его под руку она отказалась.

— Увеличение своего достояния не должно быть важнейшей целью человеческой жизни, мистер Бронсон.

— Почему же нет?

— Любовь, семья, дружба... вот что имеет значение. А все это, конечно же, нельзя купить.

— Вы, наверное, удивитесь, но можно, — сказал он, и она не смогла не рассмеяться его цинизму.

— Я только надеюсь, что когда-нибудь, мистер Бронсон, вы встретитесь с кем-то или с чем-то, за что вы с радостью отдадите все свое состояние. И еще я надеюсь, что буду свидетелем этого.

— Может, и будете, — пробурчал он и повел ее по очередному длинному сверкающему коридору.

* * *

Обычно по утрам Холли с радостью открывала глаза, чтобы взглянуть на дочь, прыгающую к ней на кровать с пожеланиями доброго утра и поцелуями, но сегодня ей очень хотелось поспать еще. Сонно бормоча что-то, она глубже зарывалась в подушки, пока Роза скакала вокруг.

— Мама, — позвала малышка, залезая к ней под одеяло, — мама, проснись! Солнце встало, и погода очень хорошая. Мне хочется поиграть в саду. И сходить на конюшню. У мистера Бронсона очень много лошадей, ты знаешь?

Именно это мгновение и выбрала Мод, чтобы войти в комнату.

— У мистера Бронсона много всего, — послышалось ироническое замечание горничной, и Холли наконец оторвала голову от подушки.

Мод деловито налила горячую воду в таз, стоящий на умывальнике с мраморной крышкой, и достала щетку и расческу Холли в серебряной оправе, а также прочие туалетные принадлежности.

— Доброе утро, Мод, — сказала Холли, охваченная необъяснимой радостью. — Хорошо ли вы спали?

— Да, и наша Роза тоже хорошо. Я подозреваю, что она доигралась с этими игрушками

прямо до изнеможения. Как вы себя чувствуете, миледи?

— Я чудно отдохнула.

После нескольких ночей, когда она металась и вертелась на кровати и просыпалась на рассвете в сомнениях, Холли наконец удалось выспаться. Она считала, что вполне естественно расслабиться теперь, когда они уже находятся под крышей мистера Бронсона и возможности передумать нет. Им предоставили красивые апартаменты, просторные и светлые, выдержанные в розовых и бежевых тонах и украшенные блестящими белыми панелями. На окнах плескалось пенистое брюссельское кружево, а французские кресла были обиты гобеленами. Кровать украшала резьба в виде витых раковин, такая же, как на огромном платяном шкафу, разместившемся на другом конце комнаты.

Холли понравилось, что комната Розы была расположена рядом с ее спальней, а не на верхнем этаже, где обычно обитают дети. Детская была обставлена мебелью вишневого дерева, на полках стояли книжки с прекрасными иллюстрациями, на стол красного дерева был водружен самый большой кукольный дом, который когда-либо видела Холли. Каждая его деталь была на удивление совершенна, начиная с обюссонских ковров на полу и кончая деревянными окороками размером с ноготь, свешивающимися с кукольного кухонного потолка.

— Мне приснился замечательный сон, — сказала Холли, зевая и протирая глаза. — Я гуляла по саду, полному красных роз... они были такие большие, с бархатистыми лепестками и совсем реальные, я даже ощущала их запах... А самое замечательное, что я могла нарвать столько роз, сколько мне захочется, и у них не было шипов.

— Красные розы? — Мод взглянула на нее с любопытством. — Говорят, если увидишь во сне красные розы — значит, скоро повезет в любви.

Холли бросила на нее испуганный взгляд, потом печально улыбнулась:

— Это у меня уже было. — Взглянув на дитя, свернувшееся у матери под бочком, она поцеловала Розину темно-кудрую головку. — Вся моя любовь отдана тебе и твоему папе, — прошептала она.

— А ты можешь любить папу, если он на небесах? — спросила Роза, обняв куклу, которую принесла с собой.

— Конечно, могу. Вот мы, например, любим друг друга, даже когда мы не вместе, правда?

— Да, мама. — Роза задорно улыбнулась и протянула ей игрушку. — Посмотри — это одна из моих новых кукол. Она моя любимица.

Холли рассматривала куклу и восхищенно качала головой. Ее лицо, ручки, ножки были из фарфора, а из-под шапочки настоящих волос поблескивали изящно нарисованные глаза. Кукла была одета в роскошное шелковое платье, украшенное пуговками, бантами и рюшами, а на ножках были нарисованы маленькие красные башмачки.

— Какая красивая! — восхитилась Холли. — Как ее зовут?

— Мисс Крампет. Холли засмеялась.

— У меня такое ощущение, что вы с мисс Крампет будете часто устраивать чаепития.

Роза обняла куклу и посмотрела на Холли поверх ее маленькой головки.

— А можно нам пригласить на чай мистера Бронсона, мама?

Улыбка Холли погасла.

— Не думаю, что это возможно, Роза. Мистер Бронсон очень занятой человек.

— Жалко.

— Этот мистер Бронсон — человек странный, — начала Мод, которая принесла из гардероба белую накидку, отделанную рюшами, и подала ее Холли. — Я сегодня утром поболтала кое с кем из прислуги — мне самой пришлось идти за горячей водой, потому как здесь, похоже, никто никогда не приходит, сколько ни звони, — так вот, у них нашлось что порассказать о хозяине.

— Например? — спросила Холли как можно равнодушнее.

Жестом подозвав к себе Розу, Мод надела на девочку чистую белую рубашечку, панталончики и плотные чулочки.

— Говорят, хозяин он неплохой — здесь никто ни в чем не нуждается. Но дом поставлен — хуже некуда. Экономка и вся прислуга в курсе, что мистер Бронсон понятия не имеет о том, как ведется дом у настоящих благородных господ.

— И они пользуются его неосведомленностью, — заключила Холли, неодобрительно покачав головой. Она тут же решила, что даже если не добьется здесь ничего большего, то по крайней мере постарается чему-нибудь научить слуг. Закери Бронсон, разумеется, заслуживает, чтобы работающие у него люди добросовестно выполняли свои обязанности.

Но следующие слова Мод разом разрушили всю ее симпатию к своему работодателю. Набросив на голову Розы белое платье с оборками и убедившись, что ушки у девочки закрыты, горничная продолжала:

— Говорят, миледи, что мистер Бронсон совсем буйный. Он иногда устраивает тут вечеринки с выпивкой, игрой в карты и девками в каждом углу, и гости все очень дурного пошиба. Один раз после такой вечеринки даже пришлось убрать ковры и мебель из некоторых комнат...

— Мод! — Роз нетерпеливо извивалась под белыми оборками.

— И еще говорят, что мистер Бронсон — самый заядлый гуляка, — сообщила Мод, явно наслаждаясь выражением ужаса на лице Холли. — Ему все одно — прачка или герцогиня, он гоняется за всеми, кто в юбке. Одна горничная, Люси, говорит, что застукала его с двумя женщинами сразу. — Видя, что Холли не понимает, о чем речь, Мод шепотом уточнила:

— В постели, миледи!

— Мод, — раздался голосок Розы, — я задохнусь!

Пока Мод, освободив наконец пленницу, завязывала голубую ленту на поясе девчачьего платья, потрясенная Холли пыталась переварить услышанное. Две женщины сразу? Она никогда не предполагала, что такое возможно, и не могла вообразить, как и зачем это делать. Отвращение охватило ее. Похоже, мистер Бронсон знает толк в разврате. Как же ей повлиять на такого человека? Глупо даже пытаться сделать это! Но все же Бронсону придется изменить свои привычки. Никакого дурного общества она не потерпит. Здесь больше не будут играть в карты и наслаждаться компанией девиц легкого поведения. Если она почувствует даже намек на нечто скандальное, то вместе с Розой и Мод немедленно покинет этот дом.

— Хозяин ведь зарабатывал на жизнь боксом, правда? — спросила горничная у Холли, взяв расческу и собираясь приняться за спутанные кудряшки Розы.

Девочка вздохнула и приготовилась стойко перенести ежедневную пытку. Взгляд ее был с тоской устремлен на мисс Краппет.

— Скоро? — с надеждой спросила она, вызвав улыбку у горничной.

— Еще чуть-чуть, мисс!

— Да, я уже слышала что-то об этом, — кивнула Холли, и лоб у нее забавно сморщился.

— Это продолжалось два года или вроде того, так мне сказал лакей Джеймс, — доложила Мод. — Мистер Бронсон дрался на кулаках и приносил домой набитый кошелек каждый раз, когда его выпускали на ринг. Джеймс даже видел один раз, как мистер Бронсон дрался, задолго до того еще, как разбогател! Джеймс говорит, что в жизни не видывал такой прекрасной мужской фигуры, у него такие мускулы, что вы их не обхватите двумя руками, а шея — ровно у быка. И дрался он с прохладцей, никогда до страсти не доходил. Прямо чемпион кулака.

С каждым словом горничной Холли огорчалась все больше.

— Ах, Мод... Я, верно, сошла с ума, привезя вас сюда. Научить его этикету — вещь совершенно безнадёжная.

— Я так не думаю, миледи, — последовал ответ Мод, ловко заправлявшей белокурые завитки, выбившиеся из-под ее чепчика. — Ведь в конце-то концов хозяин проделал сам всю дорогу от ринга до самого чудесного имения в Лондоне. Ясное дело, стать джентльменом — еще одна ступенька выше, вот и все.

— Но это самая высокая ступенька, — возразила Холли.

Роза взяла в руки куклу и снова подошла к постели.

— Я помогу тебе, мама. Я все расскажу мистеру Бронсону о хороших манерах.

Холли нежно улыбнулась дочке:

— Спасибо, что ты хочешь мне помочь, милочка. Но лучше, чтобы ты как можно меньше имела дела с мистером Бронсоном. Он... он не очень хороший человек.

— Ладно, мама, — послушно отозвалась Роза, скрывая разочарование.

Мод оказалась права: сколько они ни звонили, им не удалось вызвать служанку, и в итоге Холли отказалась от этой мысли.

— Пока мы будем ждать, чтобы принесли Розе завтрак, девочка умрет с голоду, — пробормотала она. — Придется поговорить с миссис Берни сегодня же утром. Вероятно, она объяснит, почему ни один из восемнадцати слуг не может подняться по лестнице.

— Это никудашные слуги, миледи, — мрачно констатировала Мод. — Все до единого. Когда я шла по вестибюлю сегодня утром, я видела служанку вот с таким животом, — она жестом обозначила беременность, — а другая целовалась со своим милым — прямо там же, а еще одна девушка спала у стола. Один лакей расхаживая с волосами, только наполовину покрытыми пудрой, а другой жаловался, что никто не выстирал его ливрейные панталоны в день стирки...

— Пожалуйста, довольно, — расстроено попросила Холли и подняла руки, будто капитулируя. — Здесь столько всего нужно сделать, что просто не знаю, с чего начать. — Она наклонилась к девочке и крепко поцеловала ее. — Роза, милочка, возьми мисс Крампет с собой, мы спустимся вниз и попробуем отыскать там завтрак.

— Я буду завтракать с тобой? — просияла девочка.

Как большинство детей в аристократических семьях, она привыкла завтракать в детской. Садиться за стол вместе со взрослыми позволялось только чадам соответствующего возраста, уже, как считалось, обладающим достаточным знанием хороших манер.

— Только сегодня, — уточнила Холли, расправляя огромный голубой бант на голове у дочери. — И я от всей души надеюсь, что ты подашь мистеру Бронсону хороший пример.

— Ах, непременно!

Крепко прижимая к себе мисс Крампет, Роза тут же принялась объяснять ей, насколько важно вести себя как настоящая леди.

Каким-то образом Холли удалось отыскать дорогу в комнату, откуда доносились аппетитные запахи.

Помещение с высокими окнами, выходившими в роскошный сад, выглядело очаровательно. Буфет был уставлен серебряными подносами, на которых возвышались груды блюд с закусками. Шесть маленьких круглых столиков сверкали под хрустальной люстрой.

За одним из них уже сидела Элизабет Бронсон, подносящая к губам изящную фарфоровую чашечку. Увидев вошедших Холли, Розу и Мод, она послала им лучезарную улыбку.

— Доброе утро, — весело прошептала она. — Как, Роза, вы собираетесь завтракать вместе с нами? Вот замечательно! Надеюсь, вы сядете рядом со мной.

— А мисс Крампет тоже можно? — поинтересовалась Роза, показывая свою новую куклу.

— Мисс Крампет будет сидеть на отдельном стуле, — великодушно разрешила Элизабет, — и мы втроем обсудим, чем будем сегодня заниматься.

В восторге оттого, что с ней обращаются как со взрослой, Роза направилась к девушке со всей быстротой, на какую были способны ее маленькие ножки. Мод спокойно принялась накладывать на тарелку завтрак для девочки, словно демонстрируя присутствующим, как должна исполнять свои обязанности вышколенная прислуга.

Холли направилась к буфету, где Закери Бронсон брал себе яйца, холодное мясо, хлеб и овощи. Хотя он был одет как джентльмен — утренний фрак угольно-серого цвета, черные панталоны и сизый жилет, — он чрезвычайно походил на пирата. От оценивающего взгляда его темных глаз у нее беспокойно екнуло сердце.

— Доброе утро, — промолвил он. — Надеюсь, вы хорошо спали?

Вспомнив скандальные рассказы о его буйном поведении, Холли отвечала вежливо, но холодно:

— Очень хорошо, благодарю вас. Кажется, мы появились вовремя и можем вместе приступить к завтраку.

— Я уже приступил, — весело отозвался Бронсон. — Это моя вторая порция.

Глаза у Холли изумленно расширились, когда она увидела возвышающуюся на его тарелке гору снеди.

В этот момент вошла экономка, и Холли устремила на нее вопрошающий взгляд.

— Добрый день, миссис Берни... как видите, я привела свою дочь завтракать вниз, поскольку никто не отозвался на мои звонки. Может быть, звонок сломан?

— У нас очень большое хозяйство, миледи, — ответствовала экономка; лицо ее было бесстрастно, но губы недовольно поджались. — Горничные не могут то и дело все бросать и бежать на каждый звонок.

Подавив искушение узнать, имеют ли горничные вообще привычку реагировать на зов, Холли решила поговорить об этом с миссис Берни позже. Экономка положила на буфет серебряные приборы и удалилась.

Пока Холли наполняла свою тарелку — тост, яйцо, кусочек ветчины, — Бронсон стоял у буфета.

— Сегодня утром я уйду по делам, — сообщил он. — Я смогу приступить к урокам после ленча, если вам угодно.

— Прекрасно, — сказала Холли. — Действительно, почему бы нам не планировать вот так каждый день? В утренние часы я буду заниматься с вашей сестрой, а с вами — днем,

когда Роза спит.

— Я не всегда бываю свободен в середине дня, — заметил Бронсон.

— В такие дни мы с вами сможем встречаться по вечерам, когда я уложу Розу, — предложила Холли. Бронсон кивнул. Затем Холли протянула ему свою тарелку. — Можете отнести ее на стол, сэр. Когда для этого нет лакея, помощь даме может оказать джентльмен.

— С чего это я стану носить тарелку, если женщина прекрасно может справиться с этим сама?

— Потому что джентльмен всегда пользуется случаем услужить даме, мистер Бронсон. Он должен предпринимать все возможное ради ее удобства и спокойствия.

Он выгнул темную бровь.

— Вы, леди, сильно облегчаете себе жизнь.

— Не думаю, — ответила Холли так же сухо, как он. — Мы вынашиваем детей, ведем хозяйство, посещаем больных, надзираем за починкой, стиркой, следим за разнообразием и качеством пищи, планируем для наших мужей светские мероприятия...

Бронсон посмотрел на нее смеющимися темными глазами:

— Неужели я могу ожидать от жены всего этого? Тогда мне хочется поскорее жениться.

— Как-нибудь я расскажу вам, как следует ухаживать за дамой.

— Буду ждать с нетерпением, — тихо ответил он.

Бронсон поставил тарелки на стол, который занимали Элизабет и Роза. Прежде чем Холли успела объяснить ему, как следует помочь леди усесться, Роза с веселым любопытством посмотрела на хозяина дома и задала ему такой вопрос, от которого Холли чуть не упала в обморок.

— Мистер Бронсон, — невинно прощелбетала девочка, — почему вы на вашем вечере спали с двумя женщинами?

Холли онемела. Значит, Роза слышала их разговор с Мод.

Горничная, все еще накладывавшая еду Розе, замерла, фарфоровая тарелка выскользнула у нее из рук и звякнула о буфет.

Элизабет, отправившая в этот момент кусочек тоста, подавилась, с трудом справилась с собой и закрыла малиновое лицо салфеткой. Затем посмотрела на Холли глазами, полными одновременно страха и веселости, и прошептала:

— Простите, у меня так жмет правый башмак, я лучше пойду переобуюсь.

И она упорхнула, оставив остальных в немом оцепенении.

Из всех них Бронсон единственный не проявил никакой внешней реакции, разве что скривил рот. «Он, наверное, очень, очень хорошо играет в карты», — подумала Холли.

— Бывает, что гости приходят на мои вечера очень усталыми, — спокойно объяснил Бронсон девочке. — Я просто помогал им отдыхать.

— А, понимаю, — с готовностью кивнула Роза.

Наконец Холли удалось заговорить:

— Мне кажется, Мод, моя дочь уже позавтракала.

— Слушаюсь, миледи.

И горничная в панике кинулась спасать ребенка, чтобы он не присутствовал при ужасной сцене.

— Но, мама, — запротестовала Роза, — я еще даже не...

— Можете взять завтрак с собой в детскую, — твердо произнесла Холли и села с таким видом, будто ничего не случилось. — Быстрее, Роза! Я хочу кое-что обсудить с мистером

Бронсоном.

— Почему я никогда не могу поесть со взрослыми? — пожаловалась девочка, выходя из комнаты вместе с Мод.

Бронсон сел рядом с Холли, устремив настороженный взгляд на ее сердитое лицо.

— Очевидно, слуги наболтали, — констатировал он.

Холли постаралась, чтобы голос ее звучал по возможности спокойно:

— Мистер Бронсон, пока мы находимся в вашем доме, вы не будете больше «помогать дамам отдыхать» — ни одной, ни двум, ни в каком другом количестве. Я не допущу, чтобы моя дочь находилась в атмосфере разврата. Кроме того, хотя прислуга и обязана относиться к вам с уважением, будет весьма недурно, если вы заслужите это уважение своим поведением.

Вместо того чтобы выглядеть пристыженным или растерянным, Бронсон хмурился все сильнее и сильнее.

— Ваше дело — научить меня знанию этикета, миледи. Моя частная жизнь — это моя забота.

Взяв в руки вилку, Холли яростно ткнула ее в яичницу.

— К несчастью, нельзя отделить частную жизнь от публичной, сэр. Никто не может оставить нравственность в прихожей, как шляпу, а выходя из дому, снова надеть ее.

— Я могу.

Холли позволила себе недоверчиво улыбнуться.

— Очевидно, вам нравится так думать!

— Не пытайтесь втолковать мне, миледи, что каждое мгновение вашей частной жизни может выдержать испытующий взгляд общества. Неужели ваш нимб никогда малость не съезжал набок?

Заметив, что рука ее стиснула вилку так, точно эго по крайней мере шпага, Холли положила ее на стол.

— Что вы хотите сказать?

— Вам никогда не приходилось перепить? Проиграть все деньги, которые вам дали на булавки? Ругаться? Смеяться в церкви? Сказать что-то мерзкое о близкой подруге у нее за спиной?

— Ну, я... — Она добросовестно покопалась в памяти, чувствуя его выжидающий взгляд. — Пожалуй, нет.

— Никогда? — Бронсон, кажется, всполошился. — И вы не выходили из себя у портнихи? — спросил он, все еще надеясь найти хоть какую-нибудь червоточину.

— Ну, есть одна вещь. — Холли разгладила платье на коленях. — Я слишком люблю пирожные. Я могу съесть целую гору в один присест и никак себя не перевоспитаю.

— Пирожные, — разочарованно протянул он. — Это ваш самый большой грех?

— О, если мы говорим о слабостях характера, то у меня есть кое-какие, — успокоила она. — Я снисходительна к себе, упряма и борюсь с такой чертой, как сильное тщеславие. Но наш разговор не об этом, мистер Бронсон. Мы говорим о ваших привычках, а не о моих. Если вы хотите приобрести внешность и манеры джентльмена, вам не следует позволять низменной стороне вашей натуры управлять ее высокой, духовной частью.

— У моей натуры нет высокой стороны, леди Холланд.

— Без сомнения, удобнее и приятнее делать вид, что это так. Но человек никогда не станет хозяином своей судьбы, если не научится контролировать свои инстинкты. Когда они

руководят вами, это приводит к деградации.

— Деградация, — серьезно повторил он. — Замечу со всем уважением, миледи, что ни разу не замечал каких-либо вредных последствий.

— Заметьте как-нибудь. Вредно для здоровья, когда мужчина предается излишества — будь то еда, алкоголь или... или...

— Половая жизнь? — пришел он на помощь.

— Да. Поэтому я надеюсь, что отныне вы будете практиковать умеренность во всем. Думаю, вы не замедлите обнаружить положительное влияние, которое это окажет на ваш характер.

— Я не мальчик-певчий, миледи. Я мужчина, а у мужчин есть определенные потребности. Если вы заглянете в наш контракт, то увидите, что там ничего не говорится о том, чем я занимаюсь у себя в спальне...

— В таком случае приводите ваших девиц куда-нибудь в другое место, если вам это нужно, — сказала Холли. Хотя она не повышала голоса, в нем звучали стальные нотки. — Чтобы выказать уважение вашей матери, сестре, моей дочери... и мне. Я настаиваю на соблюдении приличий и не останусь в доме, где происходят подобные вещи.

Некоторое время они с вызовом смотрели друг на друга.

— То есть я не могу переспать с женщиной в моем собственном доме? — подытожил он, словно не веря своим ушам. — В моей собственной кровати?

— Не можете, пока я живу здесь, сэр.

— Мужские потребности никак не связаны с джентльменством. Я могу назвать вам имена по крайней мере дюжины так называемых джентльменов, очень уважаемых людей, которые бывают частыми гостями в тех же борделях, что и я. Я даже могу рассказать вам о том, чем именно они там занимаются...

— Нет, благодарю вас, увольте, — поспешно оборвала его Холли, прикрыв пылающие уши руками. — Я понимаю вашу тактику, мистер Бронсон. Вы пытаетесь отвлечь меня историями о недостойном поведении других от вашего собственного поведения. Но я изложила свои условия и настаиваю на их выполнении. Если вы приведете хоть одну женщину легкого поведения в этот дом, я тут же разорву наше соглашение.

Бронсон схватил с изящной серебряной стойки кусок поджаренного хлеба и принялся намазывать на него мармелад.

— Пока вы перечисляете мне вещи, от которых я должен отказаться, — мрачно заметил он, — вы успели бы научить меня множеству полезного.

— Я обещала научить вас тому, что знаю сама. И прошу вас, не машите ложкой.

Скорчив гримасу, Бронсон положил ложку в хрустальное блюдо с вареньем.

— Обучайте меня всему, чему желаете, миледи. Только не пробуйте меня переделать.

Он был неисправимо безнравствен, но в этой его убежденной безнравственности таился определенный шарм. Холли задавалась вопросом: почему она симпатизирует этому человеку? Может быть, она слишком долго жила исключительно среди достойных людей.

— Мистер Бронсон, — сказала она, — я надеюсь, что в один прекрасный день вы поймете, что половой акт может быть чем-то гораздо большим, чем вы привыкли его считать. Это возвышенное выражение любви... объединение душ.

Бронсон тихо рассмеялся: похоже, его позабавило, что она пытается просветить его в этом отношении.

— Это обычная телесная потребность, — возразил он. — Сколько бы ни старались

многочисленные музыканты, поэты и романисты изобразить это дело в другом свете. И еще — это одно из моих любимых занятий в свободное время.

— Тогда поступайте, как вам угодно, — холодно ответила она. — Но только не в этом доме.

Он послал ей улыбку, целью которой было взбесить ее еще больше:

— Так я и сделаю.

Закери мчался в город на головокружительной скорости, пытаясь собраться с мыслями к предстоящему заседанию совета. Этого дня он ждал давно и с нетерпением. Он должен заключить сделку с двумя совладельцами крупного мыловаренного завода, чтобы усовершенствовать производство и выстроить новое жилье для многочисленных работников. Партнеры, оба из аристократии, не соглашались на такие расходы, утверждая, что завод приносит хорошие доходы и ничего менять не стоит. Они считали желание Закери ввести усовершенствования пустой затеей. В конце концов, заявляли они, рабочие привыкли к тем убогим условиям, в которых живут и трудятся, и не надеются ни на что другое.

От Закери потребовалось немалое упорство и немного запугиваний, чтобы заставить понять его точку зрения. Он утверждал, что люди станут работать продуктивнее, если их жизнь станет не такой убогой. Он прекрасно понимал, почему эти аристократишки в конце концов согласились на его требования. Они сочли себя слишком утонченными и благородными, чтобы заниматься подобными прозаическими вещами. Они предпочли оставить все ему, и слава Богу. Он вполне доволен. Теперь все, что хотел, он провернет и проследит, чтобы впоследствии это принесло хорошую прибыль. Возможно, их годовой доход даже удвоится, а завод будет образцом для других лондонских производств.

— Подписывайте и помалкивайте, — посоветовал один из партнеров другому. — Ведь пока что дела у нас с Бронсоном шли неплохо. С его помощью мои капиталовложения принесли самый большой доход, какой когда-либо был у моей семьи.

Предстоящая встреча и будущее завода — вот и все, о чем ему следовало бы сейчас думать. Однако голова его была занята леди Холли: ее милой серьезностью, когда его так и подмывало задирать и подзуживать ее, и печальным, нежным ртом, порой изгибавшемся в неожиданно юной улыбке.

Она казалась Закери неотразимой, хотя он и сам не понимал почему. Он и раньше встречал милых женщин, женщин добрых и добродетельных, вызывавших у него восхищение. Но ни одну из них он никогда не хотел. Доброта не волновала его. Невинность в любой форме не казалась ему возбуждающей. Он предпочитал проводить время со склонными к авантюрам опытными сердцеедками, у которых капризные глаза и чьи наманикюренные руки без стеснения блуждают под столом во время званых обедов. В особенности его покоряли женщины, внешне представлявшие истинным воплощением леди, но в постели оказывавшиеся законченными распутницами.

Леди Холли не принадлежала ни к одному из этих типов. Задачу уложить ее в постель нельзя рассматривать как приключение ни в каком смысле этого слова. Почему же при одной мысли о ней его обдавало жаром? Почему его охватывало возбуждение, когда он всего лишь находился в одной с ней комнате? Да, она хороша собой, но он и раньше знал очень красивых женщин. У нее хорошая фигура, но не более, чем у прочих. К тому же она маленького роста. Губы его дрогнули в усмешке, когда он представил себе ее нагую, лежащую на шелковых простынях в его огромной кровати. Он не мог вообразить более увлекательного занятия, чем предаваться любовным играм с этой маленькой женщиной на своем широченном матрасе.

Но этого не будет никогда. К своему величайшему сожалению, Закери сознавал, что он слишком хорошо относится к леди Холли, чтобы попытаться соблазнить ее. Это приведет ее

в отчаяние. Удовольствие, которое она испытает, очень скоро заглушат чувство вины и угрызения совести. И она возненавидит его за это. Лучше оставить все как есть, пусть довольствуется счастливыми воспоминаниями о покойном муже и бережет себя для встречи с ним в ином мире.

Физическое удовлетворение Закери мог получить и на стороне, но никто другой не заменит ему Холли. Она умна, принципиальна и очаровательна, и если он не станет вести себя слишком дурно, то сможет наслаждаться ее обществом целый год. Это куда дольше, чем одна ночь, какое бы удовольствие она ни принесла.

* * *

Холли предложила Элизабет прогуляться по саду, отложив занятия до тех пор, пока не узнают друг друга получше.

— Это мое любимое место для прогулок, — сказала Элизабет, подводя Холли к тропинке, производившей гораздо более «дикое» впечатление, чем остальной сад. Ступая по дорожке, вымощенной известняком, Холли любовалась огромными полянами подснежников. Вдоль дорожки росли декоративные деревья и кусты жимолости, наполнявшие воздух ароматом. Куда ни кинь глаз, все было густо усыпано розовыми пятнами цикламенов и алых клематисов, манящих Холли дальше и дальше по извилистой дорожке.

Беседа с Элизабет, Холли поняла, что сестра Бронсона оказалась воистину незаурядным человеком. Натура у нее была жизнерадостная, при этом девушка вовсе не скрывала, что хорошо знакома с неприятными сторонами жизни. В отличие от барышни, едва ступившей за порог классной комнаты и смотревшей на мир сквозь шторы привитых ей наставниками представлений, Элизабет была рождена в бедности, в такой бедности, которая лишила ее всех девических иллюзий. Ее темные глаза слишком много повидали для ее возраста, и ей, казалось, было незачем нравиться кому бы то ни было, кроме самой себя. Эти качества вряд ли вызвали бы энтузиазм предполагаемых поклонников, если бы Элизабет при этом не обладала необычной романтической красотой, против которой большинство мужчин едва ли смогло бы устоять.

Отбросив назад темные локоны, Элизабет начала разговор с характерной для нее резкостью:

— Надеюсь, вы не очень плохо думаете о моем брате, леди Холланд?

— Я смотрю на него как на чрезвычайно незаурядную личность. — Холли пришлось ускорить шаг, чтобы идти с Элизабет в ногу, хотя та вовсе не торопилась.

— Значит, нельзя сказать, что вы невзлюбили его?

— Вовсе нет.

— Это хорошо, — с явным облегчением сказала Элизабет. — Но я бы не удивилась, если бы вы сочли его совсем испорченным. У Зака много плохих привычек, он довольно необузданный, не говоря уже о том, что жутко надменен. Но за всем этим скрывается самый нежный человек из когда-либо живших на свете. Вы, пожалуй, никогда его таким не увидите — он проявляет это только с мамой и со мной. Но я очень хочу, чтобы вы поняли — он определенно стоит того, чтобы ему помочь.

— Если бы я в это не верила, я никогда бы не оказалась здесь.

Они поднялись по пологому склону и подошли к двум длинным прямоугольным прудам. Было так рано, что над водой висел белый туман, а на листьях еще блестела роса. Глубоко вдохнув утренний воздух, Холли с улыбкой посмотрела на Элизабет.

— Ваш брат замечательно все это устроил. — Она жестом показала на ослепительную красоту окружающего пейзажа.

— Зак всегда делает все для того, чтобы добиться своего, — отозвалась Элизабет, замедляя шаг. Теперь они шли по каменному мосту, ведущему к саду. — Не важно, во что это обходится. Я никогда не видела своего отца — обо мне заботились только мама и Зак. Все мое детство Зак работал в доках, чтобы содержать нас. Но денег на сносную жизнь не хватало. Тогда Зак занялся боксом. Конечно, у него это хорошо получалось, но бои были такие жестокие... Я буквально заболела, когда слушала рассказы о них. — Остановившись у дерева, сформированного в виде пирамиды из трех шаров, Элизабет откинула со лба буйные темные кудри и вздохнула. — После боя Зак приходил в вонючую старую лачугу, где мы жили... Боже! Какой у него был вид! Весь в крови и синяках, тело черно-багровое от кровоподтеков. Он не выносил, если к нему прикасались, даже не давал маме или мне натереть себя мазью. Мы умоляли его больше не заниматься этим, но если уж он решил что-нибудь, его не отговорить.

Холли направилась к кусту в виде конуса.

— Сколько времени он занимался боксом?

— Около двух лет. — Тяжелый локон снова выбился из прически Элизабет, и она нахмурилась. — Ох уж эти вредные волосы, ничего с ними не сделаешь. — Она скрутила непослушные кудри и снова заколола шпильками всю их непокорную массу. — Когда мне исполнилось двенадцать, мы переехали из наемной квартиры в собственный маленький коттедж. Потом Закери стал совладельцем парохода и начал увеличивать свое богатство. Кажется, он обладает даром Мидаса. Зак добивался почти всех целей, которые ставил перед собой. Только вот... он не очень-то изменился с тех пор, как был боксером. Часто он ведет себя точно так, как на ринге. Нет, он не прибегает к физическому насилию, но... вы понимаете, что я имею в виду?

— Да, — пробормотала Холли. Закери Бронсон все еще дерется и добивается побед и никак не может опустить кулаки. Только теперь это происходит в деловом мире, а не в боксе. И он получает удовольствие от роскоши и множества женщин, вознаграждая себя за все, чего он был лишен. Ему нужен кто-то, способный в достаточной мере обуздать его, чтобы он мог жить в цивилизованном обществе. Но этим человеком, конечно же, будет не она. Все, на что она способна, — это нанести на него кое-какой поверхностный лоск.

— Зак хочет жениться, и жениться удачно, — с иронией продолжала Элизабет. — Скажите мне правду, леди Холли, знаете ли вы какую-нибудь женщину, которая могла бы подойти ему?

От этого вопроса Холли стало неловко. Она такой женщины не знала. Зато была уверена, что никто из легиона беззаботных молодых девушек, начавших выезжать в этом сезоне, не имеет ни малейшего понятия о том, как обращаться с такой самобытной личностью, как Бронсон.

— Я так и думала, — кивнула Элизабет, прочтя ответ на лице у Холли. — Но мы должны заниматься своим делом, не так ли? Закери ведь хочет также, чтобы я вышла замуж, и не всякий барон или виконт его устроит. — Она засмеялась весело и искренне. — Он не успокоится, пока не найдет мне герцога!

Холли уселась на маленькую мраморную скамейку и устремила выжидающий взгляд на девушку, вовсе не разделяя ее веселья.

— И вы этого хотите?

— Господи, конечно, нет! — Смех Элизабет затих, и она медленно двинулась между фигурными кустами. Ее беспокойная энергия не давала ей посидеть на месте. — То, чего я хочу, невозможно... так что я, наверное, останусь старой девой и буду путешествовать по свету до конца своих дней.

— Скажите мне, — осторожно начала Холли, — а о чем вы мечтаете?

Элизабет бросила на нее странно вызывающий взгляд.

— Все очень просто. Мне нужен тот, кто полюбит меня, забыв о проклятых деньгах моего брата. Честный, достойный человек, у которого хватит силы, чтобы противостоять Закери. Но найти такого не помогут никакие манеры.

— Почему же?

— Потому что я ублюдок! — выпалила Элизабет. Затем неуверенно рассмеялась, глядя в лицо Холли. — Зак вам не сказал? Конечно, нет. Он думает, что если делать вид, что чего-то не существует, то оно исчезнет само собой. На самом деле я плод короткой связи, которая возникла у моей матери спустя долгое время после смерти мужа. Один мерзавец вошел в ее жизнь, соблазнил красивыми словами и несколькими пустяковыми подарками — и исчез, когда она ему надоела. Я, конечно, никогда его не видела. Но я была тяжелой обузой для семьи, пока Закери не вырос и не смог кормить нас обеих.

Холли смотрела на застенчивое лицо девушки. Она нравилась ей все больше и больше.

— Элизабет, пожалуйста, подойдите сюда. — И она указала на место подле себя.

После долгих колебаний девушка подчинилась. Она устремила взгляд на окружающий пейзаж, профиль ее казался неподвижным. Холли заговорила с крайней осторожностью:

— Элизабет, незаконнорожденность не такое уж из ряда вон выходящее обстоятельство. Среди аристократии тоже есть множество таких, как вы, и они нашли себе место в порядочном обществе.

— Конечно, — резко произнесла Элизабет, — это ведь не делает меня привлекательнее, а?

— Это никого не украшает, — согласилась Холли. — Но и не может помешать удачно выйти замуж. — Она погладила изящную, гибкую руку девушки. — Так что не думаю, что вы останетесь старой девой.

— Я не собираюсь выходить абы за кого, — возразила Элизабет. — Это должен быть замечательный человек, или я останусь одинокой.

— Разумеется, — спокойно согласилась Холли. — Остаться незамужней — далеко не самое страшное. Гораздо хуже выйти за человека дурного или нелюбимого.

Элизабет удивленно рассмеялась.

— Я всегда считала, что такие, как вы, полагают всякое замужество, не важно, стоящее оно или нег, лучшей участью, чем вообще никакого.

— Я видела столько неудачных браков, когда муж и жена делали друг друга несчастными людьми. Супружескую пару должны связывать любовь и уважение.

— А как было у вас, миледи? — Едва этот вопрос слетел с ее губ, как Элизабет вспыхнула, испугавшись собственной бесцеремонности. — Простите меня! Это ничего, что я спрашиваю?

— Конечно, ничего. Я с удовольствием рассказываю о своем покойном муже. Он и

сейчас живет в моей памяти. Наше супружество было самым чудесным, какое только можно вообразить. — Холли печально улыбнулась. — Теперь, когда я оглядываюсь на это время, оно кажется мне сном. Я любила Джорджа всегда — мы были дальними родственниками, и в детстве я изредка виделась с ним. Джордж был красивым молодым человеком, и он был очень добр. Его семья и друзья обожали его. Я же была пухлым, очень робким ребенком, и вряд ли мы с ним обменялись за все время десятком слов. Потом Джордж отправился в большое путешествие, и я очень долго не видела его. Когда через несколько лет он вернулся, мне было уже восемнадцать. Мы встретились на балу. — Холли улыбнулась и приложила ладони к своим пылающим щекам, обнаружив, что приятные воспоминания все еще заставляют ее краснеть. — Джордж пригласил меня танцевать, и мне показалось, что сердце у меня остановится. Он обладал потрясающими обаянием и уверенностью, казавшимися мне неотразимыми. Несколько месяцев он очень пылко ухаживал за мной, пока мой отец не дал согласия на наш брак. Мы прожили вместе три года. Не было дня, чтобы я не ощущала, что меня любят и лелеют. Роза родилась незадолго до смерти Джорджа. Я так рада, что он успел побыть с ней.

Элизабет, казалось, была очарована этой историей.

— Ах, леди Холланд! — Она устремила на Холли взгляд, полный сочувствия и удивления. — Как вам повезло, что вы встретили такого человека.

— Да, — тихо сказала Холли. — Это действительно так. С минуту обе молчали, глядя на колеблемые ветерком цветы и травы, но вот Элизабет вернулась к реальности.

— Давайте сделаем что возможно из того дурного материала, который вам достался, леди Холланд, — бодро предложила она. — Вернемся домой и начнем занятия, хорошо?

— Конечно. — Холли встала и отряхнула юбку. — Я полагаю, мы начнем с того, как садиться, вставать и ходить. Девушка расхохоталась:

— А я-то думала, что умею все это делать!

Холли в ответ тоже улыбнулась:

— Вы делаете это совсем неплохо, Элизабет, но есть кое-какие мелочи...

— Да, я знаю. Я жестикулирую при ходьбе, как будто участвую в соревнованиях по гребле.

Это сравнение вызвало у Холли улыбку.

— Уверю вас, на самом деле это не так.

— Вы такая дипломатка, — заметила Элизабет с усмешкой. — Но я и сама знаю, что я так же грациозна, как солдат, проходящий строевое обучение. Будет просто чудом, если вам удастся помочь мне.

Она направились назад, к дому, и Холли снова пришлось поторопиться, чтобы идти вровень с Элизабет.

— Во-первых, — проговорила она, задыхаясь, — вы должны попытаться ходить помедленнее.

— Простите. — Элизабет сбавила шаг. — Я всегда как будто спешу куда-то, даже если мне некуда идти.

— Моя гувернантка учила меня, что леди и джентльмены никогда не ходят быстро — это признак вульгарности.

— Почему?

— Не знаю. — Холли грустно рассмеялась. — По правде говоря, я не знаю, зачем нужно множество вещей, которым я собираюсь обучить вас... просто так полагается.

Они вернулись домой, дружески болтая, и Холли порадовалась возникшей между ними взаимной симпатии. Элизабет стояла того, чтобы ей помочь, и, несомненно, заслуживала любви. Но в мужа ей нужен совершенно особенный человек, который не будет ни слишком потакать ей, ни слишком ее контролировать. Настолько сильный, чтобы оценить живой нрав Элизабет и не пытаться сокрушить его. Именно естественная энергия делала ее такой привлекательной.

Должен же быть кто-то, размышляла Холли, пробегая мысленно список своих знакомых. Вечером она напишет несколько писем своим подругам, с которыми давно не общалась. Настало время снова вступить в светский поток, возобновить старые связи и оказаться au courant [\[1\]](#) всех новостей и сплетен. Как странно, что после нескольких лет уединения ей вдруг захотелось присоединиться к тому кругу, к которому она некогда принадлежала. Ее охватило ощущение беззаботной легкости, и она почувствовала, что полна надежд и радостного волнения, чего с ней не бывало с тех пор как...

С тех пор как умер Джордж. Внезапно она ощутила острый укол вины, испортивший ее радужное настроение. Имеет ли она право испытывать радость? Может ли быть счастливой теперь, когда Джорджа больше нет с ней? Последние три года все ее мысли были только о нем... до сих пор. Теперь голова ее полна новыми идеями и честолюбивыми замыслами, и она общается с людьми, которых он не знал.

«Я никогда не позволю тебе уйти в небытие, мой самый любимый! — пылко подумала она. — Я никогда не забуду ни единого мгновения, пережитого вместе с тобой. Просто мне нужно переменить обстановку, вот и все. А последующие годы жизни я проведу в ожидании, когда мы с тобой снова будем вместе...»

— Леди Холланд, вам нехорошо? — Элизабет остановилась у входа в дом, ее живые карие глаза преисполнились тревогой. — Вы вдруг затихли и как-то погрустнели... Ах, я, наверное, опять шла слишком быстро, да? — Она в раскаянии опустила голову. — Простите меня. Я возьму себя в ежовые рукавицы, вот увидите.

— Нет-нет... — Холли смущенно улыбнулась. — Дело вовсе не в вас. Это трудно объяснить. Последние три года у меня была очень тихая жизнь. Очень тихая. А теперь все меняется так быстро, и, чтобы приспособиться, мне нужно делать над собой некоторые усилия.

— А-а. — Элизабет, похоже, успокоилась. — Да, так мой брат поступает с людьми. Он вмешивается в их жизнь, играет ею и все переворачивает вверх тормашками.

— В таком случае я рада, что он это сделал. Я рада, что я здесь и могу быть полезной кому-то еще, кроме моей дочери.

— А уж как рады мы, миледи! Слава Богу, что кто-то попытается привести нашу семью в приличный вид. Единственное, о чем я жалею, — что не смогу наблюдать, как вы будете учить Зака этикету. Думаю, это будет неплохое развлечение.

— Я не буду возражать, если вы захотите присоединиться к нашим урокам, — сказала Холли, которой внезапно понравилась эта мысль. Ей вовсе не улыбалось оставаться наедине с Закери Бронсоном, а если с ними будет Элизабет, это уменьшит напряжение, которое непременно возникает, когда он оказывается рядом.

— Зак будет возражать, — сухо ответила Элизабет. — Он дал понять, что его занятия с вами — его сугубо личное дело. Видите ли, он очень гордый. Он никогда не допустит, чтобы его слабости выставлялись напоказ и кто-нибудь, даже я, увидел, до какой степени он не представляет себе, как быть джентльменом.

— Вряд ли джентльменом можно стать после нескольких уроков хороших манер, — ответила Холли. — Это сочетание многих качеств... это значит быть благородным, добрым, скромным, храбрым, способным к самопожертвованию и честным. Быть таковым каждую минуту. И когда человек находится в обществе, и когда он совсем один.

Последовала короткая пауза, а потом Холли с удивлением услышала хихиканье Элизабет.

— Ладно, — сказала девушка, — сделайте с ним что сможете.

* * *

Занятиями с Элизабет Холли осталась довольна. Она обучала девушку искусству садиться на стул и грациозно вставать. Задача заключалась в том, чтобы слишком не наклоняться вперед во время обоих действий и естественным жестом придерживать юбки так, чтобы не мелькнули соблазнительные щиколотки. Мать Элизабет, Пола, пришла посмотреть на происходящее и тихонько сидела в уголке обитого плюшем диванчика.

— Идите попрактикуйтесь с нами, мама, — позвала ее Элизабет, но миссис Бронсон смущенно отказалась.

Случалось, Элизабет начинала шалить, чтобы, как предполагала Холли, позабавить мать. Она ходила или садилась подчеркнуто не сгибаясь, потом с нарочито чопорным видом оглядывалась по сторонам, пока все трое не начинали смеяться. Но к концу занятий Элизабет усвоила позу и движения во всех тонкостях, чем вызвала искреннее одобрение Холли.

— Отлично. Какая вы грациозная, Элизабет!

Девушка вспыхнула, явно не приученная к таким комплиментам.

— К завтрашнему дню я все забуду.

— Мы будем практиковаться до тех пор, пока это не станет для вас естественным, — заявила Холли.

Скрестив подвижные руки на груди и вытянув ноги совершенно не по-дамски, Элизабет серьезно спросила:

— Леди Холланд, а вам никогда не приходило в голову, что все эти манеры и светские правила придуманы людьми, у которых слишком много свободного времени?

— Возможно, вы правы, — с улыбкой ответила Холли.

Оставив дам Бронсон и отправившись на поиски своей дочери, Холли продолжала размышлять над этим вопросом. Все, что она знала о высшем обществе и поведении истинных леди и джентльменов, вкладывалось в нее с самого ее появления на свет. Она никогда не думала подвергать сомнению эти аксиомы — до сих пор. Многие из общественных добродетелей, такие как любезность и самообладание, бесспорно, необходимы в цивилизованном обществе. Что же до бесчисленных мелких уловок... Неужели действительно так важно, как человек сидит, стоит или жестикулирует, как строит фразу или одевается? Или это на самом деле всего-навсего способ, к которому прибегают люди, чтобы доказать, будто бы они выше остальных?

Мысль о том, что человек вроде Закери Бронсона мог быть от рождения равен человеку наподобие... да, наподобие кого-то из Тейлоров или даже ее дорогому Джорджу... это провокация. Большинство аристократов были бы шокированы таким предположением. Те,

кто рожден с голубой кровью в жилах и имеет многие поколения благородных предков, лучше, утонченнее остальных. Именно этому всегда учили Холли. Но Закери Бронсон начал жизнь, не имея никаких преимуществ, и стал личностью, с которой нельзя не считаться. Он очень старается изменить себя и своих близких и смягчить грубость собственного характера. Неужели он настолько хуже Тейлоров? Или ее самой?

Подобные мысли ни за что не пришли бы Холли в голову, если бы она не оказалась у Бронсона. Впервые Холли подумала, что год, проведенный в этом доме, может изменить не только семью Бронсонов, но и ее саму. Хорошо ли это? Одобрил бы это Джордж?

* * *

Проведя время после полудня за чтением и совместной прогулкой по саду, Холли и Роза сидели в библиотеке и ждали Закери Бронсона. Роза подкреплялась молоком и хлебом с маслом, а Холли пила чай из расписанной цветами тончайшей фарфоровой чашки. Яркий огонь камина из зеленого мрамора освещал комнату вместе с льющимися из окон лучами вечернего солнца.

Не решаясь сесть за огромный письменный стол Бронсона, Холли присела сбоку и сделала несколько записей относительно того, как следует правильно обращаться к разным слоям аристократии. Предмет этот был сложный даже для выходцев из высшей аристократии, но необходимый для того, чтобы Бронсон мог свободно ориентироваться в иерархии высшего света. Она так сосредоточилась над поставленной задачей, что даже не заметила бы появления своего ученика, если бы не радостное восклицание дочери:

— Вот он, мама!

Подняв глаза, Холли напряглась, а ее нервы отозвались какой-то странной вибрацией. Когда этот крупный, полный жизни человек остановился рядом с ней и поклонился, она почувствовала принесенный им с собой аромат свежести, смешавшийся с волнующим, чисто мужским запахом — лошадей, накрахмаленного белья и табака. Смуглое лицо, сверкающие черные глаза, выбритые до синевы щеки... Он казался более мужественным, чем кто-либо из ее знакомых мужчин. Бронсон улыбнулся, блеснули белые зубы на загорелом лице, и Холли с вновь вспыхнувшим удивлением поняла, что он красив. Не в классическом смысле слова, не в поэтическом или художественном... но он был определенно хорош собой.

Холли тревожила собственная реакция. Он вовсе не принадлежал к тому типу людей, которых она назвала бы привлекательными. В особенности если учесть, что ее мужем был Джордж, безупречный как в своих манерах, так и внешне. Холли всегда казалось забавным, что женщины, глядя на него, чуть ли не падали в обморок. При этом не ослепительная красота Джорджа делала его таким неотразимым, но рафинированность его натуры. Он был утончен, учтив, словом, джентльмен с головы до пят.

Сравнивать Джорджа с Закери Бронсоном — примерно то же, что сравнивать принца с пиратом. Если провести десять лет, занимаясь исключительно вбиванием в голову Бронсона всевозможных правил и тонкостей поведения, все равно — достаточно будет взглянуть на него, и правда тут же откроется. Ничто и никогда не изгонит из его черных глаз мошеннического блеска, не лишит языческого очарования его улыбки. Слишком просто представить Бронсона кулачным бойцом, по пояс голым и дубасящим противника на ринге. Сложность состоит в том, что Холли испытывает позорный для леди интерес к этой фигуре.

— Добрый день, мистер Бронсон, — произнесла она, жестом приглашая его сесть рядом с собой. — Надеюсь, вы не будете возражать, если Роза поиграет в уголке, пока мы с вами занимаемся? Она обещала вести себя очень тихо.

— Конечно, я не стану возражать против такого очаровательного общества. — Бронсон улыбнулся малышке, сидевшей на ковре со своими игрушками. — Вы пьете чай, мисс Роза?

— Да, мистер Бронсон. Мисс Крампет просила меня хозяйничать за столом. Не выпьете ли чашечку? — И прежде чем Холли успела остановить ее, девочка поспешила к Бронсону с кукольной чашкой и сахарницей размером с ноготь на его большом пальце. — Пожалуйста, сэр. — Она озабоченно нахмурилась. — Это чай понарошку, но он очень вкусный, если вы умеете притворяться.

Бронсон принял чашку, как великую милость. Потом осторожно отхлебнул невидимый напиток.

— Пожалуйста, еще сахару, — задумчиво сказал он.

Холли смотрела, как они готовят чай по вкусу Бронсона. Она никак не думала, что он может так ладить с детьми. Честно говоря, даже братья Джорджа, Розины дяди, не умели так просто держаться с ней. Дети редко бывают частью жизни мужчины. Самые любящие отцы ограничиваются тем, что видят своего ребенка один-два раза в день и интересуются его или ее успехами.

Искоса глянув на Холли, Бронсон поймал ее смущенный взгляд.

— Когда Элизабет была в ее возрасте, меня часто заставляли принимать участие в чаепитиях, — пояснил он. — Хотя Лиззи приходилось иметь дело с галькой вместо тарелок и старыми жестянками вместо фарфоровых чашек. Я тогда поклялся, что в один прекрасный день у нее будет настоящий кукольный сервиз. Когда я смог это сделать, она выросла, и сервиз уже был ей не нужен.

В комнату вошла горничная, и Бронсон потер руки в предвкушении. Горничная, несшая огромный серебряный поднос, уставленный кофейным сервизом и тарелками со сладостями, начала неловко расставлять на маленьком столике блюда и чашки.

Тихо спросив у девушки, как ее зовут, Холли шепотом дала ей кое-какие наставления.

— Поставьте поднос на буфет, Глэдис, — посоветовала она. — И приносите сюда блюда по одному или по два. И еще, пожалуйста, подавайте слева.

Потрясенная неожиданным вмешательством, девушка вопросительно посмотрела на Бронсона. Тот сказал серьезно, пряча усмешку:

— Делайте, как говорит леди Холланд, Глэдис. Боюсь, ее указаниям должны подчиняться все — и я в том числе.

Горничная кивнула и стала следовать указаниям Холли. К удивлению последней, вскоре на столе оказалось блюдо, полное маленьких круглых пирожных, покрытых нежной блестящей бледно-розовой глазурью.

Холли бросила на Бронсона укоризненный взгляд.

— Мистер Бронсон, — начала она, вспомнив их разговор, состоявшийся утром, — и зачем, интересно, вы решили потчевать меня пирожными?

Закери откинулся на спинку стула с совершенно невинным видом.

— Мне хотелось посмотреть, как вы будете бороться с искушением.

Холли не сумела удержаться от смеха. Каков жулик!

— Какой же вы злой человек, — заметила она.

— Злой, — согласился он без всяких колебаний.

По-прежнему улыбаясь, Холли взяла две вилки и осторожно подхватила ими хрупкое пирожное. Она положила его на фарфоровую тарелочку и протянула дочери, которая радостно вскрикнула и принялась поглощать лакомство. Положив пирожное себе и Бронсону, Холли протянула ему листок со своими заметками.

— После удачных занятий, которые были сегодня у меня с вашей сестрой, я несколько воспрянула духом, — сообщила она. — И решила, что мы с вами должны начать с одного из самых трудных предметов.

— Титулы и правила титулования, — пробормотал Бронсон, глядя на длинный список, написанный аккуратным почерком. — Помоги мне Бог!

— Если вы сможете это выучить, — заверила его Холли, — и со временем прилично танцевать кадрили, ваше сражение будет выиграно почти целиком.

Бронсон взял пальцами пирожное с розовой глазурью и почти целиком запихнул его в рот.

— Делайте что хотите, — сказал он не совсем внятно, так как рот его был полон.

Отметив, что нужно будет что-то сделать с его манерой есть, Холли приступила к объяснениям:

— Я уверена, вы уже знаете о пяти титулах высшей знати: герцог, маркиз, граф, виконт и барон.

— А что насчет рыцарей?

— Рыцари не принадлежат к высшей знати, как и баронеты. — Холли поднесла вилку к губам, откусила кусочек пирожного и на мгновение закрыла глаза от удовольствия, когда хрустящая нежная глазурь растворилась на языке. Она плотнула чаю и почувствовала, что Бронсон смотрит на нее странным взглядом. Его лицо внезапно напряглось, глаза цвета черного кофе стали настороженными, словно у кошки, прислушивающейся к шороху в траве.

— Леди Холланд, — сказал он, и в голосе его ощущалось замешательство, — у вас крупинка сахара на... — Внезапно он замолчал, очевидно, не найдя нужного слова.

Холли кончиком языка обследовала уголок рта и почувствовала там сладкую крупинку.

— Спасибо, — пробормотала она и вытерла губы салфеткой. Потом продолжила, стараясь говорить оживленно и недоумевая, почему у него такой смущенный и рассеянный вид:

— Так вот, вернемся к высшей знати. Только настоящий пэр может считаться обладателем титула по праву. Остальные титулы, включая те, которыми владеет старший сын пэра, — просто дань учтивости. Если вы возьмете третью страничку, там есть небольшая схема, которая, надеюсь, поможет вам все понять... — Холли встала со стула, подошла к той стороне стола, где сидел Бронсон, перегнулась через его плечо, в то время как он покорно перебирал страницы. — Вот. Вы видите в этом какой-либо смысл, или я устроила ужасную путаницу?

— Нет, все, в общем, ясно. Разве что... почему в этих двух колонках нет «титулов учтивости»?

Холли пыталась сосредоточиться, глядя на лист бумаги в его руке, но это было нелегко. Головы их почти соприкасались, и ей страшно захотелось потрогать его волосы. Густые, жесткие кудри необходимо было расчесать и пригладить, особенно ту непослушную прядь, что свисала на лоб. Как не похоже на шелковистые белокурые волосы Джорджа! Черные как ночь, слегка вьющиеся, они спускались на могучую шею, казавшуюся твердой как железо. Холли чуть не потрогала ее кончиком пальца. Ужаснувшись своему порыву, она сжала руку в

кулак и так и держала, отвечая на его вопрос.

— Потому что дети герцогов, маркизов и графов могут ставить перед своими именами «лорд» или «леди», но дети виконтов и баронов именуются просто «мистер» и «мисс».

— Как ваш муж, — пробормотал Бронсон, не сводя глаз со страницы.

— Да, это превосходный пример. Отец моего мужа был виконт. Виконт Тейлор из Вестбриджа или, проще, Альберт, лорд Тейлор. У него были три сына: Уильям, Джордж и Томас, и каждый именовался просто мистер Тейлор. Когда несколько лет назад виконта не стало, титул перешел к его старшему сыну, Уильяму, и он стал именоваться Уильям, лорд Тейлор.

— Но Джордж и его брат не стали именоваться лордами.

— Нет, они оба остались мистерами.

— Тогда почему же вас именуют леди Холланд?

— Ну... — Холли замолчала и грустно улыбнулась. — Здесь мы вступаем на более сложную почву. Я дочь графа. Стало быть, у меня есть титул леди с самого рождения.

— И вы не утратили его, когда вышли за Джорджа?

— Нет, когда дочь пэра выходит замуж за человека, пэром не являющегося, ей позволено сохранить свой титул.

Бронсон повернул голову и внимательно посмотрел на нее. Холли близко заглянула в его бездонные глаза и ощутила, как ее обдало жаром.

— Значит, ваш титул был выше, чем у вашего мужа, — уточнил он. — То есть вы вышли замуж за того, кто ниже вас.

— Формально — да, — согласилась она.

Бронсон, судя по всему, смаковал эти сведения. У Холли создалось впечатление, что по какой-то причине эта мысль пришла к нему по душе.

— А что станет с вашим титулом, если вы выйдете за простолюдина? — равнодушно спросил он. — Например, такого, как я.

Смущенная этим вопросом, Холли попятилась и вернулась на свое место.

— Ну, я... я останусь леди Холланд, но возьму вашу фамилию.

— Леди Холланд Бронсон.

Услышав, как странно звучит ее имя без привычного «Тейлор», она вздрогнула.

— Да, — тихо подтвердила она. — Теоретически это так.

Она с озабоченным видом смотрела на свои записи, но чувствовала его взгляд. Подняв глаза, она успела поймать выражение неприкрытого мужского интереса. Сердце забилось сильнее. Когда же мужчина смотрел на нее таким образом? В голубых глазах Джорджа светились любовь и нежность, но в них никогда не было этого выражения... желание... пламя... тиф перед прыжком.

Взгляд Бронсона переместился на ее губы, грудь, потом слова на лицо, отчего ей сделалось жарко. Такого откровенного взгляда себе не позволил бы ни один джентльмен. Он делает это специально, чтобы взволновать ее, подумала Холли. Он забавляется. Хотя по его виду этого не скажешь. Вот он нахмурился, густые полосы бровей сошлись на переносице, и кажется, что он взволнован еще больше, чем она.

— Мама! — Затянувшуюся паузу нарушил веселый голосок Розы. — У тебя щеки совсем красные!

— Неужели? — дрожащим голосом произнесла Холли, поднося к горящему лицу холодные пальцы. — Наверное, я сидела слишком близко к огню.

Сунув мисс Крампет под мышку, Роза подошла к Бронсону.

— Меня называют просто мисс, — сообщила она, продолжая разговор о титулах, — но когда я выйду замуж за принца и стану принцессой Розой, вы сможете называть меня ваше высочество.

Бронсон рассмеялся, и напряжение его исчезло.

— Вы уже принцесса, — сказал он, схватил малышку и усадил ее к себе на колени.

Застигнутая врасплох, Роза звонко рассмеялась.

— Нет, я не принцесса! У меня нет короны!

Бронсон, кажется, отнесся к этому серьезно.

— А какую корону вам хотелось бы, принцесса Роза?

— Ну, дайте подумать... — И Роза, погружившись в размышления, наморщила лоб.

— Серебряную? — поторопил ее Бронсон. — Золотую? С разноцветными камнями или с жемчугом?

— Розе не нужна корона, — вмешалась в разговор несколько встревоженная Холли, поняв, что Бронсон уже готов купить ребенку какой-то безумный головной убор. — Ступай играть, Роза. А когда тебе захочется поспать, я позвоню Мод.

— Ах нет, я не хочу спать, — возразила девочка, тут же соскользнув с колен Бронсона. — Можно мне еще пирожное, мама?

Холли ласково улыбнулась и покачала головой:

— Нет. Ты испортишь себе аппетит и не будешь есть за обедом.

— Мама, ну пожалуйста, только одно! Самое маленькое!

— Я сказала — нет, Роза. А теперь прошу тебя играть тихонько, пока мы с мистером Бронсоном занимаемся. Уходя в свой уголок, Роза оглянулась.

— А почему у вас кривой нос, мистер Бронсон?

— Роза, — воскликнула Холли, — ты же знаешь, что нельзя делать замечаний по поводу чьей-либо внешности!

Однако Бронсон ответил на вопрос:

— Я наткнулся на одну вещь.

— На дверь? — предположила малышка. — На стену?

— На сильный левый хук.

— А-а... — Роза уставилась на него в задумчивости. — А что это такое?

— Так называют один удар, когда дерутся.

— Драться нехорошо, — решительно заявила девочка. — Очень, очень нехорошо.

— Да, я знаю. — Бронсон понурил голову, делая вид, что ему стыдно, но раскаяние получилось неубедительным.

— Роза, — предостерегающе обратилась к дочери Холли, — надеюсь, больше ты не будешь нам мешать.

— Нет, мама.

И девочка послушно вернулась к своим игрушкам. Когда она проходила позади стула Бронсона, тот тайком сунул ей пирожное. Схватив лакомство, Роза поспешила в свой уголок.

Холли укоризненно посмотрела на Бронсона:

— Я не позволю вам, сэр, потакать моей дочери. Вы мне так ее испортите.

Помня о маленькой шалунье, играющей рядом, Бронсон ответил шепотом:

— Ей не повредит, если я ее немножко побалую. Ведь детство проходит так быстро.

— Роза должна понимать, что такое реальность и ответственность...

— Неужели в наше время это главное направление детского воспитания? — осведомился он. — Тогда понятно, почему большинство аристократических детей, которых я видел, — это бледные, хилые создания с угрюмыми лицами. Подозреваю, что многим родителям слишком не терпится познакомить своих отпрысков с реальностью.

Немедленно обидевшись, Холли раскрыла рот, чтобы возразить, но с сожалением обнаружила, что не может найти аргументов. Тейлоры воспитывали своих детей так, чтобы «хорошо подготовить их к жизни», и призывали Холли так же поступать с Розой. Дисциплина, основы этики и всяческие ограничения — методы, позволяющие привить ребенку должное послушание и хорошие манеры. Конечно, это не очень-то помогало. Но таковы были обычные для знатных семей взгляды.

— Детство должно быть волшебным временем, — резко возразил Бронсон. — Свободным от забот. Счастливым. И мне плевать, согласен со мной кто-нибудь или нет. Мне только жалко... — Внезапно взгляд его темных глаз упал на бумаги, лежащие перед ним.

— Да? — осторожно поторопила его Холли, наклоняясь вперед.

Бронсон ответил, не глядя на нее:

— Мне жаль, что я не смог сделать этого для Лиззи. В детстве она прошла через ад. Мы жили в бедности, грязи и почти все время голодали. Я не оправдал ее ожиданий.

— Но ведь вы ненамного старше Элизабет, — прошептала Холли. — Вы сами были ребенком, а на вас уже лежало тяжелое бремя ответственности.

Бронсон ответил жестом, отмечающим всякие возражения.

— Я не оправдал ее ожиданий, — сурово повторил он. — Единственное, что я могу сделать, — это постараться сейчас дать ей то, что ей нужно, а также моим детям, когда я ими обзаведусь.

— А пока вы будете немилосердно портить мою дочь? — предположила Холли, и губы ее изогнулись в улыбке.

— Может быть, я испорчу и вас также. — Его голос звучал шутливо, но во взгляде вспыхнул вызов, и она растерялась.

Она не знала, как на это реагировать. Негодование или упрек только вызовут у него насмешку. Но нельзя же позволять, чтобы он играл ею. Игра в кошки-мышки не для нее, и ей это не доставляет ни малейшего удовольствия.

Она постаралась, чтобы в голосе ее звучали решительность и спокойствие:

— Вы уже назначили мне прекрасное жалованье, мистер Бронсон, которое я намерена отработать, обучив вас всем тонкостям светского поведения. Итак, если вы перейдете ко второй странице этих заметок, мы обсудим разницу между устной и письменной формами обращения. Например, никогда не нужно вслух именовать человека достопочтенный, но на бумаге...

— Потом, — прервал ее Бронсон, сплетая длинные пальцы. — Голова у меня уже забита титулами. На сегодня с меня хватит.

— Хорошо. Тогда я ухожу?

— А вы хотите уйти? — тихо спросил он.

Она заморгала, услышав этот вопрос, потом почувствовала, что горло у нее сжалось от неудержимого желания рассмеяться.

— Мистер Бронсон, я хочу, чтобы вы прекратили меня смущать!

В глазах его появилось насмешливое выражение.

— Чем же вас так смутил обыкновенный вопрос?

— Потому что, если я скажу «да», это прозвучит невежливо, а если «нет», то...

— ...то можно будет подумать, что вам нравится мое общество, — закончил он за нее; и его белые зубы сверкнули в усмешке. — Тогда идите. Видит Бог, я не стану заставлять вас делать такие ужасные признания.

Но Холли осталась сидеть.

— Я не уйду, если вы расскажете о том времени, когда вам сломали нос.

Бронсон задумчиво потрогал свою кривую переносицу.

— Это случилось, когда мы боксировали с Томом Крибом, бывшим разносчиком угля, которого звали Черный Алмаз. Кулаки у него были точно окорока, а от его левого хука могли искры из глаз посыпаться.

— И кто побелил? — спросила Холли, не удержавшись.

— Я продержался двадцать раундов и в конце концов сбил его с ног. После этого боя я получил прозвище Бронсон Мясник.

Нескрываемая гордость, с которой он это произнес, вызвала у Холли легкую тошноту.

— Как мило, — промямлила она сухо, и он рассмеялся.

— Мою внешность не очень-то украсило, когда Криб съездил мне по носу, — заметил он, потирая переносицу. — Я и раньше-то не был красавчиком. А теперь меня уже явно никто не примет за аристократа.

— Вас в любом случае нельзя принять за аристократа.

Бронсон сморщился.

— Это не менее болезненный удар, чем те, что я получал на ринге, миледи. Значит, вы невысокого мнения о моей битой морде?

— Вы хорошо знаете, что вы привлекательный мужчина, мистер Бронсон. Только не на аристократический лад. Например, у вас слишком много... ну, вы слишком... мускулисты. — Она указала на мышцы, натягивающие фрак. — У изнеженных аристократов не бывает таких рук.

— Вот и мой портной говорит то же самое.

— А не существует ли способа сделать их... ну... поменьше?

— Нет, насколько мне известно. Но удовлетворите мое любопытство, скажите, сколько мне нужно сбросить, чтобы сойти за джентльмена?

Холли улыбнулась и покачала головой:

— Внешность — это последнее, о чем вам нужно беспокоиться. Прежде всего вам следует научиться держаться с достоинством. Пока что с этим у вас дело плохо.

— Зато я привлекателен, — возразил он. — Вы же сами сказали, что я привлекательный.

— Разве? Я уверена, что употребила слово «неисправимый».

От его улыбки у Холли потеплело в груди. Она торопливо опустила глаза, дыхание ее участилось. Она чувствовала себя странно, она едва сдерживалась, чтобы не вскочить с места. Она не смела посмотреть на Бронсона, опасаясь последствий. Он сделал так, что ей захотелось... впрочем, она и сама не знала, чего именно. Но неожиданно вспомнила его поцелуй, это сладостное, жаркое вторжение. Она зарделась и крепко стиснула руки, пытаясь совладать с собой.

— Моя боксерская карьера продолжалась недолго, — услышала она голос Бронсона. — Я занимался этим только для того, чтобы заработать денег, которых хватило бы на приобретение парохода на паях.

— Вот как? — спросила Холли, которая наконец-то смогла снова взглянуть на него. — А я думала, что вам это нравилось.

— Да, — согласился он. — Я люблю соревноваться. И выигрывать. Но в боксерском деле слишком много боли и слишком мало выгоды. А скоро я узнал, что можно сбить человека с ног, не мараю рук в крови.

— Боже мой, мистер Бронсон! Неужели нужно строить свою жизнь так, словно это постоянное сражение?

— А как жить иначе?

— Можно немного расслабиться и наслаждаться тем, чего вы добились.

Его темные глаза насмешливо взглянули на нее.

— Вы когда-нибудь в детстве играли в короля горы, леди Холли? Наверное, нет — вряд ли это подходящая игра для девочки из уважаемой семьи. Вы находите кучу грязи или мусора и соревнуетесь с товарищами, кто первый заберется наверх. Но это легкая часть игры.

— А какая же трудная часть?

— Удержаться наверху.

— Держу пари, вам удавалось удерживаться там от рассвета до заката, — предположила она. — Пиная и дубася всех мальчиков, которые пытались занять ваше место.

— Только до ужина, — признался он, неожиданно усмехнувшись. — Мой желудок всегда меня побеждал.

Внезапно Холли расхохоталась совершенно неподобающим образом. Она просто не могла удержаться, даже когда ее дочь, очевидно, удивленная этими звуками, подошла и стала рядом с ее стулом.

— Что случилось, мама?

— Мистер Бронсон, — объяснила Холли, — рассказывал мне одну историю из своего детства.

Хотя Роза совершенно не поняла, что в этом смешного, она тоже рассмеялась.

Бронсон смотрел на обеих, и его карие глаза наполнились каким-то особенным теплом.

— Мне кажется, я никогда не видел ничего красивее, чем вы обе.

Веселость Холли тут же исчезла. Она встала, внезапно похолодев и вынудив Бронсона также подняться. Ей не следует находиться здесь, была первая мысль. Ей ни в коем случае не следовало соглашаться работать у него, несмотря на все соблазны. Она только теперь поняла, как она неопытна и уязвима, ведь в противном случае он не сумел бы с такой легкостью нарушить ее равновесие. Если она не будет держаться с ним настороже, он посеет в ней тревогу. Неужели он так волнует ее потому, что она долго жила без мужчины? Или потому, что он так непохож на всех остальных ее знакомых?

Хуже всего было то, что любая радость от его общества, любое признание его здоровой, закаленной улицей мужественности — это предательство по отношению к Джорджу.

На мгновение ей вспомнились дни отчаяния, когда умер ее муж, и мрачное желание, снедавшее ее. Ей от всей души хотелось умереть вместе с ним. Только беспокойство за малышку дочь спасли ее от безумия. И она поклялась воздать Джорджу почести тем, что будет всю жизнь любить его одного. Но вот совершенно чужой человек осторожно, шаг за шагом, пытается увлечь ее с выбранной дороги.

— Мистер Бронсон, — сказала Холли дрожащим голосом, — мы... мы увидимся за ужином.

Лицо у Бронсона было так же серьезно, как и у нее.

— Разрешите Розе поесть вместе с нами, — попросил он. — Неужели дети аристократов никогда не ужинают вместе со всеми?

Холли ответила не сразу.

— Иногда в загородных имениях детям позволяют поесть *en famille* ^[2]. Однако в большинстве приличных домов дети едят отдельно, в детской. Роза привыкла к порядкам, установленным в доме Тейлоров, и вряд ли стоит менять правила...

— Но там она ела в обществе других детей, верно? — заметил Бронсон. — А здесь ей всегда придется сидеть за столом в одиночестве.

Холли посмотрела на маленькое личико дочери. Роза, кажется, затаила дыхание, молча ожидая, удастся ли неожиданному защитнику добиться для нее места за обеденным столом взрослых. Холли вполне могла бы настоять на своем. Но Бронсон и малышка смотрели на нее выжидающим взглядом, и Холли вдруг с веселым отчаянием поняла, что придется нарушить еще одно правило.

— Ладно, — сказала она. — Если Роза будет себя хорошо вести, отныне она сможет садиться за стол вместе со всеми.

К удивлению Холли, Роза бросилась к Бронсону с радостными возгласами.

— Ах, мистер Бронсон, — воскликнула она, — благодарю вас!

Усмехнувшись, Закери присел на корточки.

— Благодарите вашу маму, принцесса. Я только попросил. А разрешение дала она.

Кинувшись к матери, Роза покрыла ее лицо поцелуями.

— Милочка, — пробормотала Холли, стараясь удержаться от улыбки, — пойдем наверх, сменим твой передничек и умоемся перед обедом. Нельзя, чтобы ты была похожа на оборванца.

— Хорошо, мама. — Роза взяла ее за руку и нетерпеливо потащила за собой.

Возобновив переписку с некоторыми подругами, которых не видела со времени смерти Джорджа, и сообщив им, что работает и проживает в лондонском доме мистера Закери Бронсона, Холли была удивлена их реакцией. Естественно, многие выражали неодобрение, даже предлагали ей жить у них, если она действительно так нуждается. Но большинство неожиданно выразили интерес к ее новому положению и спрашивали, нельзя ли им навестить ее. Судя по всему, огромное количество дам хотели увидеть дом Бронсона, более того — встретиться с ним самим.

Когда Холли рассказала ему об этом, Закери не выразил никакого удивления.

— Это обычное дело, — бросил он с циничной улыбкой. — Женщины вашего класса лучше пойдут на гильотину, чем выйдут замуж за такую дворняжку, как я... но удивительно, сколько таких женщин мечтают быть со мной «друзьями».

— Вы хотите сказать, что они хотят... с вами?.. — Холли замолчала, шокированная. — Даже замужние?

— Особенно замужние, — сухо сообщил Бронсон. — Пока вы соблюдали траур, уединившись в тейлоровском доме, я развлекал в своей постели множество знатных лондонских леди.

— Джентльмену не пристало хвастаться своими постельными победами, — заметила Холли, покраснев.

— Я не хвастался. Я констатировал факт.

— Некоторые факты лучше держать при себе.

Неожиданная резкость ее тона заинтересовала его.

— Странное у вас выражение лица, леди Холли, — заметил он бархатым голосом. — Можно подумать, что вы ревнуете.

Холли чуть не задохнулась от злости. Закери Бронсон, как никто, обладал способностью выводить ее из себя.

— Вовсе нет. Я просто подумала о том, сколько болезней можно подхватить, посвящая себя такой галантной погоне.

— «Галантной погоне», — повторил он и рассмеялся. — Я еще не слышал такого красивого названия для этого дела. Нет, за время моего распутства я ни разу не подхватил ни триппера, ни какой-либо другой заразы. Есть способы, которыми мужчина может защитить себя...

— Уверяю вас, я не желаю слышать об этом! — Холли в ужасе заткнула уши. Мало того, что Бронсон, был самым развратным созданием из всех ее знакомых, так он был еще и не прочь обсудить свои интимные дела, о которых никому знать не полагается. — Вы, сэр, совершенно безнравственны.

Вместо того чтобы устыдиться, он усмехнулся.

— А вы, миледи, скромны до невозможности.

— Благодарю вас.

— Я не собирался делать вам комплимент.

— Любое критическое замечание с вашей стороны, мистер Бронсон, я, по-видимому, буду расценивать как комплимент.

Закери снова засмеялся, как делал это всякий раз, когда она пыталась преподать ему

хотя бы толику морали. Его интересовали только внешние признаки джентльменского поведения. В остальное время он охотно сбрасывал бы эту маску. Но как Холли ни пыталась, относиться к нему с неприязнью она не могла.

Дни, проведенные Холли в доме Бронсона, превратились в недели, и она успела рассмотреть в своем работодателе множество новых качеств, в том числе достойных восхищения. Он честно признавал свои пороки и абсолютно не стеснялся своего происхождения и недостатка образования. Он обладал удивительной скромностью, постоянно преуменьшая свой необычайный врожденный ум и значительность своих достижений. Он часто пользовался озорным обаянием, чтобы заставить ее смеяться против собственной воли. Похоже, он с удовольствием сердил ее, а когда она доходила до точки кипения, умудрялся рассмешить.

Они часто проводили время вместе, иногда втроем — с Розой, игравшей у их ног, пока они беседовали. Иногда они разговаривали наедине, если поздний час вынуждал Элизабет и ее матушку удалиться в свои опочивальни. В камине тлели угли, Бронсон угощал Холли редкими винами и потчевал шокирующими, но увлекательными рассказами из своей жизни. В свою очередь, он упорно просил и ее рассказывать о своем детстве. Холли никак не могла взять в толк, почему его интересуют прозаические подробности ее прошлой жизни, но он настаивал, пока она не принималась рассказывать о всяких смешных случаях. Вроде того, как противная кузина как-то раз привязала ее длинные волосы к спинке стула, или о том, как она, Холли, нарочно сбросила мокрую губку с балкона на голову лакею. А иногда он расспрашивал о Джордже. Об их супружеской жизни... даже интересовался, каково ей было рожать.

— Вы же знаете, что я не могу обсуждать с вами подобные вещи, — возразила Холли.

— Почему же? — В настороженных черных глазах отразились языки пламени в камине. Они сидели в гостиной, уютной, похожей на шкатулку для драгоценностей комнате, обитой роскошным бархатом оливкового цвета. Внешний мир казался далеким и нереальным. Холли понимала, что это нехорошо — оставаться вдвоем с ним в такой интимной атмосфере. Слишком близко... слишком уединенно. И тем не менее она не могла заставить себя уйти. Видимо, была в ее натуре какая-то безнравственность, которая велела ей оставаться здесь вопреки впитанной с молоком матери благопристойности.

— Вы прекрасно знаете, что это неприлично, — сказала она. — Вы не должны были задавать мне такой вопрос.

— Скажите, — спросил он настойчиво и медленно, поднеся к губам стакан с вином, — вы держались, как храбрый солдатик, или вопили, как баньши [\[3\]](#)?

— Мистер Бронсон! — Она бросила на него взгляд, выражающий крайнее негодование. — Неужели вы совершенно лишены деликатности? Или хотя бы какого-то уважения ко мне?

— Я уважаю вас больше, чем кого-либо, Миледи, — с готовностью отозвался он.

Холли покачала головой, пытаясь скрыть невольную улыбку.

— Я не держалась, как храбрый солдатик, — призналась она. — Это было ужасно больно. И хуже всего, что это длилось двенадцать часов. При этом все говорили, что это легкие роды, и мне даже никто не сочувствовал.

Ее грустная жалоба живо заинтересовала его.

— А вы завели бы еще детей? Если бы Джордж был жив?

— Разумеется. В таких делах у замужней женщины нет выбора.

— Неужели?

Она в замешательстве вскинула на него удивленный взгляд.

— Ну, я... Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что есть способы предотвратить нежелательную беременность.

Холли молча в ужасе смотрела на него. Порядочные женщины не говорят на такие темы. Этот предмет запрещен, они с Джорджем никогда даже не упоминали о нем. Да, она случайно слышала какие-то перешептывания подруг, но поспешно устранялась от таких непристойных бесед. И вот этот бессовестный человек смеет говорить такое прямо ей в лицо!

— Теперь я действительно оскорбил вас, — заметил Бронсон, напустив на себя виноватый вид, но Холли не поверила ему и была права. — Простите меня, миледи. Временами я забываю, что кто-то может быть таким уязвимым.

— Мне пора идти, — с достоинством произнесла Холли. Единственное, что ей остается, решила она, — забыть этот опасный разговор, словно его и не было. — Спокойной ночи, мистер Бронсон.

Она встала, он тоже поднялся.

— Вам незачем уходит. Обещаю вам вести себя прилично.

— Уже поздно, — твердо сказала Холли, направляясь к двери. — Еще раз спокойной ночи, сэр...

Каким-то образом ему удалось оказаться на пороге раньше ее. Его большая рука слегка коснулась двери и с тихим щелканьем захлопнула ее.

— Оставайтесь, — повторил он. — И я открою бутылку того рейнского вина, которое вам так понравилось.

Нахмурившись, Холли повернулась к нему. Она уже была готова заметить, что джентльмен не спорит с леди, когда ей хочется уйти, равно как и не пытается оставаться с ней наедине за закрытой дверью. Но она смотрела в его темные дерзкие глаза и медлила.

— Если я останусь, мы найдем какой-нибудь приличный предмет для разговора? — настороженно поинтересовалась она.

— Все, что пожелаете, — последовал быстрый ответ. — Налоги. Общественные нужды. Погода.

Увидев его нарочито вежливое лицо, она чуть было не улыбнулась. Он походил на волка, прикидывающегося овечкой.

— Ну хорошо, — кивнула она и вернулась на диванчик.

Он принес стакан с другим вином, темным и крепким, и она выпила его, отдав должное его высокому качеству. Ей понравились те безумно дорогие вина, которыми были полны его погреба, и это расстраивало ее: придет день, и они станут для нее недоступны. Но все-таки пока-то она может наслаждаться преимуществами проживания у него в доме: изысканными винами, прекрасными произведениями искусства, всей этой греховной роскошью и... его обществом.

Несколько лет назад она пришла бы в ужас, оставшись наедине с таким человеком, как Закери Бронсон. Он не обращался с ней с осторожной заботливой учтивостью, к которой она привыкла, — отец, вежливые молодые джентльмены, ухаживавшие за ней, ее безупречный муж... Бронсон в разговорах с ней не деликатничал, говорил о таких вещах, которые не должны интересовать леди, и вовсе не пытался обойти неприятные стороны жизни.

Пока они беседовали, он все время следил, чтобы стакан у нее был полон; время шло к

полуночи, Холли забила в угол диванчика, и голова ее склонилась набок. Господи, как много выпито, с удивлением подумала она, почему-то не испытывая ужаса или смущения, которые должны были бы последовать за таким открытием. Леди никогда не пьют слишком много, только позволяют себе время от времени чуть-чуть вина, разбавленного водой. В растерянности созерцая свой почти пустой стакан, Холли попыталась поставить его на столик рядом с диванчиком. Вдруг комната поплыла куда-то, и стакан стал выпадать из ее слабеющей руки. Бронсон тут же перехватил хрустальный сосуд и отставил его в сторону. Холли посмотрела на его красивое лицо и вдруг ощутила легкость, язык у нее развязался, и ей стало как-то странно радостно и свободно — с ней так бывало, когда Мод перед сном помогала ей снять какое-нибудь особенно тесное платье.

— Мистер Бронсон, — сказала она и подумала, что ее слова произносит кто-то другой, — вы позволили мне выпить чересчур много вина... Честно говоря, вы напоили меня, что очень дурно с вашей стороны.

— Вы не так уж пьяны, миледи. — Его губы изогнулись в усмешке. — Просто вы в кои-то веки немного расслабились.

Он явно лгал, но почему-то ей стало спокойнее.

— Мне пора спать, — заявила она, пытаясь подняться с диванчика.

Комната завертелась перед ней, и Холли почувствовала, что падает, летит, словно сорвавшись с утеса. Бронсон протянул руку и с легкостью поймал ее, прекратив удивительный полет.

— О-о! — Холли вцепилась в его надежную руку. — Кажется, у меня немного закружилась голова. Благодарю вас. Наверное, я обо что-то споткнулась.

Она наклонилась и с беспокойством уставилась на ковер, ища предмет, который привел ее в такое состояние, и услышала тихое фырканье Бронсона.

— Почему вы смеетесь? — поинтересовалась Холли, когда он снова усадил ее на диван.

— Потому что я еще не видывал, чтобы человек так пьянел от трех стаканов вина.

Она сделала движение, чтобы встать, но он сел рядом и помешал ее вялым попыткам. Его нога оказалась немыслимо близко к ее ноге, отчего Холли изо всех сил вжалась в спинку дивана.

— Оставайтесь со мной, — попросил Бронсон. — Ночь уже наполовину прошла.

— Мистер Бронсон, — с подозрением спросила она, — вы пытаетесь меня скомпрометировать?

Его белые зубы сверкнули в усмешке, но глаза его блестели беспокойно и горячо.

— Возможно. Почему бы вам не провести пару часов со мной на этом диване?

— За разговорами? — слабым голосом произнесла она.

— В том числе. — Указательным пальцем он коснулся ее подбородка, оставив горячую дорожку на его чувствительном изгибе. — Обещаю, вы получите удовольствие. А потом мы свалим все на вино.

Она просто ушам своим не верила. Сделать ей такое возмутительное предложение!

— Мы свалим все на вино! — с негодованием повторила она и вдруг спросила, посмеиваясь:

— Интересно, сколько раз вы произносили эту фразу раньше?

— Сегодня в первый раз, — весело успокоил он ее, — и мне она, в общем, нравится, а вам?

Она нахмурилась:

— Вы обратились с предложением не к той женщине, мистер Бронсон. Существует сотня причин, по которым я никогда на такое не соглашусь.

— Назовите хотя бы несколько. — В его черных глазах сверкнуло любопытство.

Она неуверенно помахала пальцем перед его носом.

— Нравственность... благопристойность... необходимость быть примером для моей дочери... не говоря уж о том, что любой неосмотрительный поступок сделает невозможным мое пребывание здесь.

— Интересно, — задумчиво протянул он.

Холли отпрянула, потому что он наклонился над ней и ее голова почти опустилась на подлокотник дивана, а сама она оказалась распростертой под его могучим телом.

— Что интересно? — спросила она, глубоко вдохнув. В комнате стало очень жарко. Холли подняла руку, чтобы откинуть прядь волос, прилипшую к ее влажному лбу, и рука показалась ей очень тяжелой. Она явно перепила... она напилась... и хотя это не очень беспокоило ее в данный момент, она сознавала, что впоследствии это будет мучить ее.

— Вы назвали все причины, кроме одной, действительно имеющей значение. — Лицо Бронсона было совсем близко, и его губы — самые соблазнительные губы, когда-либо виденные ею, крупные, чувственные и обещающие — оказались настолько рядом, что Холли чувствовала его осторожное дыхание на своей щеке. — Вы забыли сказать, что вы меня не хотите.

— Ну, это... это само собой, — солгала она.

— Вот как? — Вместо того чтобы обидеться, он снова развеселился. — Интересно, леди Холли, могу ли я пробудить в вас желание?

— Ах, я не думаю...

Ее голос превратился в легкий вздох, когда его голова склонилась над ней и она поняла, что происходит. Она крепко зажмурилась и ждала, ждала... и вдруг ощутила, как его губы скользят по нежной коже на внутренней стороне ее запястья. От этого бархатистого прикосновения по руке ее пробежала чувственная дрожь и пальцы дернулись. Губы Бронсона задержались, отчего тоненькая жилка на запястье забилась как безумная. Тело Холли напряглось, как натянутая тетива. Губы ее стали пухлыми и горячими, они напряженно ждали прикосновения его губ. Он поднял голову и посмотрел ей в глаза глазами мрачными, как адский пламень.

Пошарив рядом с собой, он что-то подал ей. В свете камина сверкнул хрустальный бокал, на дне которого переливалось немного бордовой жидкости.

— Допейте, — тихо предложил он, — и позвольте мне сделать с вами то, чего мне хочется. А утром мы оба притворимся, что ничего не было.

Ее испугало, как сильно ей захотелось согласиться на это греховное предложение. Он шутит, подумала она, борясь с головокружением... конечно, не может же он в самом деле предлагать ей такое. Он подождет, пока она ответит, и, независимо от того, каков будет этот ответ, посмеется над ней.

— Вы безнравственны, — прошептала она.

— Да, — серьезно ответил он.

Прерывисто дыша, она провела рукой по глазам, словно пытаясь освободиться от пьяной пелены.

— Я... я хочу подняться наверх. Одна.

Воцарилось долгое молчание, а потом раздался дружеский голос Бронсона:

— Разрешите помочь вам.

Он обхватил ее за талию и помог ей встать. Обретя точку опоры, она обнаружила, что комната прекратила свое стремительное вращение. Успокоенная этим, Холли оттолкнулась от его тяжелого, зовущего тела и направилась к двери.

— Я вполне в состоянии дойти до своей комнаты без провожатых, — сказала она, бросив на Бронсона умоляющий взгляд.

— Ладно.

Он открыл перед ней дверь, в последний раз окинув взглядом ее смятенную фигурку.

— Мистер Бронсон... завтра это будет забыто?

Он коротко кивнул, и она заторопилась побыстрее уйти, насколько позволяли ее непослушные ноги.

* * *

— Черта с два! — пробормотал Бронсон, как только Холли исчезла из виду. Он зашел с ней слишком далеко — хотя сам разрешил себе нарушить незримую границу — и не сумел вовремя остановиться. Он не мог совладать со своим вожделением. Это ни с чем не сравнимая мука — желать добродетельную женщину. Единственное утешение — что она, судя по всему, не понимает, что он подпал под ее чары целиком и полностью.

Закери злился и раздражался — он ни разу в жизни не оказывался в такой ситуации. В своей надменной самоуверенности он полагал, что всегда может соблазнить любую женщину, какое бы положение она ни занимала. Он не сомневался и в том, что уложит Холли в свою постель, если наберется терпения и подождет, пока ее защитные сооружения рухнут. Но, переспав с ней, он ее потеряет. Уговорить ее остаться после этого будет невозможно. А ведь ему, как это ни странно, оказалось нужнее ее повседневное тихое общество, чем одна, пусть фантастически бурная, ночь.

Всякий раз, пытаясь вообразить женщину, которая могла бы надолго завладеть его вниманием, чувствами, стать средоточием его мыслей, он всегда приходил к выводу, что это должна быть особа светская, самоуверенная... равная ему в определенном смысле по опыту и темпераменту. Он никогда не думал, что потеряет голову из-за скромной вдовы. Холли действовала на него необъяснимым образом, точно наркотик, возбуждающий и сладостный, и отсутствие ее, как и отсутствие наркотика, вызывало ощущение пустоты и неутолимой жажды.

Он был не глуп. Он понимал, что леди Холли не для него. Лучше сорвать с дерева более зрелый плод. Но глаза его не хотели смотреть ни на какие соблазнительные дары природы, когда рядом находилась она — прелестная и совершенно недоступная.

Пытаясь побороть свое желание, Закери обратился к другим женщинам. Будучи завсегдатаем самого роскошного, немыслимо дорогого лондонского борделя, он мог себе позволить купить ночь с самой красивой проституткой. Со временем он зачастил туда и стал бывать чуть ли еженощно.

А вечерами Закери испытывал тихое, ни с чем не сравнимое наслаждение, находясь в обществе Холли, просто глядя на нее, упиваясь звуком ее голоса. Потом она возвращалась на свое одинокое ложе, а он мчался в Лондон, где проводил несколько часов в отчаянном распутстве. К несчастью, услуги общедоступных девиц только на время ослабляли его

желание. Впервые в жизни он начал понимать, что истинную страсть утолить нелегко, что существует разница между потребностями чресл и сердца. Это открытие его мало обрадовало.

* * *

— Вы собираетесь строить еще один дом? — удивилась Холли. Она стояла у длинного стола в библиотеке, а Бронсон разворачивал перед ней туго свернутые рулоны чертежей, прижимая их по углам различными предметами. — Но где... и зачем?

— Я хочу иметь самый великолепный загородный дом, который когда-либо видела Англия, — заявил Бронсон. — Я купил землю в Девоне — три поместья, которые будут объединены в одно. Мой архитектор сделал проект дома. Мне хотелось бы, чтобы вы его посмотрели.

Холли взглянула на него с иронической улыбкой. Не зная, как поступить, она сделала вид, что не помнит странной волнующей сцены, разыгравшейся между ними вчера вечером. К ее великому облегчению, Бронсон ни взглядом, ни словом не намекнул о произошедшем. Он вовлек ее в разговор об одном из своих новых замыслов. Холли решила, что ее непозволительное поведение было следствием неосмотрительности: слишком много она выпила вина. Стало быть, этой опасности следует в будущем избегать.

— Мистер Бронсон, я с удовольствием взгляну на планы, но предупреждаю — я почти не разбираюсь в таких вещах.

— Нет, разбираетесь. Вы знаете, чем восхищается аристократия, и поделитесь своим мнением.

Его большая рука осторожно и ловко разгладила бумажные листы. Холли рассматривала сделанные чернилами наброски различных фронтонов, отчетливо сознавая при этом близость Бронсона. Он положил руки на бумагу и наклонился над столом.

Холли пыталась сосредоточиться, но присутствие Бронсона отвлекало ее. Она не могла не обратить внимания, как туго фрак обтягивает его плечи, как густые черные волосы выются у него на затылке, как чисто выбрита его смуглая кожа на подбородке. Он следил за собой, не будучи щеголем, от него пахло больше крахмальным бельем и мылом, чем одеколоном, одежда сидела на нем очень хорошо. Наверное, он странно смотрелся среди толпы в гостинной, но его несомненная мужественность явно притягивала.

— Что вы думаете об этом? — спросил он низким рокошущим голосом.

Холли ответила не сразу.

— По-моему, мистер Бронсон, — заметила она, — архитектор нарисовал именно то, что вам должно, по его мнению, понравиться.

Дом был претенциозный, огромный и слишком симметричный. На фоне девонширского ландшафта он выглядел тяжело и неловко. Заметный — да. Великолепный — без сомнения. Но «изящный» и «гармоничный» — такие слова никак нельзя было бы применить к этому высокомерному образчику старомодного вкуса.

— Он очень большой, — продолжала она, — и у всякого, кто его увидит, не возникнет ни малейшего сомнения в том, что владелец — человек с огромными средствами. Но все же...

— Вам он не нравится.

Их взгляды встретились. Они стояли рядом, и Холли ощутила, как ее обдало жаром, когда она взглянула в его внимательные черные глаза.

— А вам, мистер Бронсон? — с трудом выговорила она.

Вопрос этот вызвал у него усмешку.

— У меня плохой вкус, — спокойно констатировал он. — Единственная моя заслуга в том, что я это понимаю.

Она раскрыла рот, чтобы оспорить это утверждение, но передумала. Когда речь шла о стиле, Бронсон действительно проявлял поразительно дурной вкус.

Он увидел выражение ее лица и издал тихий смешок.

— Скажите, миледи, что бы вы изменили в этом доме?

Подняв верхний эскиз за уголок и рассматривая план первого этажа, Холли беспомощно покачала головой:

— Я не знаю, с чего начать. А вы, наверное, сильно потратились на все эти планы...

— Эти траты — ничто по сравнению с тем, во что обойдется постройка проклятого дома.

— Ну... — Она в задумчивости покусывала нижнюю губу, обдумывая, что бы такое ему сказать. Его взгляд скользнул к ее губам, и она быстро продолжила:

— Мистер Бронсон, не будет ли слишком самонадеянно с моей стороны предложить вам другого архитектора? Может, вы посмотрите другие эскизы и потом уже решите, что вы предпочитаете? У меня есть дальний родственник, мистер Джейсон Соумерс, подающий надежды и уже пользующийся некоторым успехом молодой архитектор. Он восприимчив к современным тенденциям, хотя вряд ли ему когда-нибудь поручали такой большой проект, как вот этот.

— Прекрасно, — сразу же согласился Бронсон. — Мы немедленно пошлем его в Девон и посмотрим, что он нам предложит.

— Вероятно, пройдет некоторое время, прежде чем мистер Соумерс сможет быть вам полезным. Насколько мне известно, его услуги пользуются большим спросом, и дни его распланированы надолго вперед.

— О, он отправится в Девон без промедления, как только вы назовете мое имя, — цинично заверил ее Бронсон. — Каждый архитектор мечтает заполучить такого заказчика, как я.

Холли не смогла удержаться от смеха.

— Неужели ваша самонадеянность так безгранична?

— Наберитесь терпения и увидите: Соумерс представит мне свои эскизы не более чем через две недели.

* * *

Как и предсказывал Закери, Джейсон Соумерс действительно явился в его имение с эскизами и планами в замечательно короткий срок — через шестнадцать дней, если говорить точно.

— Боюсь, Элизабет, сегодня наши утренние занятия придется сократить, — пробормотала Холли, выглянув из окна и увидев скромный черный экипаж Соумерса, приближающийся к дому по подъездной аллее. Ее родственник правил сам, держа поводья с

видом профессионала. — Едет архитектор, а ваш брат настоял, чтобы я присутствовала при их разговоре.

— Ну, если вы должны... — недовольно протянула Элизабет.

Холли подавила улыбку: сожаление Элизабет было явно преувеличенным. У девушки не хватало терпения заниматься их теперешней темой — правилами ведения корреспонденции. Будучи энергичной молодой леди, страстно любящей верховую езду, стрельбу из лука и прочие физические упражнения, Элизабет считала, что водить пером по бумаге — процесс необыкновенно скучный.

— Не хотите ли присоединиться к нам? — предложила Холли. — Работы мистера Соумерса очень хороши, и я уверена, что ваш брат не станет возражать...

— Боже мой, нет! У меня есть занятия получше, чем рассматривать каракули какого-то замшелого старикашки архитектора. Сегодня замечательное утро, я отправлюсь на верховую прогулку.

— Чудесно. Стало быть, увидимся в середине дня.

Простившись со своей ученицей, Холли торопливо спустилась по главной лестнице. Она улыбалась в предвкушении встречи с дальним родственником. Они виделись последний раз на каком-то семейном сборище по меньшей мере пять лет назад, когда Джейсону едва исполнилось двадцать. Доброжелательный, с живым чувством юмора и очаровательной улыбкой, юноша был любимцем семьи. Еще будучи ребенком, он постоянно рисовал и делал наброски, и мальчика бранили за то, что пальцы его всегда в чернилах. А теперь он создавал себе имя своим уникальным стилем естественной архитектуры, которая должна вписываться в окружающий пейзаж.

— Кузен Джейсон! — воскликнула Холли, входя в парадный вестибюль одновременно с ним.

Едва увидев ее, Соумерс расплылся в улыбке, снял шляпу и ловко поклонился. Холли с радостью отметила, что за эти годы Джейсон превратился в удивительно привлекательного мужчину. Тяжелая копна недлинных каштановых волос, в зеленых глазах светится ум. Хотя он еще был по-юношески худощав, для своих двадцати пяти лет он выглядел на редкость мужественно.

— Миледи, — сказал Джейсон приятным чуть хриловатым голосом, — пожалуйста, примите мои запоздалые извинения за то, что я не присутствовал на похоронах вашего мужа.

Холли с нежностью посмотрела на молодого человека. Извиняться ему не было причин: когда Джордж скончался, Джейсон путешествовал по Европе. Не имея возможности приехать, он тогда написал ей письмо с соболезнованиями. Послание это, на удивление трогательное, выражало искреннее сочувствие, тронувшее ее до глубины души.

— Вы сами знаете, что не за что извиняться, — мягко возразила она.

Экономка подошла к ним, чтобы взять у Джейсона пальто и шляпу.

— Миссис Берни, — обратилась к ней Холли, — не подскажете ли вы, где сейчас находится мистер Бронсон?

— Наверное, он в библиотеке, миледи.

— Я провожу туда мистера Соумерса.

Взяв родственника под руку, Холли повела его к библиотечным апартаментам.

Глядя вокруг, Джейсон издал возглас, выражавший одновременно изумление и отвращение.

— Невероятно, — бормотал он. — Излишество на излишестве. Миледи, если Бронсон

предпочитает такой стиль, ему следовало бы обратиться к другому архитектору. Я не сумею выжать из себя ничего подобного.

— Подождите, пока не поговорите с ним самим, — сказала Холли.

— Ладно. — Джеймс улыбнулся. — Леди Холли, я знаю, что это вы рекомендовали меня, и за это я вам чрезвычайно благодарен. Но я должен спросить... что заставило вас оказаться здесь? — В его голосе прозвучал задор. — Как вам, без сомнения, известно, наша семья этого не одобряет.

— Да, матушка сообщила мне об этом, — призналась Холли с грустной улыбкой.

Узнав о том, что Холли собирается поступить на службу к Бронсону, ее родители высказались весьма недвусмысленно. Матушка даже усомнилась в здравости ее рассудка, предположив, что горе повлияло на способность Холли принимать разумные решения. Отец ее, однако, будучи человеком чрезвычайно практичным, несколько смягчился, узнав, на каких условиях она поступила к Бронсону.

Имея на руках еще трех незамужних дочерей, он слишком хорошо понимал необходимость хорошего приданого.

— Итак? — поторопил ее Джейсон.

— Мистеру Бронсону трудно отказать, — сухо закончила Холли. — Вы сами это поймете достаточно скоро.

Так они добрались до библиотеки, где их уже ждал Бронсон. К чести Джейсона, он не выказал ни намека на робость при виде поднимающегося из-за своего массивного стола хозяина дома. Холли по собственному опыту знала, что первая встреча с Бронсоном производит сильное впечатление. Мало кто еще обладал такой мощной жизненной силой. Даже если бы она ничего не знала о нем раньше, она инстинктивно бы поняла, что этот человек не только стал хозяином собственной судьбы, но также распоряжался судьбами других людей.

Спокойно встретив пронизательный взгляд черных глаз, Джейсон с энтузиазмом ответил на рукопожатие.

— Мистер Бронсон, — начал он в свойственной ему открытой, дружеской манере, — позвольте сразу же поблагодарить вас за приглашение в ваш дом и за возможность продемонстрировать мои скромные способности.

— Леди Холли — вот кого вам следует благодарить, — отозвался Бронсон. — Я пригласил вас по ее рекомендации.

Холли удивленно заморгала. Бронсон не скрывал того, что ее мнение имело для него большое значение. К ее ужасу, это не осталось незамеченным Джейсоном. Он бросил на нее быстрый задумчивый взгляд, потом снова посмотрел на Бронсона.

— Будем надеяться, что я оправдаю рекомендации леди Холли. — И Джейсон взял в руки пачку рисунков.

Бронсон указал на письменный стол красного дерева, освобожденный для этого случая, и архитектор разложил свои рисунки на полированной столешнице.

Хотя Холли и решила не проявлять своих эмоций, рассматривая работу родственника, но, склонившись над его эскизами, не сумела удержаться от одобрительного взгласа. Дом, с его скрытыми намеками на романтический готический стиль, был очарователен и изыскан.

Множество французских окон связывали воедино окружающие пейзажи и внутренние помещения. Большие парадные комнаты и просторные оранжереи позволяли устраивать приемы, а уютные флигели обеспечивали членам семьи уединение и покой.

Холли надеялась, что Бронсон оценит простоту и изящество будущего сооружения и не совершит ошибки, полагая, что великолепие — синоним нагромождения украшений. По крайней мере его наверняка порадует изобилие современных технических удобств: водопровод на всех этажах, множество ватерклозетов и кафельных душевых и ванн комнат, а также отопление, обеспечивающее уют и тепло на протяжении всей зимы.

Бронсон рассматривал планы без всякого выражения, он только задал Джейсону пару вопросов, на которые тот поспешил ответить. В самый разгар просмотра кто-то тихо вошел в комнату. Это оказалась Элизабет, одетая в розовую, отороченную алым амазонку. Этот туалет простого, но смелого покроя и женственная пена белых кружев на шее очень шли девушке. Черные кудри, заплетенные в тугие косы, шляпа алого цвета и черные густые ресницы делали облик Элизабет пленительным и экзотическим одновременно.

— Я не устояла перед соблазном взглянуть перед уходом на эскизы... — начала Элизабет, но голос ее стих, когда Джейсон обернулся и поклонился ей.

Холли быстро представила их друг другу, с гордостью глядя, как Элизабет отвечает на поклон Джейсона превосходным реверансом. Покончив с приветствиями, они замолчали, изучая друг друга с мгновенно вспыхнувшим любопытством. Потом Соумерс снова повернулся к столу и сосредоточился на вопросе, который задал ему Бронсон. Казалось, он вовсе не замечает Элизабет.

Это явное безразличие смутило Холли. Она не понимала, как он или любое другое здоровое существо мужского пола может остаться равнодушным к ослепительной красоте ее ученицы. Но когда та тоже подошла к столу, Холли заметила, что Джейсон то и дело бросает на нее искоса быстрые взгляды. Он заинтересовался, с удовольствием отметила Холли, но у него хватает выдержки не показывать этого.

Элизабет, несколько уязвленная отсутствием внимания со стороны гостя, встала между ним и Холли.

— Как видите, — обратился к Бронсону Джейсон, — я попытался создать дом, который гармонировал бы с ландшафтом. То есть это здание нельзя взять и перенести куда-нибудь еще, где оно выглядело бы столь же уместно...

— Мне известно, что значит гармонировать, — прервал его Бронсон с иронической улыбкой. Он все еще рассматривал эскизы, и его острый взгляд подмечал любую деталь. Холли, которая уже имела некоторое представление о том, каким образом Бронсон усваивает информацию, знала, что через несколько минут он будет иметь совершенно определенное мнение как о будущем доме, так и о самом Джейсоне Соумерсе. У Бронсона была потрясающая память в тех областях, которые его интересовали.

Элизабет критически рассматривала эскизы.

— Что это такое? — Она указала пальцем на гостиную. — Я не уверена, что мне это нравится.

Джейсон отвечал голосом, звучавшим на несколько тонов ниже обычного:

— Будьте любезны, уберите палец, мисс Бронсон.

— Да, но что это такое... эта неровная линия, этот странный выступ?..

— Это называется флигель, — коротко ответил Джейсон. — А маленькие треугольные выступы — это то, что мы, архитекторы, любим называть окнами и дверьми.

— Восточный флигель у вас не такой, как западный.

— Как-нибудь я с удовольствием объясню почему! — отрезал Джейсон.

— Дом какой-то кривобокий, — не унималась Элизабет.

Они с вызовом посмотрели друг на друга, и Холли показалось, что перепалка доставляет обоим тайное удовольствие.

— Элизабет, перестань злить человека, — вмешался Закери. Все его внимание было обращено на Холли. — Что вы думаете об этом проекте, миледи?

— По-моему, дом будет замечательным.

Бронсон решительно кивнул:

— Тогда я его построю.

— Надеюсь, не только потому, что он нравится мне? — всполошилась Холли.

— Почему бы и нет?

— Потому что вы должны согласиться только в том случае, если дом отвечает вашим вкусам.

— Проект кажется мне превосходным, — задумчиво ответил Бронсон. — Хотя я не возражал бы, если бы вот здесь и вот здесь была бы башенка и кое-где — амбразуры...

— Никаких башенок, — торопливо прервал его архитектор.

— Амбразуры? — одновременно переспросила Холли. Но, заметив в глазах Бронсона блеск, поняла, что он шутит.

— Стройте так, как нарисовали, — с усмешкой обратился к молодому человеку Бронсон.

— Именно так? — спросил Джейсон, явно несколько ошарашенный тем, с какой быстротой было принято решение. — Вы уверены, что вам не хочется повнимательнее изучить чертежи и на досуге все как следует обдумать?

— Я увидел все, что мне нужно, — успокоил его Бронсон.

Холли не могла не улыбнуться при виде удивления родственника. Наверняка Джейсон еще не встречал человека, способного так легко поступиться собственным авторитетом, как Закери Бронсон. Бронсону нравилось принимать решения быстро, почти не тратя времени на обдумывание возможных затруднений. Как-то раз он сказал ей, что десять процентов его решений оказываются ошибочными, еще двадцать обычно дают приличные результаты, а остальные семьдесят бывают просто великолепными. Холли понятия не имела, каким образом он произвел эти подсчеты, но не сомневалась в их обоснованности. Эго была любимая причуда Бронсона — высчитывать цифры и проценты в любых ситуациях. Он даже как-то подсчитал, что у его сестры Элизабет есть десятипроцентный шанс выйти замуж за герцога.

— Почему же только десять? — дерзко спросила Элизабет, случайно услышавшая этот разговор. — Я уверена, что сумею заполучить любого, кого захочу.

— Я подсчитал количество имеющихся в наличии герцогов и вычел тех, кто слишком стар и немощен, подсчитал также количество уроков, которые вы должны взять у леди Холланд, чтобы выглядеть прилично. Еще я учел количество молодых женщин на ярмарке невест, с которыми вам придется соперничать. — Бронсон замолчал и лукаво улыбнулся сестре. — К несчастью, ваш возраст несколько искажает полученный результат.

— Мой возраст? — воскликнула Элизабет, притворяясь разгневанной. — Вы что же, хотите сказать, я уже отцвела?

— Вам ведь двадцать один год, да? — заметил Бронсон и ловко поймал бархатную подушку, которую сестрица запустила ему в голову.

— Элизабет, леди не следует бросаться чем бы то ни было, если джентльмен не угодил ей, — сказала Холли, со смехом глядя на шумную пару.

— А может ли леди стукнуть своего невыносимого брата по башке кочергой? — И Элизабет двинулась к Бронсону с угрожающим видом.

— К несчастью, нет, — ответила Холли. — А если учесть прочность головы мистера Бронсона, то и эта попытка вряд ли вызовет какой-либо эффект.

Бронсон напустил на себя оскорбленный вид, хотя не смог удержаться от усмешки.

— Так как же может леди отомстить? — поинтересовалась Элизабет.

— Безразличием, — тихо ответила Холли, — или она может удалиться.

Элизабет бросилась в кресло и вытянула длинные ноги.

— Я надеялась на что-то более действенное.

— Удар железной кочергой может разве что сильно испугать, — сказал Бронсон сестре. — Но вот безразличие леди Холли... — Он сделал вид, что содрогается, словно его внезапно вышвырнули из теплой гостиной в буран. — Такого наказания не вынесет ни один мужчина.

Холли весело покачала головой, мысленно отметив, что и любая женщина вряд ли осталась бы безразличной к такому мужчине, как Закери Бронсон.

Но случались дни, когда Бронсон не улыбался. Временами он бывал раздражителен и упрям и показывал всем окружающим свое плохое настроение. Даже Холли попадала под град его насмешек, и казалось, что чем холоднее и любезнее становилась она, тем сильнее это раздувало пламя его недовольства. Можно было предположить, что он жаждет чего-то, для него недоступного. И, что бы это ни было, похоже, неутоленное желание сжигало его. Обнаружить, о чем идет речь — о том, чтобы его приняли в светское общество, или о неудавшейся деловой сделке, — не представлялось возможным. Холли знала только, что это не одиночество, — Бронсон не испытывал недостатка в женском обществе. Как и остальные обитатели дома, она была прекрасно осведомлена о его бурной ночной жизни, частых приходах и уходах, злоупотреблении вином и разгулом, оставлявших след на его лице после особенных безумств.

Его неумная жажда развлечений и женщин все больше и больше тревожила Холли. Она пыталась объяснить себе, что в этом отношении он ничем не отличается от множества других мужчин. Многие аристократы ведут себя еще хуже, предаваясь по ночам разгулу, а в остальное время отсыпаясь. То, что Бронсону, несмотря ни на что, удавалось работать днем, доказывало необычайную мощь его организма. Но Холли не могла отбросить мысли о его распутстве, и в мгновения полной откровенности с собой она понимала, что причина этого не столько моральные соображения, сколько ее личные чувства.

Представляя Бронсона в объятиях другой женщины, она ощущала странную пустоту. И невыносимое любопытство. Каждый вечер, когда он уходил из дома, чтобы провести ночь со шлюхами, ее воображение пускалось вскачь. Почему-то она была уверена, что в постели Бронсон был совершенно не похож на Джорджа. Хотя ее муж не был девственником, вступая в брак, его опыт в подобных делах был весьма ограниченным. В спальне Джордж оставался человеком почтительным и добрым, скорее любящим, чем вожделеющим. Несмотря на свою пылкую натуру, он полагал, что интимным ласкам не следует предаваться слишком часто. Он никогда не посещал ее спальню чаще раза в неделю. И эти ночи были сладостны и необыкновенны и не воспринимались ими как нечто привычное и само собой разумеющееся.

А вот Закери Бронсон был так же склонен к самоограничению, как кот. То, как он поцеловал ее в оранжерее, доказывало, что в своем опыте он зашел куда дальше, чем она или Джордж. Холли это привлекало. Если бы только она могла избавиться от снов,

преследующих ее из ночи в ночь, от тех путаных эротических образов, которые тревожили ее с самой смерти Джорджа. Ей снилось, что к ней прикасаются, ее целуют, прижимают ее, нагую, к мужскому телу... только вот теперь эти сны стали еще более тревожными, потому что у их героя появилось лицо, смуглое лицо Закери Бронсона.

После очередных сновидений Холли неизменно просыпалась разгоряченная, взволнованная и утром с трудом могла взглянуть на Бронсона, не покраснев при этом. Она всегда считала себя выше этих низменных страстей и с некоторой брезгливой снисходительностью относилась к тем, кто не в состоянии обуздать свою натуру. Никогда раньше вождление не тревожило ее. Но никакое другое название не подходило для этой сладкой боли, порой овладевающей ею, этой ужасной поглощенности Закери Бронсоном и... желания оказаться одной из тех женщин, которых он посещает, чтобы удовлетворить свою похоть.

Сегодня Холли была одета в серое платье, и его унылый вид лишь слегка оживлял малиновый кант у ворота и у манжет. Такое одеяние подходило для монахини... если не считать маленького, в два дюйма, выреза впереди. Вырез этот имел форму замочной скважины и открывал кусочек нежной бледной кожи. И этого оказалось достаточно, чтобы воображение Закери разыгралось вовсю. Никогда еще женская шея не притягивала так к себе его взгляда. Мысли о нежном теле, скрытом под унылой серой тканью, были просто невыносимы.

— Мистер Бронсон, вы сегодня рассеянны, — заметила Холли, и он наконец посмотрел в ее приветливые глаза цвета виски. Невинные карие глаза... Он готов был поклясться, что она понятия не имеет о том, какое производит на него впечатление.

Розовые губы Холли изогнулись в улыбке.

— Я знаю, что вам не очень хочется этим заниматься, — сказала она. — Но вам нужно научиться танцевать, и танцевать хорошо. До бала у ПлимUTOв осталось всего два месяца.

— Бал у ПлимUTOв... — повторил он, язвительно выгнув брови. — В первый раз слышу.

— Я думаю, что это будет прекрасный случай продемонстрировать ваши светские манеры. Это ежегодный прием, устраиваемый лордом и леди Плимут всегда в разгар сезона. Я много лет с ними знакома, это чрезвычайно любезные люди. Я сделаю так, чтобы ПлимUTы прислали приглашения. И в этот вечер мы выведем Элизабет в свет, а вы... вы, несомненно, встретите много молодых и прекрасных дам, и одна из них вызовет у вас интерес.

Закери машинально кивнул, хотя и знал, что никакая женщина на свете не вызовет у него такого сильного интереса, как леди Холланд Тейлор. Возможно, он нахмурился, или вид у него стал раздраженный, потому что Холли успокаивающе улыбнулась ему.

— Это вовсе не так трудно, как вам кажется, — сказала она, очевидно, полагая, что он беспокоится насчет танцев. — Мы просто будем за один раз разучивать одно па. А если окажется, что я не в состоянии научить вас как следует, мы пригласим месье Жируара.

— Никаких учителей танцев, — проворчал Закери, уже успевший невзлюбить этого плясуна. Накануне он видел, как проходит урок танцев у Элизабет, и категорически воспротивился попытке месье Жируара распространить свои наставления также и на его особу.

Холли вздохнула с таким видом, словно ее терпение на пределе.

— Вашей сестре он, по-моему, нравится, — заметила она. — Месье Жируар очень опытный учитель.

— Он попробовал взять меня за руку!

— Уверю вас, у него не было иного намерения, кроме как показать вам фигуры кадрили.

— Это противоестественно — брать за руку других мужчин, — фыркнул Закери. — А у этого маленького лягушатника был такой вид, точно ему это нравится.

Холли вытаращила глаза, но решила, что лучше пропустить эту фразу мимо ушей.

Они находились в роскошно убранном бальном зале, стены которого были обиты бледно-зеленым шелком и обильно украшены вычурной позолотой. Ряды великолепных колонн из зеленого малахита, навевавшие мысль о русских дворцах, чередовались с

зеркалами в золотых рамах, достигавшими восемнадцати футов в высоту. Казалось удивительным, что потолок еще не рухнул под тяжестью шести массивных люстр, сверкающих таким количеством хрустальных подвесок, что ими можно было бы нагрузить целую повозку. Место для музыкантов в противоположном конце зала пустовало. Для того чтобы Бронсон выучил основные фигуры различных танцев, музыка не требовалась.

Во множестве зеркал отражалась его партнерша. В такой пышной обстановке ее серое платье казалось нелепым. Интересно, как она будет выглядеть в бальном туалете? В платье с низким вырезом, отделанным чем-то пенистым, как положено на вечерних дамских платьях с голыми плечами... Красивые, округлые формы ее груди, выступающие под лифом, сверкающие бриллианты на бледной коже. Темно-каштановые волосы, поднятые кверху, открывают драгоценные серьги на маленьких ушках...

— Вы помните правила бального этикета, которые мы с вами обсуждали вчера? — услышал он ее вопрос и усилием воли заставил себя вернуться к действительности.

— Если я пригласил молодую леди на танец, — отвечал он монотонно, — я не должен покидать ее до тех пор, пока не отведу эту леди к сопровождающей ее даме. После того как танец закончится, я спрашиваю у нее, не хочет ли она подкрепиться. Если она отвечает «да», я нахожу для нее стул в буфете и приношу ей все, что она пожелает, и остаюсь с ней столько, сколько она захочет там пребывать. — Он замолчал и спросил с легким раздражением:

— А что, если ей вздумается сидеть там и подкрепляться целый час? Или еще дольше?

— Вы останетесь с ней, пока она не поест, — терпеливо пояснила Холли. — А потом вы отведете ее к сопровождающей, поклонитесь и выскажете благодарность за ее общество. Больше того, вы должны танцевать с некрасивыми девушками так же, как и с красивыми, и ни в коем случае не танцевать больше двух раз с одной и той же партнершей. А если речь идет о последнем танце перед ужином, вы должны предложить сопровождающей барышню даме проводить ее к столу и держаться с ней как можно галантнее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Бронсон тяжело вздохнул.

— Теперь перейдем к выходу, открывающему бал, — бодро сказала Холли. — Когда вы возглавляете шествие на своем балу, вы должны выступать медленно и с достоинством. Идете параллельно стенам и меняете шаг в углах. — Она немного придвинулась к нему и добавила с видом заговорщицы:

— На самом деле это проделывается лишь для того, чтобы дамы, проходя по всему залу, могли показать свои туалеты. Ошибиться здесь никак нельзя, мистер Бронсон. Просто проведите все пары вокруг зала и вернитесь в середину. И постарайтесь держаться несколько надменно. Для вас это не составит труда.

От ее дружеского поддразнивания у него полегчало на душе. Мысль о том, чтобы с надутой физиономией обойти зал, обычно вызывала у Закери язвительный смех. Но если это делается, чтобы продемонстрировать всем женщину вроде Холли, при этом держа ее под руку... да, в этом есть кое-какой смысл. Такая постановка вопроса ему, пожалуй, даже импонировала.

— И ни в коем случае не следует вести двух дам сразу, — предупредила его Холли.

— Почему же?

— Во-первых, это сделает невозможным перемену шага в углах зала, а во-вторых... — Она замолчала, как будто забыв, что намеревалась сказать, — взгляды их встретились. Сморгнув, словно ее отвлекло что-то непредвиденное, она заставила себя продолжать:

— Это честь, которую джентльмен оказывает определенной леди. — Она легко коснулась его руки. — Давайте дойдем до первого угла.

Пока они шли, Бронсон все время слышал, как он топает по блестящему паркетному полу. Дойдя до угла, они остановились, и Холли объяснила, как менять шаг.

— Я снимаю кисть с вашего локтя и беру вас за руку, а вы ведете меня так, чтобы я была уже не слева от вас, а справа... — Она принялась проделывать движения, о которых говорила, и Закери подчинялся ее указаниям. Руки их соприкоснулись, ее холодные пальчики скользнули по его ладони, и у него перехватило дыхание.

Холли остановилась, явно смущенная, и, легко вздохнув, выдернула руку. Она, наверное, тоже это почувствовала — что произошло в нем от прикосновения ее пальцев. Закери смотрел на ее склоненную голову, и ему страшно хотелось коснуться этих гладких темных волос и взять в ладони это лицо. Он еще помнил, что ощутил, поцеловав ее, помнил, как ее губы прижались к его губам, не забыл ее вкуса, ее учащенного дыхания.

— Нам... — нетвердым голосом продолжила Холли, — нам следовало бы надеть перчатки. Леди и джентльмены всегда надевают перчатки, когда танцуют.

— Я велю, чтобы принесли перчатки! — Голос прозвучал раздраженно, и Закери удивился этому.

— Я... я думаю, в этом нет необходимости. — Она глубоко вздохнула, очевидно, чтобы взять себя в руки. — На бал всегда следует брать запасную пару перчаток, — скороговоркой произнесла она. — Джентльмену ни в коем случае не следует танцевать в несвежих перчатках.

Она не глядя снова подала ему руку. Их обнаженные пальцы сошлись на короткое, как удар молнии, мгновение, и Холли показала ему, как менять шаг.

— Прошло столько времени, — услышал он ее полупшепот. — Я почти забыла, как это делается.

— Вы не танцевали после смерти Джорджа? — спросил он.

Она молча покачала головой.

Урок продолжался, и Закери отметил про себя, что именно так представлял себе ад — голова и тело в огне. Хорошо еще, что на нем модный фрак с длинными фалдами. Если бы Холли могла предположить, в каком возбуждении он пребывает, как близок к тому, чтобы прижать ее к себе и осквернить — руками, губами и всеми мыслимыми частями своего тела, — она, пожалуй, с криком выбежала бы из зала.

Но оказалось, то, чем они занимались сейчас, ничто по сравнению с кадрилию — утомительным набором всевозможных па и всяких дурацких вывертов ногами. А уж вальс стал самой настоящей пыткой.

— Подойдите ко мне справа, — промолвила Холли, опуская густые ресницы, — и обнимите правой рукой за талию. Достаточно крепко, но в меру.

— Вот так? — Закери осторожно обхватил ее стан, чувствуя при этом невероятную неловкость. Уж кто-кто, а он-то привык держать особ женского пола в своих объятиях, но нынешнее ощущение было ни на что не похоже. Никогда он не прикасался к такой изящной женщине, как эта, никогда не испытывал такого острого желания угодить своей партнерше. Вот бы понять, что ощущает она. Может быть, ей не нравится находиться от него в такой близости? В конце-то концов она ведь привыкла танцевать в объятиях аристократов, а не таких сильных, дурно воспитанных мужланов, как он. Его руки казались ему лопатами, ноги — глыбами. Ее изящная кисть легко легла на его правое плечо. Портной не подложил ни

грамма ваты под плечи его фрака, чтобы Закери казался не таким мощным, но, к несчастью, ничто не могло скрыть его налитых мускулов.

Ее изящные пальчики коснулись правой руки... Она была так легка и мила в его объятиях, что его вдруг пронзило желание.

— Мужчина ведет партнершу вот так, — комментировала она, подняв к нему лицо. — Не следует слишком сильно сжимать мне пальцы... нужно держать их крепко, но осторожно.

— Боюсь, я наступлю вам на ногу, — пробормотал он.

— Сосредоточьтесь на том, чтобы соблюдать между нами надлежащее расстояние. Если вы будете слишком крепко держать меня, вы лишите меня свободы движений. А если мы окажемся слишком далеко друг от друга, я лишусь поддержки.

— Вряд ли я сумею это сделать, — с трудом выговорил Закери. — Вы научили меня, как совершать обход зала, и с кадрилию я справлюсь. Давайте закончим на этом.

— Ах, но вы должны научиться танцевать вальс, — убеждала она. — Без вальса вы никогда не сможете ухаживать за девушкой как полагается.

Услышав его короткий ответ, она нахмурилась, внезапно преисполнившись решительности.

— Можете браниться, сколько вам угодно, мистер Бронсон. Я все равно научу вас вальсу. И если вы не будете мне помогать, я пошлю за месье Жируаром.

Тут он еще больше разозлился.

— Ладно, черт побери. Что делать дальше?

— Вальс строится из двух шагов, каждый на три хлопка. Теперь скользите назад левой ногой — помните, шаг небольшой, — потом ставите правую ногу немного позади левой и поворачиваетесь вправо...

Словом, поначалу это было какое-то ужасное сражение. Но когда Закери сосредоточился на указаниях Холли и почувствовал, что она скользит вместе с ним словно по волшебству, подчиняясь ему, его спотыкающиеся шаги стали увереннее. Похоже, она и сама получала от этого удовольствие, хотя он не понимал, какое может быть удовольствие в том, чтобы спотыкаться и разбираться с ним вальсовые па.

— Держите руку твердо, — предупредила она, и глаза ее блеснули. — Вы двигаете ею так, словно она у вас ватная!

Как она, вероятно, и намеревалась, замечание сбило его со счета. Он поднял бровь в язвительной усмешке, которая обычно заставляла сникнуть его собеседника.

— Единственное, на чем я могу в данный момент сосредоточиться, — это на том, чтобы не раздавить вас, миледи.

— Право же, у вас все получается очень хорошо, — заверила она. — Не говорите, что вы никогда не танцевали вальс раньше.

— Никогда.

— Вы на редкость подвижны. Большинство начинающих, как правило, переносят всю тяжесть тела на пятки.

— Бокс, — пояснил Закери, делая с ней следующий полутур. — Если уж вы оказались на ринге, то другого способа увильнуть и уклониться нет.

Хотя он никак не думал, что это замечание позабавит ее, Холли, судя по всему, порядком развеселилась.

— Я бы не хотела, мистер Бронсон, чтобы вы слишком часто использовали во время

уроков танца ваш боксерский опыт. Вряд ли мне понравится вступить с вами в кулачный бой.

Глядя на ее улыбающееся, покрасневшее лицо, Закери испытал мучительно сладостное чувство, боль, более связанную с духом, чем с телом. Это была самая обворожительная женщина из всех, кого он знал. И уже не в первый раз он ощутил острую зависть к ее мужу, которого она любила. У Джорджа было право прикасаться к ней и целовать везде, где ему захочется. Она обращалась к нему со всеми своими нуждами. И наконец, черт побери, он все еще любим ею!

Судя по всему, что слышал Бронсон, этот Джордж Тейлор был превосходным человеком. Хорош собой, состоятелен, благороден, всеми уважаем, воспитан и чуток. В общем, он заслужил такую жену, как Холли, — ровно настолько, насколько Закери ее не заслуживает. Закери понимал, что является полной противоположностью Джорджу. Все, что он может предложить ей, включая свое сердце, вульгарно и греховно.

«Если бы только» — он ненавидел эти три слова, они снова и снова звучали у него в голове. Если бы только, если бы только...

Потеряв ритм, он резко остановился, отчего Холли налетела на него. Она коротко засмеялась, задыхнувшись. — Ах... вы остановились так внезапно, и я...

Пробормотав какое-то извинение, он поддержал ее. На мгновение ее маленькая фигурка оказалась от него в опасной близости. Это ощущение заставило все его чувства обостриться. Он хотел выпустить ее, разжать объятия, но взбунтовавшиеся руки отказались повиноваться. Она дышала быстро и взволнованно, и он чувствовал, как рядом вздымается ее грудь. Мгновение длилось бесконечно. Он ждал, что она положит этому конец, начнет возражать, но она хранила странное молчание. Шелковистые веера ее ресниц поднялись, и он увидел ее изумленный взгляд. Парализованные тем, что неизбежно становилось похожим на объятия, они смотрели друг на друга беспомощно-очарованно.

Наконец Холли отвела глаза, но ее теплое дыхание продолжало ласкать его подбородок. Губы у него стали сухими и горячими, и ему захотелось прижаться ими к ее коже. Он ждал, не шевельнет ли она своей ручкой, лежащей на его плече... не коснется ли его шеи, не намекнет ли хоть как-то, что он ей желанен... но она оставалась неподвижной, не отстраняясь и не поощряя его.

Он прерывисто вздохнул, мускулы его немного расслабились. В глазах его слегка рябило. Интересно, подумал он, представляет ли себе Холли, как он близок к тому, чтобы схватить ее и унести куда-нибудь? Куда угодно. Ему хотелось ощутить ее под собой, познать с ней наслаждение. И больше того — ему хотелось, чтобы она любила его, ласкала, шептала ему на ухо слова любви. Никогда в жизни он не казался себе таким болваном, отчаянно возжелавшим того, что явно ему не полагалось.

И тут же холодный, ясный голос, прозвучавший у него в голове, заметил, что то, чего нельзя получить от Холли, может дать ему другая женщина. В Лондоне сотни дам и девиц одарят его всевозможными ласками в удобном ему количестве. Закери с радостью уцепился за эту мысль, как утопающий за соломинку. Не нужна ему леди Холланд Тейлор. Он найдет кого-нибудь покрасивее, поостроумнее и с такими же ласковыми глазами. Ничего в ней особенного нет, и сегодня же ночью он докажет себе это, и завтра... будет доказывать, сколько потребуется, пока не убедит окончательно.

— Я думаю, на сегодня довольно, — пробормотала Холли, вид у которой все еще оставался несколько ошеломленным. — Вы многому научились, мистер Бронсон. Уверена,

что очень скоро вы уже будете вполне прилично танцевать вальс.

Закери поклонился, заставив себя вежливо улыбнуться.

— Благодарю вас, миледи. Значит, увидимся завтра.

— Вы сегодня не ужинаете дома?

Он покачал головой:

— Я собираюсь повидаться вечером с друзьями.

Глаза ее сверкнули, выдав неудовольствие. Он знал, что она не одобряет его склонности к разгулу, и внезапно ощутил жестокую радость. Пусть себе спит каждую ночь в своей одинокой постели, он же будет получать наслаждение там, где найдет его.

Холли медленно вернулась в комнату Розы, где ее дочка и Мод занимались, как всегда по второй половине дня, чтением и играми. Холли с удивлением заметила, что ей очень трудно собраться с мыслями. Она как будто все еще кружилась в объятиях Закери Бронсона, отражаясь в бесчисленных зеркалах. Более двух часов она была так близко от него, болтала и смеялась, и все это невыносимо взбудоражило ее чувства. Она была встревожена, взволнована, несчастна — но по какой причине? Хорошо, что урок танцев кончился. Был восхитительно страшный момент, когда он прижал ее к себе и Холли подумала, что сейчас он ее поцелует.

И что тогда? Как она на это реагировала бы? Она боялась думать об этом. Бронсон пробуждал в ней нечто глубинное и низменное. Для женщины, воспитанной так, что даже страсть к собственному мужу нужно скрывать, ситуация складывалась угрожающая.

Грубость ее работодателя должна была бы отталкивать, но Холли тянуло к нему. Он обращался с ней не как с хрупкой куколкой или жертвой печальных обстоятельств. Он ее дразнил, шутил над ней и говорил с ней откровенно. Он заставлял ее чувствовать себя живой и полной сил, интересоваться миром, лежащим за пределами привычных представлений. Ее задачей было придать ему утонченности, но, кажется, происходило нечто противоположное: это он изменял ее, и отнюдь не в лучшую сторону.

Холли неуверенно засмеялась и провела рукой по векам, словно желая смахнуть наваждение. Искры вспыхнули у нее перед глазами, и она затаила дыхание.

— Ах, нет, — пробормотала она, узнав признаки, предвещающие мигрень.

Как всегда, боль появлялась без всяких видимых причин. Возможно, если она немного полежит, положив на лоб мокрую холодную салфетку, ее удастся остановить.

Холли поднялась вверх, морщась от нарастающей боли в висках и затылке. Добравшись до их с Розой апартаментов, она услышала голос дочери:

— Нет, это не рысь, Мод! Это очень медленно. Это вовсе не рысь.

Холли заглянула в дверь и увидела, что ее дочь сидит на ковре в окружении игрушек. В руках у Розы была маленькая лошадка, обтянутая кожей, — подарок Бронсона. У лошадки были замечательный хвост, грива из настоящего конского волоса и блестящие стеклянные глаза. Она везла миниатюрную карету с несколькими куклами. Здесь же, на ковре, Роза соорудила дома из кубиков и книжек.

— Куда же это они едут, милочка? — поинтересовалась Холли. — В парк или в лавку на улицу Риджент?

Роза, улыбаясь, подняла глаза.

— Мама! — воскликнула она, снова переведя взгляд на трусившую рысцой лошадку. — Они едут на завод.

— На завод? — изумленно повторила Холли.

На круглом лице Мод появилась ироническая улыбка.

— Да, миледи. Мистер Бронсон рассказывал Розе о том, как живут рабочие и что они делают на заводах и фабриках, которыми он владеет. Я пыталась объяснить ему, что ребенку незачем знать о таких вещах, но он не обратил на мои слова никакого внимания.

Первой реакцией Холли был гнев. Зачем он рассказывает впечатлительной девочке о нелегкой жизни рабочего класса? С другой стороны, Холли никогда не приходило в голову, что ее дочь растет, не понимая разницы между бедными и богатыми, не зная, почему одни люди живут в прекрасных домах, а другие — на улицах, и к тому же голодают.

— Я полагаю, — нерешительно ответила она, — что это неплохо. Розе следует узнавать хоть что-нибудь о большом мире... о жизни большинства людей, не похожей на ее жизнь...

Она потеряла лоб: боль все усиливалась и превратилась уже в непрекращающуюся пульсацию. Впервые она осознала, что Закери Бронсон становится более реальным, более авторитетным человеком для Розы, чем когда-либо смог бы стать Джордж. Бронсон играл с девочкой в прятки, пробовал варенье, которое она «помогала» варить кухарке однажды в дождливый день, построил для нее картонный домик, когда они сидели на полу у огня. Всем этим ее отец никогда не стал бы с ней заниматься.

Бронсон не игнорировал Розу и не считал ее вопросы глупыми. Он обращался с ней точно как со взрослыми, только мягче и порой даже уважительнее. Большинство взрослых смотрят на детей сверху вниз и считают, что на них не распространяются всяческие права и привилегии, пока они не вырастут. Но Бронсон явно привязался к девочке, и Роза, в свою очередь, потихоньку начала привязываться к нему. Это был еще один неожиданный поворот в данной ситуации.

— Ах, миледи! — воскликнула Мод, внимательно глядя на нее. — У вас опять мигрень, да? Вы совсем белая, и вид у вас больной с головы до пят.

— Да. — Холли тяжело оперлась о дверной косяк и жалобно улыбнулась дочери. — Мне так жаль, Роза. Я обещала погулять с тобой, но сегодня не смогу.

— Ты заболела, мама? — Девочка нахмурилась, вскочила, подошла к Холли и обняла ее. — Следует принять лекарство. — посоветовала она, как взрослая. — Задернуть занавеси и закрыть глаза.

Холли, с трудом улыбнувшись, позволила дочери отвести себя в спальню. Мод тут же задернула тяжелые драпировки так плотно, что комната погрузилась во тьму, и помогла Холли раздеться.

— У нас есть то лекарство, которое оставлял в последний раз доктор Вентворт? — прошептала Холли, вздрагивая, когда Мод принялась расстегивать ей пуговицы на спине платья. Малейшее движение вызывало у нее в голове чудовищную пульсацию. Когда у нее в последний раз был приступ мигрени, еще у Тейлоров, семейный врач дал ей снадобье, от которого она погрузилась в милосердное забытие.

— Конечно, — прошептала в ответ Мод, достаточно опытная для того, чтобы во время мигрени хозяйки не говорить громко. — Я бы ни за что его не забыла, миледи. Я принесу его вам, как только вы ляжете в постель.

— Спасибо. — Холли вздохнула. — Что бы я без вас делала, Мод? Как хорошо, что вы приехали сюда вместе с нами. Хотя я не стала бы вас упрекать, если бы вы остались у Тейлоров.

— И позволила бы вам и мисс Розе отправиться в это чудное место одним? — Холли угадала, что Мод улыбается. — По правде говоря, миледи, мне здесь нравится.

Платье соскользнуло на пол, за ним отправились легкий корсет и чулки. Холли, оставшись только в сорочке и панталонах, залезла в постель. Она закусил губу, чтобы сдержать болезненный стон, и откинулась на подушки.

— Мод, — прошептала она, — у вас так мало свободного времени. Я исправлю это, когда мне полегчает.

— Не думайте ни о чем, — успокоила ее горничная. — Пусть голова отдохнет, а я быстренько принесу вам лекарство.

* * *

Облаченный в синий фрак и серые панталоны, с черным шелковым галстуком, Закери спускался по парадной лестнице, чтобы отправиться на поиски вечерних развлечений. Нельзя сказать, что его переполняло радостное предвкушение, но настроен он был решительно. Ощущения, пробудившиеся во время урока танца, все еще кипели в нем, требуя удовлетворения. Он был так возбужден, что ему было просто необходимо повозиться с достаточно энергичной партнершей, а после этого провести несколько часов за картами и вином. Все что угодно, только бы забыть, каково это — держать в своих объятиях Холли.

Но, дойдя до лестничной площадки, он замедлил шаги и остановился при виде маленькой горестной фигурки, примостившейся на одной из ступенек. Увидев Розу похожую на куколку, в муслиновом платьице в оборках, с пухлыми ножками, обтянутыми белоснежными чулочками, державшую в руке неизменную нитку с пуговицами, он не мог не улыбнуться. Как не похожа она на Элизабет в детстве! У Розы хорошие манеры, она умеет сосредоточиться и быть серьезной, Элизабет же была постоянно полна энергии и неуправляема. Холли сделала все, что могла, чтобы хорошо воспитать дочь, но, по мнению Закери, Розе требовалось общение с отцом. С человеком, который поможет ей узнать о мире, находящемся за пределами парковых оград и аккуратных садов с каменными стенами, о детях, которые не носят нарядных платьиц и костюмчиков, и о людях, которые трудятся в поте лица своего ради хлеба насущного. Об обыкновенной жизни. Но Роза не его дочь, и у него нет права вмешиваться в ее воспитание.

Остановившись несколькими ступеньками ниже, он посмотрел ей в глаза.

— Принцесса, — сказал он и улыбнулся, — почему вы сидите здесь в одиночестве?

Роза тяжело вздохнула, ее пухлые ручки беспрестанно перебирали блестящие пуговицы. Найдя свою любимую ароматную пуговицу, она поднесла ее к носу и понюхала.

— Я жду Мод, — пояснила она хмуро, — она даст маме лекарство, а потом мы будем ужинать в детской.

— Лекарство, — повторил Закери, мрачней. Какого черта Холли понадобилось принимать лекарства? Еще и двух часов не прошло, как она была совершенно здорова. Или с ней что-то случилось? — От чего лекарство?

— От мигрени. — Малышка уткнулась подбородком в колени. — И теперь мне не с кем играть. Мод слишком устала, и, даже если она согласится, будет не очень-то весело. Она рано уложит меня спать. Как я не люблю, когда мама болеет!

Закери смотрел на девочку, задумчиво хмурясь и задаваясь вопросом: возможно ли, чтобы всего за два часа мигрень так разошлась, что человек был уже ни на что не пригоден? И отчего вообще бывает мигрень? Все мысли о ночных развлечениях мгновенно вылетели у

него из головы.

— Оставайтесь здесь, принцесса, — велел он. — Я пойду навещу вашу маму.

— Правда? — Роза с надеждой посмотрела на него. — И вы сможете сделать так, чтобы она опять хорошо себя чувствовала, мистер Бронсон?

Вера, прозвучавшая в этом вопросе, заставила его сердце сжаться. Он осторожно опустил руку на темную головку.

— Боюсь, что нет, Роза. Но я хотя бы узнаю, все ли у нее есть, что нужно.

Оставив девочку, он бросился вверх, перепрыгивая через ступеньки. Когда он подошел к комнате Холли, оттуда как раз выходила Мод, лицо которой выражало озабоченность и тревогу. Он почувствовал беспокойство.

— Мод, — резко спросил он, — что такое стряслось с леди Холланд?

Горничная быстро поднесла палец к губам, призывая к тишине.

— Это ее мигрень, сэр, — шепотом пояснила она. — Мигрень всегда начинается с ходу, и всякий звук, запах и свет причиняют страшную боль.

— Отчего они начинаются?

— Не знаю, сэр. С миледи это происходит с тех пор, как мистер Тейлор нас покинул. Обычно это продолжается один день, но бывает и затягивается, а потом само проходит.

— Я пошлю за врачом, — решительно заявил Закери.

Мод так же решительно затрясла головой:

— Простите, сэр, но в этом нет надобности. Леди Холланд была у специалиста, и тот сказал, что это не лечится. Нужно просто лежать и принимать лекарство, пока не полегчает.

— Я навещу ее.

Горничная встревожилась:

— Ах, сэр, мне бы не хотелось, чтобы вы ее беспокоили! Леди Холланд сейчас не в состоянии разговаривать ни с кем — ей плохо, а от лекарства она делается малость не в себе. И она не... ну, в общем, не так одета.

— Я не стану ее беспокоить, Мод. Пойдите займитесь Розой. Она сидит одна на лестнице.

И, не обращая более внимания на ее возражения, Бронсон вошел в спальню. Он сощурился, давая глазам привыкнуть к темноте, и услышал, как тяжело дышит Холли. Слабый тошнотворно-сладкий запах витал в воздухе, и он с любопытством принялся. Подойдя к кровати, он нашел на ночном столике бутылку и липкую ложку. Он потрогал ложку пальцем, потом поднес ее к губам и распознал вкус сиропа с опиумом.

Холли, лежавшая под легкой простыней, пошевелилась, ощутив чье-то присутствие. Ее глаза и лоб закрывала мокрая салфетка.

— М-мод? — прошептала она.

Закери ответил не сразу.

— Я думал, после урока танцев у вас разболится нога, а не голова, — произнес он.

От низких раскатов его голоса она поморщилась:

— Ах... мистер Бронсон... вы должны немедленно уйти. — Она говорила несколько невнятно, очевидно, под воздействием опия. — Я... я не одета... а это лекарство иногда... заставляет меня говорить такие вещи, какие я обычно не говорю...

— В таком случае я настаиваю на своем присутствии.

Раздался слабый смех.

— Пожалуйста, не смешите меня... страшно больно.

Закери опустился на стул, стоявший подле кровати. Под его тяжестью стул заскрипел, и Холли вздрогнула. Когда его взгляд привык к темноте, он увидел светящуюся белизну ее плеч и сладостный изгиб шеи там, где она плавно переходит в холмики грудей.

— Лекарство, которое вы принимаете, милая леди, содержит много опия. Мне было бы неприятно, если бы вы привыкли к нему. Я видел, как здоровые мужчины превращались от него в ходячие скелеты.

— Это единственное, что мне помогает, — пробормотала она. Было ясно, что голова ее одурманена болью и наркотиком. — Я буду спать день или около того... потом мигрень пройдет. Завтра придется пропустить уроки... прошу прощения...

— К черту уроки.

— Ваш язык, — упрекнула она его, вздохнув.

— Как начинается мигрень? Или я сделал что-то такое...

— Нет-нет... без всяких причин. Перед глазами возникают искры. Боль начинается с одной стороны головы или шеи... Затем распространяется, мне становится дурно.

Закери осторожно опустился рядом с ней на кровать. Почувствовав, как кровать просела под его тяжестью, Холли слабо запротестовала:

— Мистер Бронсон... пожалуйста... оставьте меня в покое.

Закери просунул пальцы ей под шею. Между затылком и основанием черепа он ощутил жесткие, напряженные мышцы. От его прикосновения Холли стало больно, и она застонала. Очень осторожно он помассировал ей шею кончиками пальцев. Слеза скатилась из-под салфетки, лежащей у Холли на глазах, и она прерывисто вздохнула.

— Помогает? — прошептал Закери спустя минуту, чувствуя, что напряжение слегка ослабло.

— Да, немного...

— Перестать?

Ее рука мгновенно протянулась к его запястью, чтобы удержать.

— Нет, продолжайте, пожалуйста.

Он стал молча массировать ей шею, и дыхание ее становилось более глубоким, в конце концов ему показалось, что она уснула. Но спустя какое-то время Холли удивила его, заговорив тихо и быстро:

— Мигрени начались после того, как умер Джордж. Первая случилась, когда я целый день читала письма... люди были так добры... они делились своими воспоминаниями... все говорили, что они очень удивлены... хотя никто не был так удивлен, как я. — Голос ее звучал бесстрастно, словно она говорила в глубоком сне. — Такой здоровый человек. Не такой крепкий, как вы, но все же... очень здоровый. Потом появилась лихорадка, и Джордж не мог ничего есть, только пил чай. Неделью он пролежал в постели. Он так быстро терял вес... скулы выступали на лице. На вторую неделю я испугалась, потому что ум его стал мутиться. Он, видимо, знал, что умирает... он начал готовиться. Однажды он послал за своим самым близким другом, Рейвенхиллом... знал его с детства. Он заставил Рейвенхилла и меня пообещать...

Она вздохнула, словно уплывая на волнах воспоминаний.

— Что пообещать? — спросил Закери, внимательно глядя на ее губы. — Что он заставил вас пообещать?

— Не важно, — пробормотала Холли. — Я ответила «да», я была готова на все, лишь бы он успокоился. Я просила у него подарить мне последний поцелуй. О, это был... сладчайший

поцелуй... хотя он был слишком слаб, чтобы обнять меня. Потом дыхание его изменилось... врач сказал, что началась агония. Я держала Джорджа в объятиях и чувствовала, как жизнь уходит из него... держала, пока не поняла, что он холодеет.

Закери снял руку с ее затылка и заботливо натянул простыню ей на плечи.

— Мне очень жаль, — прошептал он.

— Потом я на него рассердилась, — призналась Холли, как ребенок, вцепившись в его руку. — Я никогда об этом никому не рассказывала.

Он сидел не двигаясь и осторожно сжимал ее пальцы.

— Почему рассердились, милая?

— Потому что Джордж... совсем не боролся. Он просто ускользнул... принял это... как джентльмен. Ускользнул и бросил меня. Не в его натуре было бороться. Как можно было обвинять его за это? Но я обвиняла.

Уж он бы боролся, подумал Закери, крепко запомнив ее слова. Он бы с самим дьяволом бился, лишь бы остаться с Холли и Розой. Он бы выл и брыкался, прежде чем отдал такую драгоценность.

Слабая улыбка тронула ее губы:

— Теперь вы знаете... какая я дурная женщина.

Закери все еще склонялся над ней, глядя, как она погружается в сон. Самая хорошая женщина из всех, кого он знал в жизни. Теперь его переполняло только одно желание — как-то защитить ее, чтобы она никогда больше не узнала горя. Он пытался заглушить чувство, которое она вызывала в нем, — удивительной нежности, но чувство это все росло. Тяга найти в эту ночь утешение на стороне исчезла без следа. Ему хотелось одного — остаться здесь, в этой темной комнате, и охранять сон леди Холланд Тейлор, пока ей снится ее покойный муж.

Озабоченный Закери встал с постели. Подчиняясь порыву, он взял бессильную руку Холли и благоговейно поднес ее к губам. Он поцеловал ее пальцы, нежную впадину ее ладони. Ничто не могло сравниться с ощущением ее шелковистой кожи на его губах.

Осторожно положив ее руку на простыню, он бросил на Холли последний печальный взгляд и вышел. Приходилось уйти, хотя это был его собственный дом. Он задыхался; ему казалось, что он попал в ловушку, связан по рукам и ногам.

— Хозяин! — Мод ждала посреди коридора, с подозрением глядя на него.

— Где Роза? — коротко бросил Закери.

— Она в гостиной, играет с миссис и мисс Бронсон. — Мод на секунду запнулась. — Осмелюсь спросить, сэр, что вы делали столько времени в комнате леди Холланд?

— Я изнасиловал ее, пока она была без сознания, — с серьезным видом ответил он. — На это ушло немного больше времени, чем я предполагал.

— Мистер Бронсон! — с негодованием воскликнула горничная. — Как вы можете говорить такие вещи?!

— Успокойтесь, — сказал он, усмехнувшись. — Я просто побыл с леди Холли, пока она не уснула. Вы же знаете, что я скорее перережу себе горло, чем причину ей какой-нибудь вред.

Мод задумчиво посмотрела на него.

— Да, сэр, — кивнула она спустя мгновение, — кажется, я это понимаю.

Это замечание заставило Закери задуматься. Неужели его чувство к Холли так очевидно? Проклятие, злобно подумал он и бросился прочь, охваченный непреодолимым

желанием убежать.

В Лондоне есть клубы на любой вкус... клубы для джентльменов, интересующихся спортом, политикой, философией, спиртными напитками, карточной игрой или погоней за юбками. Есть клубы для богатых, для нуворишей, для интеллектуалов и для людей знатного происхождения. Закери приглашали стать членом клубов, где собирались коммерсанты, адвокаты и предприниматели. Но ему не захотелось вступать ни в один из них. Ему хотелось стать членом клуба, который не имел никакого желания принимать его. Такого изысканного и аристократического, что членами его становились только те, чьи деды некогда в него вступили. «Марлоу» был клубом, проникнуть в который он поставил себе целью.

В «Марлоу» стоило только щелкнуть пальцами — и тебе тут же подавали вино, блюдо с икрой или женщину, причем подавали так, будто считали это для себя счастьем. Всегда все было лучшего качества, продумано в деталях, но за пределами клуба не распространялись слухи о пристрастиях его членов. Снаружи клуб был ничем не примечателен. Он находился в самом конце Сент-Джеймс-стрит и терялся в ряду всевозможных фешенебельных заведений. Фасад был выполнен в классическом стиле — белый камень, штукатурка, фронтоны, симметрия — и не производил особого впечатления. Но вот внутри все было солидно, дорого, по-английски, каждая стена и потолок покрыты полированным красным деревом, полы — шикарными коврами с преобладанием малинового и коричневого цветов. Кожаная мебель была тяжелой и массивной, кованые лампы и канделябры отбрасывали мягкий свет. Словом, было предусмотрено все до мелочей, чтобы члены клуба и гости чувствовали себя удобно и комфортно.

«Марлоу» был Олимпом среди остальных клубов, и многие семьи поколение за поколением пытались проникнуть туда. Три года ушло у Закери, чтобы добиться этого. С помощью финансового нажима, взяток и прочих манипуляций ему удалось добиться приема в клуб, правда, лишь в качестве постоянного гостя, обладающего правом приходить и уходить, когда ему вздумается. Слишком многие аристократы зависели от него в финансовом отношении, чтобы открыто противостоять ему. Еще он скупил долговые обязательства нескольких безрассудно храбрых лордов и временами размахивал ими точно кнутом.

Закери с наслаждением показывал свою власть членам клуба, предоставляя им решать, что лучше — потерпеть крах или разрешить такому негодяю, как он, посещать их драгоценное заведение. Большинство неохотно проголосовало «за», но было ясно, что самое жгучее желание их всех — от него избавиться. Его это не волновало. Он находил извращенное удовольствие в том, чтобы развалиться в глубоком кожаном кресле и шелестеть газетой, как это делали прочие, грея ноги у огромного камина.

В этот вечер Закери с особенным злорадством досаждал им своим присутствием. «Здесь не обрадовались бы даже Джорджу Тейлору», — мрачно думал он. По правде говоря, Тейлорам, пожалуй, и в голову бы не пришло попытаться вступить в «Марлоу». Хотя кровь у них и была голубой, но, видно, в недостаточной степени, ну а денег уж точно не было. А вот Закери удалось это сделать, пусть даже он всего лишь постоянный гость. Теперь, когда он проделал сей нелегкий путь, он, возможно, немного облегчил какому-нибудь другому парню задачу вскарабкаться по этой лестнице следом за ним. Именно этого аристократы боялись больше всего — что в их ряды просочатся выскочки.

Пока Закери сидел перед камином и мрачно созерцал языки пламени, к нему подошла очередная волчья стая — двое молодых людей уселись рядом с ним, третий встал в наглой позе, уперев руку в бок. Закери взглянул на ближайшего и с трудом удержался от презрительной усмешки. Лорд Бут, граф Уоррингтон, надутый осел, единственным несомненным достоинством которого была выдающаяся родословная. После недавней смерти отца Уоррингтон унаследовал титул и имя, два красивых имения и кучу долгов, большая часть которых была результатом его бурной молодости. Очевидно, старый граф не смог ограничить колоссальные траты своего сына, пытавшегося из всех сил произвести впечатление на приятелей, явно не стоивших таких усилий. Теперь молодой Уоррингтон окружил себя кучкой франтов, постоянно подливавших масла в огонь его самодовольства, отчего его чувство превосходства расцвело пышным цветом.

— Уоррингтон. — Закери едва наклонил голову. По отношению к двум остальным, Тернеру и Энфильду, он не сделал и этого.

— Бронсон, — улыбнулся граф, крупный, хорошо сложенный молодой человек, с обманчивым дружелюбием, — какой приятный сюрприз! — Лицо его было если не красивым, то явно аристократическим. Он двигался с уверенностью человека, занимающегося спортом. — Вот уже не одну неделю клуб не удаивался ваших посещений, — продолжал молодой граф. — Полагаю, вы были очень заняты в связи с новыми э-э-э... обстоятельствами.

— О каких обстоятельствах вы говорите? — тихо осведомился Бронсон, хотя прекрасно понимал, в каком направлении развивается разговор.

— Как же, все в Лондоне знают о вашей новой *chère amie* ^[4], прелестной леди Холланд. Могу сделать вам комплимент по поводу столь замечательного — и довольно удивительного — проявления у вас хорошего вкуса. Поздравляю, мой счастливый друг.

— Поздравлений не требуется, — коротко бросил Закери. — Никаких близких отношений между мной и леди Холланд нет и не будет.

Уоррингтон поднял темные брови, словно услышал явную ложь.

— Эта так называемая леди живет под вашей крышей. Вы что, за дураков нас считаете?

— Под той же крышей, что моя мать и сестра, — все еще спокойным голосом заметил Закери, хотя внутри у него вспыхнул опасный огонь. — Чтобы давать наставления и советы моей семье.

Уоррингтон злобно рассмеялся, показав ряд длинных неровных зубов.

— О, знаю, какого рода эти наставления. Относительно того, по-видимому, что знатная леди предпочитает в постели?

Эта весьма дурного толка шутка вызвала усмешку у его приятелей.

Закери все так же сидел в кресле, спокойный с виду, хотя внутри бушевала ледяная ярость. В настоящий момент он сделал еще одно неприятное открытие: любого пренебрежительного замечания по адресу леди Холланд Тейлор достаточно, чтобы ему захотелось совершить убийство. Он знал, подписывая свой адский договор с Холли, что это вызовет слухи. Холли сама признала, что ее репутации нанесен определенный урон. Тогда это не особенно волновало Закери — он был слишком занят тем, чтобы добиться желаемого. Но сейчас он разволновался не на шутку.

— Возьмите ваше замечание обратно, — тихо попросил он. — И добавьте извинение, пока есть такая возможность.

Уоррингтон улыбнулся, явно довольный, что стрела попала в цель.

— А если я этого не сделаю?

— Я выбью его из вас, — ответил Бронсон с убийственной серьезностью.

— Боксерский матч? Превосходная мысль. — Очевидно, именно этого Уоррингтон и хотел с самого начала. — Если я вас поколочу, вы даёте слово оставить этот клуб немедленно и никогда больше здесь не появляться. А если победителем окажетесь вы, я возьму обратно свои слова и извинюсь.

— И ещё одно, — сказал Закери, глядя на верхнюю пуговицу его прекрасно сшитого фрака. Все пуговицы на фраке были крупные, золотые, с вырезанным семейным гербом. Но самую верхнюю пуговицу украшал сверкающий бриллиант, по меньшей мере в два карата. — Если я выиграю, я заберу эту бриллиантовую пуговицу.

— Что? — Уоррингтон опешил. — Чертовски странное требование. За каким дьяволом она вам понадобилась?

— Назовем это сувениром.

Граф покачал головой, словно заподозрив, что имеет дело с сумасшедшим.

— Прекрасно. Договоримся на завтрашнее утро?

— Нет. — Закери не собирался позволить этому фату и его друзьям раструбить о происшествии по всему Лондону и замарать честь леди Холли новой клеветой. Все должно быть улажено немедленно. Он встал, в предвкушении драки разминая кулаки. — Мы покончим с этим сейчас. В клубном подвале.

Это хладнокровное заявление, судя по всему, встревожило Уоррингтона.

— Я не могу так сразу, без всякой подготовки. Существует разница между состязанием, устроенным по всем правилам, и обычной уличной дракой, хотя вам таких нюансов не понять.

Бронсон улыбнулся:

— Я понимаю, вам хочется продемонстрировать свое боксерское искусство и выставить меня под зад коленом из клуба раз и навсегда. Вам предоставляется такая возможность, Уоррингтон. Но это произойдет здесь и сейчас.

— Хорошо, — согласился граф. — Я согласен на любое место и время. — Он обратился к одному из своих спутников:

— Энфильд, вы будете моим секундантом?

Его приятель тут же кивнул, явно польщенный, что к нему обратились с этим предложением.

Уоррингтон взглянул на своего второго спутника.

— Тернер, тогда, по-видимому, вы будете секундантом Бронсона.

Тернер, круглолицый молодой человек со слишком длинными рыжевато-каштановыми кудрями, нахмурился и сложил короткие руки на груди. Было ясно, что исполнять обязанность секунданта Бронсона, ободрять и помогать ему, не очень-то привлекало Тернера.

Закери понимающе усмехнулся:

— Не беспокойтесь, милорд. Я не нуждаюсь в секунданте.

И тут, к всеобщему удивлению, в разговор вступил ещё некто:

— Если позволите, Бронсон, я буду вашим секундантом.

Закери посмотрел туда, откуда донесся этот бесстрастный голос, и увидел человека, сидящего в угловом кресле. Отложив в сторону свежий номер «Таймс», незнакомец встал и подошел к ним. Он был высок, строен, белокур и изящен, — в общем, именно таков, каким

полагается быть аристократу. Закери задумчиво рассматривал его: кажется, они в «Марлоу» не встречались. Он был красив, даже царствен — с холодными серыми глазами, пшеничного цвета волосами и превосходно выточенным лицом. Сдержанная манера и взгляд, пронизательный и умный, вызвали в памяти изображение позолоченного ястреба.

— Уордон, лорд Блейк Рейвенхилл, — представился незнакомец, протягивая руку.

Закери протянул свою. Рукопожатие у лорда Блейка оказалось неожиданно сильное и крепкое. Звук его имени о чем-то напомнил Бронсону. Рейвенхилл, Рейвенхилл... это имя произнесла Холли всего несколько часов назад под воздействием опия, вспоминая мужа. Рейвенхиллом звали самого близкого друга Джорджа Тейлора. Он ли это? Почему он вызвался быть секундантом Закери? И что думает Рейвенхилл по поводу того, что горячо любимая жена Джорджа нанялась к такому плебею, как он, Закери? Его серебристо-серые глаза не выдавали никаких эмоций.

— Почему вы предлагаете мне свою помощь? — поинтересовался Закери.

— Это мое дело.

Закери рассматривал его еще мгновение, потом коротко кивнул:

— Ладно. Пойдемте.

Вслед странному шествию тихо шелестели газеты и поворачивались головы. Почуввав, что пахло скандалом, кое-кто не поленился встать и пойти в подвал, находившийся позади парадных комнат. Спускаясь по темной узкой лестнице, Закери уловил обрывки фраз, которыми шепотом обменивались Уоррингтон и его приятели.

— Глупо с вашей стороны было принимать вызов... огромный чертов ублюдок... — бормотал Тернер.

— ...ничего не понимает в технике и дисциплине... просто уличное животное, — последовал презрительный ответ Уоррингтона.

Закери улыбнулся с мрачным удовлетворением. Возможно, граф хорошо разбирается в технике и дисциплине. Возможно, он много лет тренировался. Но все это ничего не стоит по сравнению с опытом, который приобрел Закери, стоя на углу улицы и принимая вызов любого желающего. Сколько дней и ночей он дрался, борясь за каждый шиллинг и зная, что его матери и сестре нечего будет есть, если он проиграет. Бокс никогда не был для него развлечением... Только возможность выжить... Бокс — его образ жизни. А для Уоррингтона это всего-навсего спорт.

— Не следует его недооценивать, — слышался рядом тихий голос Рейвенхилла, как если бы мысли Закери каким-то образом стали ему известны. — У Уоррингтона сокрушительный удар и большая скорость, чем вы могли бы ожидать. Я дрался с ним несколько раз в Оксфорде, и дело всегда кончалось для меня нокаутом.

Они добрались до подвала, прохладного, тускло освещенного и затхлого. Грязный пол был сыроват, а каменные стены — зеленые и скользкие. Половину помещения заполняли бесконечные ряды полок с винными бутылками, но все же там оставалось еще достаточно места, где они могли бы развернуться.

Пока Бронсон и Уоррингтон снимали фраки и рубашки, секунданты обозначили границы ринга и провели в середине его две черты с промежутком в фут. Рейвенхилл быстро отдал дань традиции, оговаривая условия боя:

— Каждый раунд продолжается до тех пор, пока один из дерущихся не коснется чем-либо пола. Затем каждый возвращается в свой угол, отдыхает тридцать секунд, идет обратно и встает на стартовую черту. Тот, кто не может подняться, считается побежденным. — Он

перевел взгляд с застывшего лица Закери на решительное лицо Уоррингтона. — Я ничего не забыл, джентльмены?

— Забыли, — сказал Уоррингтон, бросив на Закери такой взгляд, словно ждет от него подвоха. — Никаких захватов.

Рейвенхилл ответил прежде, чем Закери успел заговорить:

— Захват головы и шеи совершенно законны, милорд.

— Да ладно, — равнодушно согласился Бронсон. — Я не буду применять захваты, если он этого опасается. — Он понимал, чего боится противник: что он, Закери, зажмет ему голову мертвой хваткой и попортит физиономию.

— Джентльменская уступка, мистер Бронсон, — заметил Рейвенхилл, специально, кажется, употребляя слово «джентльменский» по отношению к противнику Уоррингтона. — И значит, никаких бросков через спину.

Он протянул руки, чтобы взять у Закери рубашку, фрак, жилет и галстук, сложил одежду аккуратно, как камердинер, и водрузил все на полку рядом с бутылками.

Когда два голых по пояс человека повернулись друг к другу, Закери увидел, как глаза Уоррингтона расширились — он явно испугался.

— Иисусе, — не сумел удержаться от восклицания граф, — посмотрите на него! Да это же просто обезьяна!

Бронсон давно уже привык к подобной реакции. Он знал, как выглядит его тело, его торс с выпуклыми мышцами, кое-где покрытый рубцами, бугристые предплечья, бычья шея и грудь, густо поросшая черными волосами. Это было тело, созданное для бокса, для тяжелой работы в поле или на фабрике. Его противник же, напротив, был высок, худощав, белокож и в меру мускулист.

Впервые Рейвенхилл улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Кажется, Бронсона называли Мясником, — сообщил он Уоррингтону, а потом повернулся к Закери, вопросительно выгнув бровь. — Я не ошибся?

Но тот был не в настроении шутить и ограничился кивком.

Рейвенхилл снова посмотрел на графа и заговорил уже серьезнее:

— Я мог бы убедить мистера Бронсона отказаться от боя, милорд, если вы согласитесь взять назад свое замечание относительно леди Холланд.

Уоррингтон усмехнулся и покачал головой:

— Я не могу с уважением относиться к даме, проживающей под его крышей.

Рейвенхилл бросил на Закери взгляд, выражающий спокойное поощрение. Судя по всему, любые оскорбительные слова по отношению к Холли задевали его почти так же, как Закери. Отводя его в угол, Рейвенхилл пробормотал сквозь зубы:

— Оторвите ему голову ко всем чертям, Бронсон.

Закери спокойно подошел к стартовой черте и подождал, пока соперник сделает то же самое. Они повернулись лицом друг к другу и встали в традиционную боксерскую стойку.

Бой начал Уоррингтон резким ударом левой. Закери мгновенно отступил. Уоррингтон произвел еще несколько ударов левой, затем последовал апперкот правой. Хотя удар не достиг цели, приятели Уоррингтона радостно гикнули, одобряя его наступательные действия. Закери лишь отступал и защищался. Он позволил противнику установить темп и получил от него несколько ударов в грудь. Они пришлись по ребрам Закери, но он давно уже был нечувствителен к такой боли, слишком много лет его били и кулаками, и дубинками. Он, в свою очередь, нанес только несколько легких ударов, рассчитанных на то, чтобы

вызвать раздражение у противника и определить, на что он способен.

Наконец, когда покрытое потом лицо Уоррингтона озарилось торжествующей усмешкой, а Тернер и Энфильд вслух предвкушали победу, Закери использовал комбинацию из трех ударов, за которой последовал сильный прямой, угодивший Уоррингтону прямо в глаз.

Граф, явно не ожидавший такой мощи и темпа, отшатнулся. Затем ноги у него подкосились, и он рухнул на колени.

— Конец раунда, — раздался голос Рейвенхилла, и Закери пошел в свой угол. От напряжения он вспотел и нетерпеливо откинул влажные завитки волос, падающие ему на лоб. — Вот. — Рейвенхилл подал ему чистое полотенце, из тех, в которые заворачивали бутылки с вином, и Закери вытер лицо.

Уоррингтон тоже ушел в свой угол, и там Энфильд отер ему лицо и принялся давать советы.

— Не играйте с ним долго, — прошептал Рейвенхилл, улыбаясь, хотя его серые глаза по-прежнему были холодны. — Незачем затягивать это дело, Бронсон.

Закери отдал ему полотенце.

— Почему вы думаете, что я с ним играю?

— Ясно, что вы можете кончить бой, когда захотите. Будьте же джентльменом. Добейтесь своего и покончите с этим делом.

Тридцать секунд прошли, и Закери вернулся в центр импровизированного ринга, чтобы начать следующий раунд. Его раздражало, что Рейвенхилл видит его насквозь. Он действительно собирался затянуть бой, дразня и подавляя Уоррингтона своим превосходством. Он намеревался задать этому испорченному аристократу хорошую взбучку, от которой все его тело покрылось бы синяками и кровоподтеками. А Рейвенхилл хотел, чтобы он быстро закончил бой и позволил Уоррингтону удалиться, сохранив остатки гордости. Закери понимал, что последовать этому совету — значит поступить по-джентльменски. И это его страшно раздражало. Он не хотел быть джентльменом, он хотел быть беспощадным и камня на камне не оставить от тщеславия молодого графа.

Уоррингтон бросился на него с удвоенной силой, нанеся три апперкота, которые лишь отбросили голову Закери назад. Тот ответил двумя сильными ударами в ребра и резким хуком левой в голову. Уоррингтон откинулся назад и едва удержался на ногах. Отпрыгивая и сближаясь, они колотили друг друга до тех пор, пока Закери не нанес противнику мощный прямой удар в челюсть. Уоррингтон упал, затем с проклятиями попытался подняться.

Энфильд объявил об окончании раунда, и соперники разошлись по углам.

Бронсон вытер лицо влажным полотенцем. Завтра у него все будет болеть — подбитый Уоррингтоном левый глаз и пострадавший от апперкотов подбородок. Уоррингтон действительно неплохой боксер. Нужно отдать ему должное — в бою он активен и решителен. Но Закери не только превосходит его в силе — он более опытен, и удары его более эффективны.

— Хорошая работа, — спокойно констатировал Рейвенхилл.

Закери захотелось рявкнуть, что он не нуждается в его чертовых одобрениях. Равно, ему не нужны указания, как боксировать по-джентльменски. Но он сдержал свою ярость, подавил ее и загнал куда-то в живот, чтобы она медленно кипела там. В третьем раунде Закери выдержал залп суетливых ударов Уоррингтона, уже начавшего уставать. Уклонившись по крайней мере от половины его выпадов, Бронсон испытал знакомое

чувство: теперь он вел бой, в таком положении он мог оставаться часами, боксировать целый день, обходясь без отдыха. Поддержать, что ли, графа на ринге, пока он не упадет от усталости? Однако Закери перешел в наступление и провел комбинацию из пяти ударов. Противник упал.

Уоррингтон тряс головой в бесполезной попытке привести ее в порядок. Тернер и Энфильд крикнули ему, чтобы он вставал, но он выплюнул кровь и поднял руки.

— Не могу, — пробормотал он, — не могу.

Даже когда Энфильд подошел, чтобы поднять его и отвести в угол, Уоррингтон отказался.

Хотя Закери предпочел бы отделать его получше, но он был отчасти умиротворен, видя лицо Уоррингтона, покрытое ссадинами и кровоподтеками, и то, как он держится за ребра.

— Матч закончен, — прохрипел поверженный, с трудом разлепляя губы. — Я сдаюсь.

Прошли одна-две минуты, Уоррингтон собрался с силами и посмотрел прямо в глаза Закери.

— Приношу свои извинения леди Холланд, — сказал он, в то время как его приятели громко выражали недовольство и ворчали. — И беру назад все, что сказал о ней. — Он повернулся к Энфильду. — Отрежьте от моего фрака верхнюю пуговицу и отдайте Бронсону.

— Но зачем она ему? — изумился Энфильд.

— Мне наплевать, — коротко отозвался Уоррингтон. — Срежьте эту дурацкую шпуковину. — Снова повернувшись к победителю, он протянул руку. — Бронсон, у вас голова как наковальня. Я полагаю, что это делает вас подходящим обществом для всех нас.

Закери был удивлен, заметив в глазах противника проблеск дружелюбия. Он осторожно пожал разбитую в кровь руку графа. Рукопожатие означало, что Уоррингтон признает Закери за равного или по крайней мере обещает мириться с его присутствием в их клубе.

— У вас хороший правый, — ответил Закери грубовато. — Такой же был у меня, когда я выступал на ринге.

Уоррингтон с трудом улыбнулся, к своему удивлению, польщенный похвалой.

Вернувшись в угол, где его ждал Рейвенхилл, Закери вытерся полотенцем и оделся, с трудом застегнув рубашку и оставив жилет незастегнутым.

— Разрешите мне, — предложил его секундант, но Закери раздраженно покачал головой. Он терпеть не мог, когда к нему прикасались мужчины. Его это раздражало до такой степени, что он даже отказался от услуг камердинера.

Рейвенхилл кивнул и улыбнулся.

— Нрав кроткий, как у кабана, — заметил он своим бесстрастным голосом. — Каким же образом вам удалось склонить леди Холланд согласиться на это?

— Согласиться на что? — переспросил Закери, хотя прекрасно понимал, о чем речь.

— Робкая, нежная леди, которую я знавал три года назад, ни за что не согласилась бы работать у вас. Вы привели бы ее в ужас.

— Возможно, она изменилась, — холодно предположил Закери. — Или, может быть, вы знали ее не так хорошо, как полагали.

Он заметил неприязнь в почти прозрачных серых глазах собеседника, и его охватили противоречивые чувства. Торжество, потому что Холли действительно жила в его доме и ее жизнь была переплетена с его жизнью так, как никогда не была переплетена с жизнью этого знатного аристократа. И ревность, жгучая жалящая ревность, потому что этот человек знал Холли до того, как ее узнал Закери, и гораздо дольше. К тому же Холли с Рейвенхиллом,

очевидно, одинаково скроены — оба люди образованные и с хорошей родословной.

В последний раз отерев разбитое лицо полотенцем, Закери слегка улыбнулся этому красавцу аристократу.

— Примите мою благодарность, Рейвенхилл. С удовольствием возьму вас в секунданты, когда понадобится. — Они оценивающе посмотрели друг на друга — не враждебно, но и не сказать, чтобы приветливо. Конечно, Рейвенхиллу не нравится то, что случилось с Холли. Его милость оскорбляла одна только мысль о том, что жена его покойного друга нанялась к грубияну плебею. Плохо ваше дело, зло подумал Закери, чувствуя, как все собственнические инстинкты поднимаются со дна его души. Теперь она его, и ни Рейвенхилл, ни кто другой не сможет ничего с этим поделать, черт побери!

* * *

Прошли почти сутки после начала мигрени, и Холли наконец почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы встать с постели. Она ощущала слабость и легкое головокружение, как всегда бывало после таких приступов. Вечер только начался, в это время Бронсоны обычно собирались в гостиной и ждали, когда подадут ужин.

— Где Роза? — был первый вопрос Холли, когда Мод помогла ей сесть.

— Внизу с хозяином, его матерью и сестрой, — ответила Мод, подсовывая ей под спину подушку. — Пока вы спали, все они с ней нянчились, играли, кормили сладостями. Мистер Бронсон отказался от сегодняшней поездки в город и все утро катал ее по выгону на маленьком буром пони.

— Ах, ну к чему это! — всполошилась Холли. — Зачем же он пренебрег своими делами? Вовсе это не его забота — развлекать моего ребенка.

— Он настоял на этом, миледи. Мне тоже показалось это неудобным, и я попробовала сказать ему, что в этом нет нужды. Но ведь вы знаете, каким бывает хозяин, когда он что-то заберет в голову.

— Да. — Холли вздохнула и схватилась рукой за свой многострадальный лоб. — Ах, сколько забот я всем доставила...

— Ну-ну, миледи, не волнуйтесь, не то у вас снова начнется мигрень, — успокоила ее Мод. — Бронсоны очень рады, кажется, и Розе понравилось все это баловство и потакание. Послать за чем-нибудь съестным, миледи?

— Благодарю вас, но я, пожалуй, сойду вниз и поужинаю вместе со всеми. Я и так слишком долго провалялась в постели. К тому же мне нужно повидать Розу.

Холли приняла ванну и оделась с помощью горничной в мягкое платье из коричневого рубчатого шелка, отделанное маленьким кружевным воротничком. Поскольку после приступа мигрени к голове все еще страшно было прикоснуться, они с Мод уложили в кольцо ее длинные волосы и прикололи их на затылке двумя шпильками. Посмотревшись в зеркало, стоящее на туалетном столике, и оставшись не очень довольной увиденным, Холли тихонько пошла в гостиную.

Мод оказалась права: все Бронсоны были там. Хозяин дома сидел на ковре рядом с Розой, и оба сосредоточенно пытались составить головоломку из целой груды разрисованных деревянных кубиков. Элизабет что-то читала вслух. Пола, сидя в углу длинного дивана, с довольным видом пришивала оторвавшуюся оборку к Розину белому

передничку. Когда Холли вошла в комнату, все одновременно повернулись к ней.

Бледная и усталая, она могла лишь виновато улыбнуться:

— Добрый вечер.

— Мама! — воскликнула Роза. Просияв, она бросилась к матери и обхватила ее за ноги. — Тебе стало лучше!

— Да, милочка. — Холли ласково погладила дочь по темным кудрям. — Прошу прощения, что я так долго спала.

— Когда ты спала, я так хорошо провела время! — И Роза принялась рассказывать ей о том, как каталась утром на пони.

Пока Роза выкладывала матери все, что с ней произошло за день, Элизабет, ограничившаяся сочувственными восклицаниями, проводила Холли к диванчику. Пола же, несмотря на ее робкие протесты, укрыла ей колени вязаным покрывалом.

— Ах, миссис Бронсон, вы так добры! Право же, в этом нет нужды...

Женщины хлопотали вокруг нее, а Бронсон молча встал и поклонился. Почувствовав его темный внимательный взгляд, Холли нерешительно улыбнулась.

— Мистер Бронсон, я... — Тут она удивленно осеклась, увидев синяк у него под глазом и еще один — на подбородке. — Что у вас с лицом, сэр?

Роза опередила его, с гордостью излагая важное сообщение:

— Мама, мистер Бронсон снова получил хук левой. Он подрался. А вот это он принес мне. — Она вытянула из большого кармана своего передничка нитку с пуговицами и уселась Холли на колени, чтобы продемонстрировать новый экспонат своей коллекции.

Покачивая дочь, Холли внимательно рассматривала пуговицу. Она была сделана из огромного сверкающего бриллианта в золотой оправе. Холли с недоумением посмотрела на грустную Элизабет, на поджавшую губы Полу, а под конец — в загадочные черные глаза хозяина дома.

— Вам не следовало бы дарить Розе такие дорогие вещи, мистер Бронсон. Чья это пуговица? И почему вы подрались?

— У меня вышли разногласия кое с кем у нас в клубе.

— Из-за денег?.. Из-за женщины?..

Лицо Бронсона ничего не выражало, он равнодушно пожал плечами, словно это не имело никакого значения.

Холли по-прежнему не сводила с него глаз, размышляя, что бы это значило. В комнате воцарилось напряженное молчание. И вдруг ее осенило.

— Из-за меня? — прошептала она. Бронсон неторопливо снял нитку с рукава.

— Не совсем.

Внезапно Холли поняла, что уже разбирается, когда он лжет.

— Из-за меня, — уверенно повторила она. — Наверное, кто-то сказал что-нибудь неприятное, и вместо того, чтобы пропустить это замечание мимо ушей, вы вспылили. Ах, мистер Бронсон, как вы могли?

Закери нахмурился: он, по-видимому, ожидал более восторженной реакции.

— Неужели вы предпочли бы, чтобы я позволил какой-то накачавшейся сво... — Он осекся, заметив, что Роза внимательно прислушивается к разговору, и сбавил тон:

— накачавшейся дряни сплетничать по, вашему поводу? Ему необходимо было заткнуть рот, и я с удовольствием это сделал.

— Единственный способ правильно отреагировать на подобное замечание — это

проигнорировать его, — поспешно сказала Холли. — Вы поступили совершенно иначе, тем самым создав у кого-то впечатление, что в его словах была доля истины. Вам не следовало сражаться за мою честь. Вам следовало пренебрежительно улыбнуться при малейшем проявлении неуважения, показав, что в наших отношениях нет ничего недостойного.

— Но, миледи, из-за вас я стал бы драться с целым миром! — воскликнул Бронсон с таким видом, с каким всегда делал подобные неожиданные замечания, и таким легким насмешливым тоном, что ясно было: это — шутка.

Тут в разговор вмешалась Элизабет.

— Он всегда найдет причину, чтобы подраться. — Она насмешливо скривила губы. — Моему брату очень нравится пускать в ход кулаки — уж такой он дикарь.

— Что ж, придется его исправлять. — Холли укоризненно взглянула на засмеявшегося Бронсона.

Вошла горничная и сообщила, что ужин сейчас будет подан. Роза возбужденно подпрыгнула.

— Барашек с розмарином и картофель, — с удовольствием сообщила она, явно раздобыв эту информацию у кухарки. — Мое любимое блюдо! Давайте, Лиззи, поторопимся!

Элизабет рассмеялась, схватила девочку за руку и позволила увести себя из гостиной. Пола улыбнулась, отложила свою работу и пошла за ними. Холли не торопилась вставать, она пыталась подавить внезапную дурноту при мысли о баранине, отнюдь не казавшейся ей аппетитной. К несчастью, лекарство, снимающее мигрень и заставившее ее проспать целый день, имело побочные эффекты, одним из которых была почти полная потеря аппетита.

Она на мгновение закрыла глаза, а когда открыла, обнаружила, что Бронсон уже оказался рядом с ней.

— Вам плохо? — тихо спросил он, окинув встревоженным взглядом ее бледное лицо.

— Просто немного закружилась голова, — пробормотала она, пытаясь подняться. — Мне станет лучше, когда я поем.

— Позвольте, я помогу вам. — Его крепкая, сильная рука скользнула ей за спину, поддержала ее, и Холли охватило сладостное ощущение его близости. Похоже, после уроков танцев ее тело к этой близости стало привыкать. Теперь это ей казалось гораздо более естественным и приятным.

— Благодарю, — прошептала она, поднимая руку, чтобы поправить узел волос на затылке. Но пылкие объятия Розы привели ее прическу в беспорядок, и сейчас, к ужасу Холли, шпильки выскользнули из пучка и каскад каштановых локонов обрушился волной, почти доставая до пояса. — О Боже! — воскликнула она, смутившись: ведь такие вещи допустимы только в присутствии мужа. Она торопливо принялась подбирать рассыпавшиеся волосы. — Простите, — сказала она, зардевшись, — сейчас я приведу себя в порядок.

Бронсон хранил странное молчание. Торопясь исправить неловкость, она искоса взглянула на него. Ей показалось, что его дыхание стало глубже и чаще. Он поднял руки, протянул их к ее волосам, и поначалу она решила, что он пытается ей помочь. Но он осторожно обхватил своими длинными пальцами ее хрупкие запястья и развел их в стороны.

Изумившись, Холли посмотрела в его мрачное лицо:

— Ах, мистер Бронсон, прошу вас... пустите...

Он все еще держал ее, ласково и легко, и Холли беспомощно сжала пальцы, не поймав ничего, кроме воздуха.

Волосы струились по ее плечам и спине блестящими коричневыми волнами, и в свете

лампы темные пряди вспыхивали золотыми и рыжими бликами. Бронсон внимательно смотрел, как они повторяют очертания ее тела, как у холмиков грудей их поток распадается надвое.

Лицо Холли пылало от стыда, и она еще раз попыталась высвободиться. Внезапно он отпустил ее, и она смогла отступить на несколько шагов. Но он тут же последовал за ней.

Облизнув пересохшие губы, Холли пыталась найти любой повод, лишь бы прервать это опасное молчание.

— Мод сказала, — проговорила она непослушным голосом, — что вы заходили в мою комнату вчера вечером, после того как я приняла лекарство.

— Я беспокоился о вас.

— Как бы ни были хороши ваши намерения, вы поступили дурно. Я была не в состоянии принимать гостей. Я даже не помню, что вы у меня были и ч-что я говорила...

— Ничего. Вы спали.

— Ах... — Холли остановилась: ее плечо уперлось в стену, помешавшую ее дальнейшему отступлению. — За-кери, — прошептала она.

Она не хотела называть его по имени... она даже в мыслях никогда не называла его так... Собственная фамильярность потрясла ее, а может статься, и его тоже. Он на мгновение прикрыл веки, а когда они поднялись, оказалось, что глаза его полны ярким, горячим блеском.

— Я, похоже, не в себе. — Ее била дрожь. — Мое лекарство... оно все еще действует...

— Тс-с. — Бронсон поднял с ее плеча шелковистую прядь и ласково провел по ней пальцем. Движения его были медленными. Устремив взгляд на блестящий локон в своей руке, он поднес его к губам и поцеловал.

Колени у Холли подгибались, она едва стояла на ногах. Его жест, полный нежности и обожания, поразил ее и еще — та осторожность, с которой Бронсон опустил прядь обратно на плечо.

Потом он склонился к ней, почти касаясь. Она, насколько могла, отпрянула и тут же прерывисто вздохнула: он поймал ее в ловушку, распластав ладони на деревянной стенной панели по обеим сторонам от ее головы.

— Нас ждут, — еле вымолвила она.

Он словно не слышал. Сейчас он ее поцелует, подумала Холли, глубоко вдохнув его удивительный мужской запах. Пальцы ее судорожно сжимались, дрожа от желания притянуть к себе его темноволосую голову. Охваченная смятением, в сладостных муках она ждала, когда же его губы прикоснутся к ней, и мысленно молила: сделайте это, прошу вас...

— Мама! — Удивленный смешок Розы нарушил тишину, царившую в гостиной. Девочка вернулась посмотреть, почему они до сих пор не догнали остальных. — Что это вы тут делаете?

Холли показалось, что голос дочери доносится откуда-то издалека.

— М-милочка, у меня рассыпались волосы, и мистер Бронсон помог мне поправить прическу.

Роза наклонилась, подобрала шпильки и протянула их матери.

— Вот, пожалуйста, — весело сказала она.

Закери опустил руки и освободил Холли, хотя по-прежнему не сводил с нее взгляда. Глубоко вздохнув, не глядя на него, Холли отошла.

— Спасибо, Роза. — Она наклонилась и обняла дочь. — Ты всегда мне помогаешь.

— Поторопитесь, — попросила Роза, глядя, как ее мама скалывает волосы у себя на затылке. — Я проголодалась!

* * *

Обед прошел без всяких приключений, но Закери обнаружил, что его обычный чудовищный аппетит сошел на нет. Он сидел во главе стола, Холли же села довольно далеко от него. Призвав на помощь всю свою сообразительность, он старался вести легкий разговор, касаясь предметов нейтральных и безопасных, в то время как единственное, чего ему хотелось, — это снова остаться с ней наедине.

Черт бы ее побрал... каким-то образом ей удалось лишить его сна и аппетита. Не хотелось ему ни играть в карты, ни развлекаться с женщинами — все его желания сосредоточились на ней. Провести весь вечер, просто сидя подле нее в тихой гостиной, представлялось более заманчивым, чем провести ночь в самом роскошном лондонском борделе. При виде ее у него возникали самые похотливые фантазии, и он не мог взглянуть на ее руки, шею, губы, чтобы не прийти в возбуждение. Но она пробуждала в нем и другие мысли — картины тихой домашней жизни, над которыми некогда он так глумился.

Он тосковал по тем полным очарования вечерам, которые они проводили вдвоем, когда все остальные расходились по своим комнатам. Они болтали и пили вино, сидя у огня... Но сегодня Холли для этого, разумеется, слишком слаба. Сразу же после ужина она извинилась и поднялась к себе, едва взглянув на него.

После того как все ушли, Пола осталась сидеть за столом, попивая чай, Закери также сидел и пил темно-красный, почти черный портвейн. Он улыбнулся, с удовольствием посмотрев на свою матушку, — на ней было платье из синего шелка, сколотое у горла жемчужной брошью, которую он ей подарил в прошлом году на Рождество. Никогда в жизни не забудет он те старые, линялые платья, которые она носила когда-то, бесконечную работу, за которую бралась, чтобы прокормить двух своих детей. Она побывала швеей, прачкой, старьевщицей. Теперь он имеет возможность заботиться о ней и сделать так, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Он знал, что мать зачастую чувствует себя неловко, что она предпочла бы жить в маленьком загородном домике, где ей бы прислуживала только одна кухарка. Но ему хотелось, чтобы она жила как королева, и на меньшее он ни за что бы не согласился.

— Ты хочешь мне что-то сказать, матушка, — заметил он, взбалтывая портвейн в стакане, и искоса взглянул на Полу. — Вижу по твоему лицу. Думаешь прочесть мне очередную лекцию насчет драки?

— Я не о драке. — Пола обхватила чашку с чаем натруженными руками. В ее ласковых карих глазах читались любовь и желание предостеречь. — Ты хороший сын, Зак, хоть и характер у тебя необузданный. У тебя доброе сердце, и потому я молчала, когда ты водил компанию со шлюхами и прощелыгами и занимался такими вещами, о которых и сказать-то стыдно. Но кое о чем я не могу молчать, поэтому выслушай, пожалуйста, меня внимательно.

Он изобразил на лице насмешливую озабоченность и приготовился слушать.

— Я о леди Холли.

— Что? — изумился он.

Пола тяжело вздохнула.

— Зак, ты никогда не овладеешь этой женщиной. Тебе нужно выкинуть ее из головы, иначе она погибнет.

Закери с усилием рассмеялся. Пусть его мать не получила образования и воспитания, но она разумная женщина, и от ее слов нельзя просто отмахнуться.

— Я вовсе не собираюсь губить ее. Я никогда к ней не прикасался.

— Я достаточно тебя изучила, — настойчиво продолжала Пола. — Я вижу вас вместе. Можете скрывать это от всего мира, но скрыть от меня не удастся. Зак, это нехорошо. Вы такая же пара с ней, как... как осел с чистокровной лошастью.

— По-твоему, осел — это я, — сухо заметил Закери. — Хорошо, если уж на тебя напало вдруг такое разговорчивое настроение, скажи: почему ты раньше никогда не возражала, когда я заговаривал о женитьбе на девушке из знатной семьи?

— Можешь жениться хоть на какой аристократке, если тебе этого хочется. Но леди Холли — не для тебя.

— Что ты против нее имеешь?

Пола заговорила, тщательно подбирая слова:

— В тебе, во мне и даже в Лиззи есть что-то жесткое — и слава Богу, что оно есть. Только из-за этого мы выжили в Ист-Энде. Но леди Холли — сама мягкость. Если она снова выйдет замуж, ей нужен такой же мягкий человек. Настоящий джентльмен, вроде ее покойного мужа. Тебе никогда не стать таким. Мало ли вокруг знатных леди? Выбери одну из них и оставь в покое леди Холли.

— Она тебе не нравится? — спокойно спросил Закери.

— Не нравится? — удивилась Пола. — Конечно же, нравится. Я в жизни не видела такой доброй, деликатной дамы. Может, это единственная настоящая леди, которую я знаю. Наоборот, я завела этот разговор потому, что она мне очень нравится.

Воцарилась тишина, Закери молча допивал свой портвейн. Он знал, что слова его матери — правда. Его подмывало обсудить с ней этот предмет, но пришлось бы рассказать о таких вещах, в которых он не осмеливался признаться даже самому себе. Поэтому он ограничился коротким кивком, признававшим ее правоту.

— Ах, Зак, — сочувственно покачала головой Пола, — довольствуйся тем, чего можешь достичь. Неужели это невыполнимо?

— Боюсь, что да, — угрюмо ответил он.

— Такие, как ты, забравшиеся слишком высоко, наверное, как-то называются... но я не знаю как.

Закери улыбнулся, хотя на душе у него было тяжело.

— И я не знаю, матушка. Зато знаю, как назвать тебя.

— Как же? — с подозрением спросила она и погрозила ему пальцем.

Закери встал, подошел к ней и поцеловал ее в седеющую макушку.

— Ты мудрая, — прошептал он.

— Значит, ты учтешь мои советы и забудешь о леди Холли?

— Было бы глупо с моей стороны не сделать этого, верно?

— Это означает «да»? — не отставала Пола, но он засмеялся и вышел, не ответив ей.

После своего недомогания Холли стала замечать, что в доме происходят кое-какие перемены. Прежде всего изменилось поведение слуг. Еще совсем недавно они работали спустя рукава, совершенно не заботясь о нуждах дома и хозяев, но понемногу, судя по всему, они стали трудиться с удовольствием. Вероятно, Бронсоны по совету Холли наконец-то стали предъявлять к работе прислуги должные требования.

— Я понимаю, как вам трудно, миссис Бронсон, — сказала Холли как-то раз, когда горничные принесли чайный поднос, на котором находились кувшин с теплой водой, молочник с полупрозрачным молоком и печенье, жесткое как камень. — Но тем не менее вам следует все это вернуть. Совершенно естественно отказаться от несъедобной пищи.

— Они так много работают, — возразила Пола, которая уже начала расставлять все принесенное на столе. — Мне неловко затруднять их еще больше, смотрите, ведь ничего страшного.

— Это ужасно, — решительно заявила Холли.

— Отошлите вы, — умоляюще попросила Пола.

— Миссис Бронсон, вы должны научиться сами справляться с вашими слугами.

— Я не могу. — Тут Пола схватила Холли за руку и крепко сжала. — Я была старьевщицей, — прошептала она. — Ниже всякой судомойки, которая работает внизу на кухне. И все они это знают. Как же я могу им приказывать?

Холли задумчиво посмотрела на нее. Она вдруг поняла, почему эта женщина так робка со всеми, кроме членов своей семьи. Пола Бронсон так долго жила в бедности, что чувствовала себя недостойной того положения, в котором она теперь оказалась. Прекрасный дом, полный роскошных безделушек и ценнейших произведений искусства, элегантные туалеты, в которые она одевалась, обильные трапезы и дорогие вина — все это лишний раз напоминало Поле о ее убогой жизни в прошлом. Закери окружил свою семью таким богатством, какого Пола не могла себе и вообразить. Если Пола не изменится так, как изменилась ее жизнь, она никогда не обретет ни покоя, ни счастья.

— Вы больше не старьевщица, — с расстановкой произнесла Холли. — Вы состоятельная женщина. Вы мать мистера Закери Бронсона. Вы произвели на свет двух замечательных детей и вырастили их без чьей-либо помощи, и всякий, у кого голова на месте, может только восхищаться вами. — Она так же крепко сжала руку Полы. — Настаивайте, чтобы к вам относились с уважением, которого вы заслуживаете, — сказала она, глядя прямо во встревоженные карие глаза собеседницы. — В особенности требуйте этого от ваших слуг. Есть еще много вещей, которые мне хотелось бы обсудить с вами, но пока что... — Она замолчала, пытаясь отыскать крепкое словцо, которое подчеркнуло бы серьезность ее наставлений, — отошлите к чертям этот поднос!

Глаза у Полы стали круглыми, и она поднесла руку к губам, чтобы сдержать смешок.

— Леди Холли, я никогда не слышала, чтобы вы ругались!

Холли улыбнулась:

— Если я могу заставить себя выругаться, значит, вы можете позвонить и велеть горничной подать чай как полагается.

Пола решительно расправила плечи.

— Хорошо, я так и сделаю!

И она поспешила к звонку прежде, чем успела передумать.

Пытаясь наладить отношения между Бронсонами и слугами, Холли ввела в обиход короткие ежедневные встречи с миссис Берни, экономкой. Она настояла на том, чтобы Пола и Элизабет при этом присутствовали, хотя обеим не очень-то этого хотелось. Пола все еще мучительно робела перед миссис Берни, а Элизабет мало интересовалась такой прозой. Но тем не менее они должны этому научиться.

— Всякая леди обязана следить за тем, как у нее ведется хозяйство, — наставляла Холли мать и дочь. — Каждое утро вы должны встречаться с миссис Берни и обсуждать меню на весь день, решать, что именно должны сделать слуги — вытряхнуть ковры или начистить столовое серебро. Но самое важное — вам следует проверять все расходы по хозяйству, записывать траты и решать, что необходимо купить.

— Я думала, всем этим положено заниматься миссис Берни.

Элизабет явно не вдохновляло то, что такими скучными вещами нужно заниматься изо дня в день.

— Не миссис Берни, а вам, — повторила Холли. — И вам следует научиться так же, как вашей матушке, потому что когда-нибудь вам придется вести хозяйство в вашем собственном доме.

К удивлению дам Бронсон, их усилия вскоре были вознаграждены. Хотя Пола по-прежнему чувствовала себя неловко, отдавая приказания слугам, она кое-чему уже научилась, а вместе с умением росла и ее уверенность в себе.

А еще изменилось поведение хозяина дома; Мало-помалу Холли поняла, что Закери Бронсон больше не уходит из дому каждый вечер и не отправляется в Лондон кутить. Она не рискнула предположить, что он окончательно исправился, но, во всяком случае, он стал вести себя спокойнее, тише и не казался больше таким грубым и неотесанным. Не стало ни мрачных взглядов, ни провокационных разговоров, ни смущающих ее комплиментов, ни ситуаций, когда дело вот-вот перейдет к поцелуям. Во время занятий Бронсон держался серьезно и уважительно и усердно старался усвоить то, чему она его учила. На уроках танцев он тоже вел себя безупречно. К огорчению Холли, Бронсон, старающийся стать джентльменом, привлекал ее еще сильнее, чем Бронсон-гуляка. Теперь она увидела многое из того, что он скрывал за своей язвительной, циничной манерой, и восхищение ее все крепло.

Он любил помогать беднякам, причем не только денежными подачками. В отличие от других столь же стремительно разбогатевших людей Бронсон не забывал о своем происхождении. Он знал нужды и заботы рабочего люда и принимал меры, чтобы улучшить их жизнь. Пытаясь провести законопроект о сокращении рабочего дня до десяти часов, он несчетное количество раз встречался с политиками и щедро финансировал их любимые программы. Он запретил детский труд на своих фабриках и ввел для своих работников различные пособия, в том числе пенсии вдовам и старикам.

Другие работодатели сопротивлялись введению у себя подобных мер, утверждая, что им это не по средствам. Но состояние Бронсона росло фантастическими темпами, и это служило лучшим доказательством необходимости нововведений.

Бронсон в основном производил товары для простых людей, делая доступными для масс такие вещи, как мыло, кофе, сладости, ткани и столовая утварь. И тем не менее к нему гораздо чаще относились враждебно, чем одобряли. Аристократия жаловалась, что он пытается разрушить классовую иерархию и лишить их законной власти, и почти все не прочь

были увидеть Бронсона разорившимся.

Холли поняла: какой бы лоск ни навел на себя Бронсон, в высшем обществе он никогда не станет желанной персоной, в лучшем случае его будут терпеть. Она искренне огорчилась бы, если бы он женился на избалованной наследнице, которая ценила бы только его деньги, а его самого презирала. Если бы только нашлась энергичная девушка, сумевшая разделить его интересы, она бы поняла, какое сокровище ей досталось. Разумный и деятельный Бронсон многое мог бы предложить умной жене. И уж точно — им бы не было вместе скучно.

Не представить ли его своим незамужним сестрам, подумала Холли. Это была бы хорошая партия и, разумеется, для ее семьи выгодная в денежном отношении. Но, вообразив, как Бронсон ухаживает за одной из ее сестер, Холли почувствовала нечто, весьма напоминающее укол ревности. Кроме того, ее сестры, будучи созданиями неземными, не сумеют с ним справиться. Даже и сейчас время от времени случалось, что Бронсона заносило, и требовалось его хорошенько осадить.

К примеру, случай с платьями.

В тот день, когда Холли договорилась со своей портнихой, что привезет к ней Элизабет и Полу — заказать им несколько элегантных платьев, Бронсон отвел Холли в сторону и сделал ей очень странное предложение.

— Вам тоже следует сшить несколько новых платьев, — заявил он. — Мне надоело вечно видеть вас в полутрауре — сером, коричневом, лиловом... Никто больше этого от вас не требует. Закажите себе столько нарядов, сколько вам захочется. Я все оплачу.

Холли в изумлении уставилась на него.

— Вы не только осмеливаетесь обсуждать мою внешность, но к тому же еще и оскорбляете меня, предлагая оплатить мои туалеты?

— Я не считаю это оскорблением, — возразил он осторожно.

— Вы прекрасно знаете, что джентльмену не полагается покупать леди носильные вещи. Даже пару перчаток.

— Тогда я вычту необходимую сумму из вашего жалованья. — Бронсон подкупающе улыбнулся. — Женщина с такой внешностью, как у вас, должна носить красивые вещи. Мне бы хотелось увидеть вас в нефритово-зеленом или желтом. Или красном. — Кажется, эта идея воспламенила его воображение, так как он продолжал:

— Не могу представить себе лучшего зрелища, чем вы в красном платье.

Но лесть не смягчила Холли.

— Разумеется, я не стану заказывать себе новые платья и буду вам благодарна, если вы избавите меня от дальнейших разговоров на эту тему. Красное платье, вот уж право! Вы понимаете, что случилось бы с моей репутацией?

— Ваша репутация уже подпорчена, — заметил он. — И вы вполне можете расслабиться.

Похоже, ее негодование доставило ему истинное наслаждение.

— Вы, сэр... вы...

— Идти к черту? — с готовностью подсказал он.

Она с восторгом ухватила за эту идею.

— Да, идите к черту сию же минуту!

Как и следовало ожидать, Бронсон не обратил внимания на ее отказ и тайком заказал для нее несколько нарядов. Это было нетрудно, так как у портнихи была ее мерка и она

знала вкусы леди Тейлор.

В тот день, когда прибыли коробки с великолепными туалетами, Холли обнаружила, что треть их предназначена для нее. Она пришла в ужас. Бронсон заказал для нее столько же платьев, сколько для матери и сестры, а также приобрел подходящие перчатки, туфли и шляпы.

— Я ничего этого не стану носить, — заявила Холли, сердито глядя из-за целой горы коробок. — Вы зря потратились. Даже не могу описать, как вы меня разозлили! Я не возьму ни одной ленты или пуговицы из этих коробок, вам понятно?

Бронсон посмеялся и предложил тут же сжечь все это собственноручно, если это вернет ей хорошее настроение.

Холли подумала было отдать всю одежду сестрам, благо они были одного с ней роста и телосложения. Но поскольку они были незамужними девушками, им следовало носить в основном белый цвет. Эти же платья предназначались женщине, светской даме. Только уединившись, Холли позволила себе рассмотреть роскошные, прекрасно сшитые платья, так не похожие на ее вдовий траур и на те наряды, которые она носила, будучи женой Джорджа. Насыщенный цвет, покрой смелый и женственный и удивительно подходящий к ее фигуре.

Там было нефритово-зеленое платье из итальянского шелка с пышными рукавами и прелестными кружевными вставками. И наряд для прогулок из темно-розового муара, отороченный изящным белым кружевом. Утренний туалет в фиолетовую полоску с белыми сборчатыми рукавами и пышной юбкой и платье из желтого газа с рукавами и подолом, богато расшитыми розами.

Самым ужасным было вечернее платье из шелка, такой безупречной простоты и изящества, что у Холли защемило сердце: никто никогда не увидит ее в нем. Смелый вырез, гладкий, без всякой отделки, лиф, юбка, ниспадающая величественными волнами красного цвета, среднего между цветом спелого яблока и редкостного вина. Единственным украшением был пояс из красного бархата, отделанный шелковой каймой. Такой красоты Холли не видела никогда в жизни. Будь оно не такое яркое, ну, скажем, спокойного темно-синего цвета, она приняла бы подарок, послав ко всем чертям приличия. Но ведь Бронсон знал, что она ни за что не наденет платье такого цвета. И сделал он это с той же целью, с какой заказывал для нее пирожные: ему нравилось искушать ее, нравилось смотреть, как она отчаянно борется с собой.

Но на сей раз ему это не удастся. Холли не примерила ни единого наряда! Она велела Мод повесить все в гардероб, чтобы отдать их кому-нибудь потом, когда подвернется подходящий случай.

— Вот вам, мистер Бронсон, — пробормотала она, поворачивая ключ в замке платяного шкафа, ключ щелкнул. — Мне не всегда удастся устоять перед вашими адскими соблазнами, но на этот раз удалось!

* * *

Прошло почти четыре месяца с тех пор, как Холли поселилась в доме Бронсона. Пришла пора проверить результаты ее кропотливой преподавательской работы. Наконец настал вечер бала у Плимудов. На нем Элизабет должна быть представлена обществу. И Бронсон сможет продемонстрировать свету свой свежеприобретенный лоск. Холли переполняли

гордость и ожидание. Она надеялась, что в высшем обществе найдется немало людей, которые в этот вечер будут приятно удивлены Бронсонами.

По совету Холли Элизабет надела белое платье, отороченное оборками из бледно-розового газа. Пояс его украшала одна-единственная роза, а вторая была приколота к волосам. Все это создавало впечатление свежести и изящества, а гибкая фигура в сочетании с довольно высоким ростом придавала ее облику нечто царственное. Закери надарил сестре множество драгоценностей, но Холли, порывшись в куче бесценных бриллиантов, сапфиров и изумрудов, решила, что все это слишком тяжеловесно для юной девушки. Она выбрала жемчужину, висящую на изящной золотой цепочке.

— Это все, что требуется, — сказала Холли, застегивая цепочку на шее Элизабет. — Сочетание невинности и строгого вкуса. А экстравагантные драгоценности прибережем на то время, когда вы доживете до моих лет.

Элизабет посмотрела в зеркало, стоявшее на туалетном столике.

— Вы говорите так, словно вы дряхлая старуха, — засмеялась она. — А вы сегодня такая красивая!

— Благодарю вас, Лиззи. — Холли погладила свою ученицу по плечу, а потом обернулась к Поле. — Раз уж мы принялись обмениваться комплиментами, должна вам сказать, миссис Бронсон, что выглядите вы просто великолепно.

Пола, одетая в платье темно-зеленого цвета, украшенное блестящей бисерной вышивкой у шеи и на рукавах, напряженно улыбнулась. Очевидно, она с удовольствием занялась бы чем угодно, лишь бы не идти на официальный прием.

— Вряд ли я смогу вести себя как полагается, — мрачно предрекла Элизабет, все еще стоя перед зеркалом. — Я непременно опозорюсь. Сделаю какой-нибудь ужасный faux pas [\[1\]](#), и все будут болтать об этом. Пожалуйста, леди Холли, давайте никуда не пойдем сегодня, сделаем все это как-нибудь в другой раз, когда я еще немного подучусь!

— Чем больше балов, приемов и вечеров вы посетите, тем быстрее научитесь вести себя как полагается, — твердо сказала Холли.

— Никто не пригласит меня танцевать. Все знают, что я — необразованное, неотесанное создание. Ах, черт бы побрал моего братца! Что он сотворил со мной! Я буду весь вечер подпирать стенку. На что я похожа в бальном платье? Мое дело — чистить картошку или подметать тротуары...

— Вы очень красивы. — Холли обняла Элизабет и посмотрела в зеркало на ее взволнованное прелестное лицо. — Вы красивы, Лиззи, у вас прекрасные манеры, и ваша семья очень богата. Поверьте мне, вы не будете подпирать стенку. И ни один мужчина, который увидит вас сегодня вечером, не подумает, что вам лучше заняться чисткой картофеля.

Потребовалось немало уговоров и настойчивости, чтобы заставить дам Бронсон выйти из комнаты и спуститься по парадной лестнице. Холли с особенной гордостью смотрела на Элизабет, которая внешне казалась вполне спокойной, хотя волновалась безумно.

Закери ждал их в вестибюле. Его черные волосы блестели в ярком свете люстр. В мире нет человека, чью внешность не улучшил бы традиционный вечерний черно-белый наряд, но Закери Бронсону этот костюм шел чрезвычайно. Его фрак, крайне простой, был сшит по последней моде и необычайно шел Закери с его высоким ростом, широкими плечами и стройным станом. Узкий галстук и жилет смотрелись белыми как снег рядом с его смуглым, свежевыбритым лицом. Он выглядел настоящим джентльменом — весь, начиная с аккуратно

причесанных волос и кончая кончиками лакированных туфель из черной кожи. И все-таки было в нем что-то чересчур мужественное, первобытное... быть может, дерзкий блеск черных глаз или чуть вызывающая улыбка.

Сначала взгляд его устремился на Элизабет, и он улыбнулся с нежностью и гордостью.

— Ты здорово выглядишь, сестричка, — улыбнулся он, беря ее за руку и целуя в зардевшуюся щеку. — Никогда не видел тебя такой красивой. Когда ты будешь уходить с бала, за тобой потащится целая вереница разбитых сердец.

— Скорее вереница оттоптаных ног, — сухо отозвалась Элизабет. — Если, конечно, найдутся такие дураки, которые захотят со мной танцевать.

— Найдутся, — жестко сказал Закери и успокаивающе приобнял ее. Потом повернулся к матери, тоже отпустил ей какой-то комплимент и, наконец, посмотрел на Холли.

Они в совершенстве изучили, какие любезности следует говорить дамам, и Холли надеялась, что он скажет что-то вежливое по ее адресу. Джентльмен всегда обязан хоть как-то отметить внешность представительницы прекрасного пола, а Холли знала, что сегодня она хороша, как никогда. Она надела свое любимое платье из мерцающего светло-серого шелка, низкий вырез и короткие пышные рукава которого украшала вышивка бисером. Рукава были набиты легкими перьями, что увеличивало их объем, а туго накрахмаленные нижние юбки подчеркивали пышность бедер. Холли даже надела корсет, эффектно приподнимавший ее грудь. Мод помогла ей причесаться по последней моде, разделив волосы посередине пробором и зачесав всю их тяжелую массу назад. Блестящие каштановые локоны были уложены валиками, а несколько прядей свободно падали на шею.

Слегка улыбаясь, Холли смотрела в ничего не выражающее лицо Бронсона, а он тем временем оглядывал ее с головы до пят. Но ожидаемый ею комплимент так и не прозвучал.

— И в этом виде вы пойдете на бал? — хмуро спросил он.

— Зак! — укоризненно и испуганно ахнула его мать, а Элизабет резко толкнула его в бок.

Холли в недоумении свела брови: она была ужасно разочарована. Грубый, невоспитанный мужлан! Никогда еще не доводилось ей слышать от мужчины такого уничижительного отзыва о своей внешности. Она всегда гордилась своим чувством стиля — так как же он посмел намекнуть, что она одета неподходящим образом!

— Вот именно, — холодно ответствовала Холли. — И это называется бальное платье, мистер Бронсон. В нем я и пойду на бал.

Их взгляды скрестились, они долго с вызовом смотрели друг на друга, так явно забыв об остальных, что Пола увела Элизабет подальше от них под предлогом, что обнаружила у себя на перчатке пятно. Холли их ухода даже не заметила. Она спросила прерывающимся голосом, который выдавал ее чувства:

— Что же в моей внешности вызывает у вас возражения, мистер Бронсон?

— Ничего, — ответил он. — Если вам хочется показать всему свету, что вы все еще носите траур по Джорджу, этот наряд — как раз то, что нужно.

Оскорбленная и уязвленная, Холли сердито взглянула на него:

— Мое платье прекрасно подходит для данного случая. Единственный его недостаток — что оно не из подаренных вами! Вы что же, на самом деле думали, будто я надену какое-то из них?

— Я на это надеялся, учитывая, что выбирать вам было не из чего. Либо траур — или как там его, полутраур, — либо то, что я купил.

Они никогда еще не ссорились так серьезно, но теперь в Холли вспыхнул гнев. Что бы они ни обсуждали раньше, они всегда приправляли свои слова юмором, но на этот раз Холли по-настоящему разозлилась на Бронсона. Джордж никогда не стал бы говорить с ней так грубо, резко... Джордж если критиковал ее, то очень осторожно и всегда с самыми лучшими намерениями. И хотя в ней пылало негодование, она все же не переставала удивляться, чего это ради она сравнивает Бронсона с мужем и как получилось, что его мнение так для нее важно.

— Это не траурное платье, — раздраженно возразила она. — Можно подумать, что вы никогда раньше не видели дам в сером. Наверное, вы слишком много времени проводили в борделях и не заметили, как одеваются порядочные женщины.

— Называйте это как хотите, — промолвил Бронсон, голос его был тих, но решителен. — Я в состоянии распознать траур, когда он у меня перед глазами.

— Ну что ж, если я решу носить траур еще пятьдесят лет, это мое дело, а не ваше!

Он небрежно пожал плечами, зная, что это еще сильнее ее разозлит.

— Без сомнения, многие одобряют, что вы одеты, точно ворона...

— Ворона!.. — задохнулась от возмущения Холли.

— ...но я никогда не принадлежал к тем, кто восхищается выставленным напоказ горем. По моему мнению, истинное достоинство требует хранить свои чувства в себе. Но если вам так необходимо сочувствие других...

— Вы невыносимы! — прошипела она. Холли не помнила, чтобы ей случалось когда-либо до такой степени разозлиться. Как он смеет предполагать, что она носит траур только для того, чтобы вызвать сочувствие окружающих? Как он смеет намекать, что ее горе неискренне? От негодования кровь бросилась ей в лицо, и оно стало густо-розовым. Ей хотелось ударить его, сделать ему больно, но ее негодование по какой-то необъяснимой причине доставляло ему удовольствие. Ошибиться было невозможно — в его глазах выражалось холодное удовлетворение. Всего несколько минут назад его джентльменский вид вызывал у нее такую гордость, а теперь она ненавидела его.

— Откуда вам знать о трауре? — Голос ее дрожал, глаза были опущены. — Вы никогда никого не любили так, как я любила Джорджа, — вам несвойственно отдавать свое сердце. Наверное, вы считаете, что эта черствость возвышает вас над остальными. Но мне вас жаль.

И будучи не в состоянии выносить его общество ни минутой дольше, она бросилась прочь, и ее крахмальные юбки бились о ноги. Не отвечая на обеспокоенные вопросы Полы и Элизабет, она взбежала вверх по лестнице с такой быстротой, с какой только могла, а легкие у нее работали, как кузнечные мехи.

* * *

Закери стоял там, где она его оставила, потеряв дар речи. Ссора разгорелась из ничего. Он не намеревался начинать ее, он даже успел с удовольствием отметить, как хороша сегодня Холли... пока не понял, что на ней платье серого цвета. Серое подобно тени, постоянно отбрасываемой памятью о ее любимом Джордже. Закери сразу же понял, что весь предстоящий вечер Холли посвятит сожалениям об отсутствующем муже. А Закери, черт побери, все это время должен пытаться отвоевать ее у призрака Джорджа? Серебристо-серое платье, как бы ни было оно красиво, подействовало на него, точно красная тряпка на быка.

Почему он не может провести с ней хоть один вечер, чтобы ее горе не было вбито между ними, как клин?

И поэтому он говорил небрежно, пожалуй, даже жестоко, слишком поглощенный собственным раздражением и разочарованием, чтобы думать о ней.

— Что ты ей сказал? — спросила Пола.

— Поздравляю, — раздался язвительный голос Элизабет. — Только ты умеешь испортить всем вечер за какие-то тридцать секунд!

Слуги, которые оказались свидетелями этой сцены, вдруг бросились исполнять какие-то бессмысленные срочные дела, которые сами же и придумали, не желая пасть жертвой его дурного настроения. Но злость Закери уже улеглась. Как только Холли ушла, его охватила тоска. Он попытался понять причину этого чувства. Почему-то сейчас ему было хуже, чем после самого серьезного поражения на ринге. Где-то внутри у него появился огромный кусок льда, холод от которого распространялся по всему телу. Он вдруг испугался, что теперь Холли возненавидит его, что она больше не будет ему улыбаться и не позволит к себе прикоснуться.

— Я поднимусь к ней, — предложила Пола успокаивающе. — Но сначала скажи, что вы наговорили друг другу...

— Не нужно, — тихо прервал он мать и поднял руку в протестующем жесте. — Я сам пойду к ней. И скажу ей... — Закери замолчал, осознав, что впервые в жизни ему стыдно посмотреть в лицо женщине. — Проклятие! — в ярости проворчал он. Его никогда не заботило чужое мнение, а теперь он был до смерти напуган недовольством какой-то маленькой женщины. Лучше бы Холли выругалась, швырнула в него чем-нибудь, дала ему пощечину. Это он пережил бы. Но спокойное презрение в ее голосе сокрушило его. — Просто я хочу дать ей пару минут, чтобы остыть.

— У леди Хрлли был такой вид, — едко заметила Элизабет, — что понадобится самое меньшее два-три дня, прежде чем она сможет тебя видеть без отвращения.

Закери не успел найти достойный ответ, как Пола взяла расстроенную дочь за руку и потащила ее в гостиную.

— Пошли, Лиззи... выпьем по бокалу вина, чтобы успокоиться. Видит Бог, это нам обоим необходимо.

Вздыхнув, Элизабет пошла за ней, топая в своих бальных туфлях со всей грацией, присущей разъяренной восьмилетней девочке. В другой момент Закери непременно отпустил бы по этому поводу какую-нибудь шутку, но сейчас ему было не до того. Он пошел в библиотеку, чтобы выпить. Остановился у буфета, налил себе что-то... Опрокинул бокал, даже не ощутив вкуса, налил второй... Но алкоголь не помог. В голове у него проносились целые потоки слов, он пытался найти такое, которое сразу бы все исправило. Он мог сказать Холли что угодно, только не правду. Не мог открыть ей, что ревнует к Джорджу Тейлору, что ему хочется, чтобы она перестала оплакивать своего мужа и посвятила свою дальнейшую жизнь чему-нибудь более интересному, чем его память. С тяжелым вздохом поставив бокал, Закери заставил себя выйти из библиотеки. Он направился вверх по парадной лестнице к апартаментам Холли, и ему казалось, что у его туфель подошвы сделаны из свинца.

Холли так не терпелось добраться до своей спальни, что она чуть не споткнулась о порог. Помня о том, что через две комнаты отсюда мирно спит Роза, Холли постаралась, несмотря на обуревавшие ее чувства, не хлопнуть дверью. В голове звенели слова, произнесенные ею и Закери Бронсоном.

Хуже всего, что в какой-то степени он был прав. Серое платье казалось ей весьма подходящим для данного вечера, и именно по той причине, которую он предполагал. Оно было модным и элегантным, но не очень отличалось от тех скромных нарядов, которые она носила в послетраурный период. Никто не усмотрел бы в нем ничего дурного, даже ее собственная бдительная совесть. Холли в общем-то было страшновато возвращаться в общество без Джорджа, и это был способ напомнить всем — и себе в том числе, — что когда-то они выезжали вместе. Ей не хотелось рвать последнюю ниточку, связывающую ее с прошлым. И так уж слишком много дней она почти не вспоминала о Джордже. И так уж слишком часто она ощущала пьянящее влечение к другому. А ведь когда-то она считала, что только Джордж в состоянии всколыхнуть ее чувства. Вдруг она научилась сама принимать решения, не подумав прежде о том, чего хотелось бы Джорджу и что он одобрил бы. И независимость эта пугала ее так же сильно, как и привлекала.

Раньше она была опекаемой всеми молодой дамой, добродетельной скромной вдовой, вызывающей одобрение и сочувствие окружающих. Ее поступки за последние четыре месяца доказали, что теперь она превращается в совершенно другую женщину.

Ошеломленная этой мыслью, Холли обратила внимание на присутствующую в комнате Мод, только когда та заговорила:

— Миледи, что-нибудь случилось? Пуговица оторвалась или тесьма...

— Нет, ничего такого. — Холли глубоко вдохнула один раз, потом второй, чтобы унять свои разгулявшиеся эмоции. — Судя по всему, мое серое платье не понравилось мистеру Бронсону, — сообщила она горничной. — Он хочет, чтобы я надела что-нибудь более яркое и не похожее на траур.

— Он посмел... — изумилась Мод.

— Да, он посмел, — сухо подтвердила Холли. — Но, миледи... вы ведь не послушаетесь его, да?

Холли стянула перчатки, швырнула их на пол, сбросила серебряные туфельки. Сердце ее все еще гулко билось, негодование не утихло, при этом она чувствовала удивительную решительность, которой, пожалуй, никогда еще не испытывала. — Я сделаю так, что у него глаза на лоб полезут, — приговаривала она. — Он у меня еще пожалеет, что заговорил об этом.

Мод бросила на нее странный взгляд: уж слишком явным было на лице ее хозяйки выражение сугубо женской мстительности.

— Миледи, — осторожно начала горничная, — вы как будто малость не в себе.

Холли повернулась и направилась к запертому гардеробу. Открыв дверцу, она достала красное платье и энергично встряхнула его.

— Быстрее, Мод, — поторопила она горничную, поворачиваясь к ней спиной. — Помогите мне быстрее расстегнуть это.

— Но... но... — Мод была ошеломлена. — Вы хотите надеть это платье? Я не успела его разгладить...

— По-моему, оно в прекрасном состоянии. — Холли подняла руки, и красные шелковые волны потекли вниз. — Но даже если бы оно было совершенно мятым, я бы все равно его

надела!

Покорившись неизбежности, хотя явно не одобряя ее, Мод вздохнула и принялась расстегивать серое платье. Когда стало ясно, что строгая белая сорочка будет видна в низком вырезе красного лифа, Холли стянула ее.

— Вы будете без сорочки? — опешила Мод.

Хотя горничная всегда присутствовала при ее одевании, Холли вспыхнула так, что даже ее нагие груди порозовели.

— У меня нет сорочек с таким низким вырезом. — Она принялась надевать красное платье, и Мод поспешно бросилась ей на помощь.

Все пуговицы были наконец застегнуты, красный бархатный пояс аккуратно повязан вокруг талии, и Холли подошла к трехстворчатому зеркалу, что давало возможность оглядеть себя со всех сторон. Увидев себя, Холли вздрогнула. Красное казалось поразительно ярким по сравнению с ее белой кожей. Для Джорджа она никогда не одевалась так смело: этот фасон приоткрывал белоснежные холмики груди и целую треть спины. Юбки плавно перетекали волнами при каждом шаге, от каждого вдоха. Она показалась себе очень уязвимой и выставленной напоказ и в то же время странно легкой и свободной. Именно такого рода наряды носила она в своих тайных фантазиях, когда стремилась убежать от скуки повседневной жизни.

— Когда я была на балу в последний раз, — заметила она, изучая свое отражение, — я видела леди, одетых в гораздо более смелые туалеты. У некоторых спина была почти совсем открыта. По сравнению с ними это кажется чуть ли не скромным.

— Дело не фасоне, миледи, — отозвалась Мод решительно. — Дело в цвете.

Все еще разглядывая себя в зеркало, Холли поняла: платье столь эффектно, что никаких украшений к нему не нужно. Она сняла все драгоценности: бриллиантовый браслет, подаренный Джорджем в честь рождения Розы, сверкающие серьги — свадебный подарок родителей, и блестящие заколки, украшавшие зачесанные кверху волосы. Все, кроме обручального кольца.

— Наверху, в гостиной, стоит букет, — сказала она. — В нем есть свежие красные розы. Будьте добры, Мод, принесите мне одну.

— Миледи, — сказала Мод, помолчав, — я вас не узнаю.

Улыбка Холли дрогнула.

— Это плохо или хорошо, Мод? Что сказал бы мой муж, если бы увидел меня такой?

— Я думаю, вы понравились бы супругу в этом красном платье, — задумчиво ответила Мод. — Он ведь все же был мужчина.

Подойдя к дверям Холли, Закери осторожно постучал. Изнутри не донеслось ни звука. Вздохнув, он подумал, не ушла ли она спать. Вполне возможно, сегодня она не пожелает его видеть. Он молча выругал себя за то, что не сумел придержать свой дурацкий язык. Он не был дамским угодником, но умел обращаться с женщинами и вполне мог бы догадаться, как отреагирует дама на подобное замечание. Теперь она, может быть, плачет где-нибудь в уголке, оскорбленная и негодующая, и вовсе уже не хочет ни на какой бал...

Закери хотел было постучать еще раз, но тут дверь тихо отворилась, и рука его повисла в воздухе. В дверях стояла Холли, одетая в платье, которое казалось сшитым из пламени.

Чтобы не упасть, Закери схватился за дверной косяк. Он окинул ее жадным взглядом, всю, целиком, не упустив ни одной подробности: и ее белые груди, приподнятые красным шелковым лифом... и изящный выступ ключиц... и мягкие очертания шеи, такие соблазнительные, что у него просто слюнки потекли. Потрясающе простое красное платье было элегантным и в то же время вызывающим. Он никогда не видел такой красивой женщины, и в нем мгновенно вспыхнула безудержная страсть.

Он внимательно посмотрел в ее карие бархатные глаза. Впервые он не понимал ее настроения. Она выглядела приветливой, крайне соблазнительной, но, когда она заговорила, голос ее звучал прохладно:

— А это вам нравится, мистер Бронсон?

Говорить Закери не мог и ограничился кивком. Она все еще сердится на него. Зачем она надела красное платье? Загадка! Может быть, решила его таким образом наказать? Он хотел ее сильно, до боли, и эта боль отдавалась во всем теле... Он жаждал прикоснуться к ней, к ее нежной коже, губами, пальцами, зарыться в маленькое ущелье между ее грудями. Если бы он мог прямо сейчас уложить ее в постель! Если бы только она позволила ему обожать ее, угождать ей так, как ему хотелось!

Холли окинула его по-женски оценивающим взглядом.

— Войдите, прошу вас. — Она сделала царственный жест. — Волосы у вас растрепаны. Надо привести их в порядок, прежде чем мы пойдем.

Закери подчинился и медленно вошел. Она еще никогда не приглашала его к себе — он знал, что это не положено, неприлично, но в этот вечер все почему-то происходило шиворот-навыворот. Войдя вслед за ней в благоухающую духами комнату, он вдруг настолько пришел в себя, что вспомнил об извинениях.

— Леди Холли, — начал он хрипловато. Потом откашлялся и начал снова:

— То, что я сказал вам внизу... я не должен был... очень сожалею...

— Воистину вы должны сожалеть об этом, — заверила его Холли. Голос у нее был язвительный, но уже не негодующий. — Вы вели себя дерзко и самонадеянно. Хотя, если подумать, что в том удивительного?

При обычных обстоятельствах Закери ответил бы на подобный выговор с игривой находчивостью. Однако теперь он только молча кивнул. Шелест ее шелковых юбок волновал его, наполняя голову опьяняющим туманом.

— Сядьте вот здесь, пожалуйста. — Холли указала на стульчик, стоящий перед туалетным столиком, и взяла в руку щетку в серебряной оправе. — Если вы будете стоять, я до вас не достану.

Он подчинился. Вращающийся стульчик под его тяжестью покачнулся и заскрипел. К несчастью, его глаза оказались прямо на уровне ее груди. Он зажмурился, чтобы не смотреть на эти пышные белоснежные полукружия над алым шелком, но они все равно стояли перед глазами. Так просто — протянуть руку и коснуться, и спрятать лицо между этими нежными холмами. Его прошиб пот. Он был в лихорадке, он пылал от страсти. Когда она заговорила, сладостные звуки ее голоса окончательно повергли его в мир грез.

— Я также кое о чем сожалею, — спокойно призналась Холли. — Я обвинила вас в том... что вы не можете любить... я была не права. Я сказала так только потому, что была расстроена. Ничуть не сомневаюсь, что когда-нибудь вы действительно отдадите кому-то свое сердце, но теряюсь в догадках — какой окажется эта женщина.

«Вам, — подумал он, и на душе у него стало тоскливо. — Вам». Неужели она этого не видит? Или полагает, что она всего-навсего случайная мишень его похоти и значит для него не больше, чем любая другая?

В наступившей тишине Закери открыл глаза и увидел, что Холли взяла стеклянный пузырек и вылила себе на ладонь несколько капель какой-то прозрачной жидкости.

— Что это такое? — спросил он.

— Помада.

— Я не люблю помаду.

— Я знаю. — Было ясно, что она забавляется. Она потерла ладони так, что даже пальцы ее оказались в помаде. — Я напому вас совсем немного. Но нельзя идти на бал с волосами, падающими на лоб.

Он безропотно подчинился. Влажные пальцы коснулись его волос, осторожно погладили его горячую кожу, втирая жидкость в непокорные черные завитки.

— В вашей семье у всех одинаковые волосы, — заметила Холли, и по голосу было слышно, что она улыбается. — Они совершенно не слушаются. Нам пришлось истратить две коробки шпилек, чтобы справиться с кудрями Элизабет.

Отдавшись наслаждению, напряженный как пружина, Закери не мог отвечать. Какая сладкая пытка — ощущать легкое касание ее пальцев. Она аккуратно отвела ему волосы со лба и зачесала назад.

— Вот, — сказала Холли удовлетворенно. — Настоящий джентльмен.

— Вы когда-нибудь делали это для него? — услышал Закери свой хриплый голос. — Для Джорджа?

Холли замерла. Когда их взгляды встретились, в ее приветливых карих глазах он прочел удивление. Потом она улыбнулась:

— Нет. Вряд ли у Джорджа когда-нибудь хоть один волосок лежал не на месте.

«Разумеется, — подумал Закери. — Среди прочих достоинств Джорджа Тейлора у него еще и волосы были джентльменские». Он встал и стал ждать, пока Холли смоет с рук остатки помады и наденет длинные, ослепительно белые перчатки. А локти у нее были такие красивые, округлы — так и хотелось их ущипнуть!

Интересно, позволяют ли себе это женатые мужчины, когда им разрешают присутствовать при последних приготовлениях жен к балу? Картина, промелькнувшая у него в голове, показалась ему уютной и наполненной особым тихим очарованием, и он ощутил тоскливую пустоту.

Вдруг он услышал чей-то изумленный возглас. Устремив взгляд к двери, Закери увидел Мод, голубые глаза которой расширились от удивления. Пышная красная роза выпала из ее

руки и упала на ковер.

— О-о... Я не...

— Войдите, Мод, — спокойно произнесла Холли, словно присутствие Закери в ее комнате было самым обычным делом.

Придя в себя, горничная подняла с пола розу и подала ее своей госпоже. Они немного посоветовались, а потом девушка ловко приколола благоухающий цветок к блестящим темным локонам Холли. Холли посмотрела в зеркало, осталась довольна результатом и снова повернулась к Закери.

— Пойдемте, мистер Бронсон?

Он вывел ее в коридор, чувствуя одновременно облегчение и сожаление. Он все еще боролся, чтобы обуздать свое бешеное желание, особенно когда ее рука в перчатке аккуратно легла на его руку, а проклятые шелковые юбки соблазнительно зашуршали. Она не была умелой искусительницей, и он прекрасно понимал, что ее любовный опыт весьма ограничен. Но он хотел ее больше, чем какую-либо женщину из всех встреченных им. Если бы это помогло, он купил бы для нее все богатства мира.

К несчастью, все было не так просто. Он никогда не мог бы предложить ей ту респектабельную жизнь, которой она заслуживает, такую, как была у нее с Джорджем. Если случится чудо и она согласится, он будет постоянно разочаровывать ее своим несовершенством, пока она в конце концов не возненавидит его. Она постигнет всю грубость его натуры и будет испытывать все большее и большее отвращение. Она начнет находить предлоги, чтобы не пускать его к себе в постель. Не важно, как хорошо мог бы начаться их союз, — кончится он катастрофой. Потому что — как справедливо заметила его матушка — нельзя случить чистокровную лошадь с ослом. Лучше оставить ее в покое и найти себе в пару что-нибудь более подходящее.

Если бы это было в его власти!

Остановив Холли на середине парадной лестницы, Закери спустился на две ступеньки и повернулся к ней. Теперь лица их оказались на одном уровне.

— Миледи, — серьезно начал он, — то, что я сказал о ваших траурных платьях... совершенно непозволительно. Я не имел никакого права делать подобные замечания. — Он замолчал, неловко, с трудом, сглотнул. — Я прощен?

Холли изучала его с улыбкой.

— Пока нет.

Взгляд ее был насмешлив, почти кокетлив, и Закери, внезапно охваченный восторгом, понял: ей нравится, что она взяла над ним верх. Она была так дерзка и так очаровательна, что потребовались все его силы, чтобы не заключить ее в объятия и не зацеловать до бесчувствия.

— Что же мне сделать, чтобы вы меня простили? — тихо спросил он. Они стояли так близко, лицом к лицу, и это было восхитительно.

— Я дам вам знать, когда что-нибудь придумаю, мистер Бронсон, — величественно произнесла Холли, спустилась на две ступеньки и снова взяла его под руку.

* * *

Холли удивило то пылкое внимание, с каким встретили ее протеже на балу у Плимутов.

Она была потрясена их успехом, и в особенности тем, что они вовсе не выделялись из толпы. Видимо, сказались ее наставления касательно поведения в свете, и на общество это произвело соответствующее впечатление.

— Этот мистер Бронсон, — случайно услышала Холли разговор двух титулованных вдовиц, — кажется, стал гораздо лучше. До этого вечера я не предполагала, что его манеры поспевают за его достижениями.

— Но вы, разумеется, не сочли бы его подходящей партией для вашей дочери? — последовал удивленный ответ собеседницы. — Все-таки он не из нашего круга...

— Отчего же? Сочла бы, — решительно ответила первая дама. — Очевидно, он вплотную занялся изучением хороших манер, и результаты его усилий налицо. Хотя происхождение этого человека оставляет желать лучшего, но к его состоянию претензий быть не может.

— Да уж, — согласилась вторая вдовица рассеянно. Обе они поверх своих вееров смотрели на стоявший в отдалении предмет их беседы, точно солдаты, выбирающие боевую цель. Бронсон смешался с толпой гостей, и Холли осталась в обществе Элизабет и Полы. Еще до начала танцев Элизабет представили по меньшей мере дюжину молодых людей, которые явно сочли ее ослепительной. Ее бальная карточка, лежащая в сумочке толщиной с бумажный лист, была бы уже заполнена, если бы Холли не предупредила ее, что нужно оставить несколько танцев про запас.

— Вдруг вам захочется отдохнуть, — пояснила Холли. — Или вы познакомитесь с джентльменом, с которым пожелаете потанцевать еще раз.

Элизабет послушно кивнула. Вид у нее был несколько ошеломленный. Огромная гостиная лорда и леди Плимут вмещала почти триста человек, а еще две сотни толпились в соседних комнатах и галереях. Этот дом называли дворцом ПлимUTOв, поскольку в середине его располагался очаровательный дворик, отделанный мрамором, с плодовыми деревьями и экзотическими цветами. Здание имело солидный возраст. Некогда оно служило крепостью, а постепенно в последнее столетие превратилось в комфортное и роскошное жилище. Гостиная освещалась люстрами и открытым огнем огромного мраморного камина. Потoki света сливались, чтобы отразиться в теплых, абрикосового цвета стальных панелях. Гости купались в этом сиянии, их драгоценности баснословной стоимости неистово сверкали. Вдовы и взволнованные молодые девушки сидели на позолоченных стульях, обитых узорчатыми шелковыми тканями, а молодые люди расположились группами у выцветших, но бесценных фламандских гобеленов.

Ноздри Холли приятно щекотал знакомый, ни с чем не сравнимый запах бала. В нем смешивались разные ароматы — преимущественно запах вымытого молоком и навощенного пола, запахи цветов, одеколонов, пота, помады и горящих свечей из пчелиного воска. На нее нахлынули воспоминания о прежних временах и о Джордже.

— Все это кажется просто нереальным, — прошептала Элизабет после того, как еще один джентльмен представился и заявил права на место в ее бальной карточке. — Здесь так красиво... и все так добры ко мне. Не могу поверить, что столько молодых людей жаждут наложить лапу на состояние Зака.

— Так вы считаете, что они хотят танцевать и флиртуют с вами только по этой причине? — Холли ласково улыбнулась. — Из-за денег вашего брата?

— Конечно.

— Кое-кто из подходивших к вам джентльменов отнюдь не стеснены в средствах, —

сообщила Холли. — Например, лорд Уолрич или этот славный мистер Баркхем. Оба они из весьма состоятельных семей.

— Тогда почему они пригласили меня танцевать? — пробормотала Элизабет в замешательстве.

— Наверное, потому, что вы красивая, умная и очаровательная, — предположила Холли и засмеялась, когда девушка недоверчиво усмехнулась.

К ним подошел еще один человек, на этот раз знакомый. То был родственник Холли, мистер Джейсон Соумерс, архитектор, который каждую неделю посещал дом Бронсонов, чтобы обсудить с заказчиком подробности строительства загородного дома. На этих встречах часто присутствовала Элизабет, весьма язвительно высказывавшая свое мнение по поводу работы Соумерса. Он неизменно отвечал ей с соответствующим сарказмом. Холли с любопытством и удовольствием наблюдала их стычки, подозревая, что за пререканиями скрывается взаимное влечение. Она задавалась вопросом, не пришел ли Бронсон к такому же выводу, но пока не заговаривала с ним об этом.

Хотя он, судя по всему, высоко ценил профессиональные качества Соумерса, он никоим образом не высказывал своего мнения насчет самого молодого архитектора. Был ли Джейсон Соумерс тем, кого Бронсон с радостью принял бы в зятья? Вряд ли. Джейсон балл красив, талантлив и из хорошей семьи. Но при этом он был человеком работающим и не обладал большим состоянием... во всяком случае, пока. Прежде чем он станет богат так, как того заслуживает человек с его дарованиями, потребуются время и множество хорошо оплачиваемых заказов.

Джейсон поклонился Холли, Поле и Элизабет, и взгляд его задержался на внезапно вспыхнувшем лице последней. Высокий, изящный, он был поразительно красив в своем черном фраке, и его каштановые волосы отливали коричневым и золотым в ярком свете люстр. Его живые зеленые глаза на этот раз не выдали его чувств, но Холли заметила появление слабого румянца на его скулах. Да, он явно увлечен. Холли бросила взгляд на Полу — заметила ли она? Пола в ответ слегка улыбнулась.

— Мисс Бронсон, — легким светским тоном обратился Джейсон к Элизабет, — хорошо ли вы проводите здесь время?

Элизабет поиграла в руках серебряной бальной карточкой и сделала вид, будто завязывает ленточку на запястье.

— Благодарю вас, мистер Соумерс, неплохо.

Не отводя глаз от склоненной головы Элизабет, от ее шелковистых темных, с трудом удерживаемых шпильками кудрей, Джейсон сказал небрежно:

— Я решил подойти к вам до того, как ваша бальная карточка заполнится до конца, или я уже опоздал?

— Хм-м... позвольте я посмотрю... — Элизабет откинула серебряную крышечку и перелистала крошечные странички, нарочно растягивая время.

Холли прикусила губу, сдерживая улыбку, — она-то знала, что девушка последовала ее совету и оставила свободное место.

— Я попробую для вас что-нибудь найти, — задумчиво сказала Элизабет. — Может быть, второй вальс?

— Значит, второй вальс, — кивнул Джейсон. — Любопытно узнать, превосходит ли ваше умение танцевать ваши познания в архитектуре.

Элизабет повернулась к Холли и округлила глаза, что означало недоумение.

— Можно ли считать это образчиком остроумия, миледи? — спросила она. — Или оно приберегается на потом?

— Полагаю, — ответила Холли, посмеиваясь, — мистер Соумерс пытается вас рассердить.

— Вот как. — Девушка снова повернулась к архитектору. — И что, этот метод нравится многим девушкам, мистер Соумерс?

— А я и не стараюсь понравиться многим, — сообщил он, — честно говоря — только одной.

Улыбаясь, Холли смотрела на Элизабет, напряженно размышлявшую о том, кто же эта единственная девушка.

Джейсон переключил внимание на Полу и спросил, не принести ли ей чего-нибудь. Та отказалась с робкой улыбкой, и молодой человек снова перевел взгляд на ее дочь.

— Мисс Бронсон, не могу ли я проводить вас в буфет выпить чашечку пунша, прежде чем начнутся танцы?

Элизабет кивнула и взяла его под руку. На шее у нее трогательно билась тоненькая голубая жилка.

Они ушли, и Холли подумала, что эти двое чрезвычайно подходят друг другу — красивые, высокие, стройные, оба с характером. Пожалуй, Джейсон, с его молодой энергией и самоуверенной мужественностью, вполне способен разбудить Элизабет. Ей нужно, чтобы за ней ухаживали, пытались очаровать и увлечь. Ей нужно, чтобы кто-то поборол ее неуверенность в том, что она достойна любви.

— Посмотрите на них, — шепнула Холли миссис Бронсон. — Красивая пара, верно? Пола ответила одновременно тревожным и полным надежд взглядом.

— Миледи, вы думаете, что такой знатный человек захочет жениться на девушке вроде Лиззи?

— Полагаю, что любой человек, обладающий здравым смыслом, захочет добиться внимания такой необычной девушки, как ваша дочь. А мой родственник вовсе не глуп.

Леди Плимут, приземистая, бодрая дама с цветущим румянцем, подошла к ним и восторженно воскликнула:

— Дорогая миссис Бронсон! — Она взяла руки Полы в свои пухлые ладошки и крепко сжала. — Мне очень жаль лишать леди Тейлор вашего общества, но просто необходимо на время вас похитить. Я хочу представить вам кое-кого из моих друзей, а потом нам непременно нужно побывать в буфете. Следует подкрепиться — ведь на таких приемах страшно устаешь.

— Леди Холланд. — Уже увлекаемая прочь Пола беспомощно оглянулась через плечо. — Вы не возражаете?..

— Ступайте, — улыбнулась Холли. — Я присмотрю за Элизабет, когда она вернется.

Она была очень благодарна леди Плимут, выполнившей свое обещание. Холли тайком попросила хозяйку дома познакомить Полу с некоторыми дамами, которые, как ей казалось, могли отнестись к ее протезе доброжелательно.

— Миссис Бронсон очень робка, — сообщила Холли леди Плимут, — но по натуре она очень славная и обладает здравым смыслом и добрыми намерениями. Если бы вы могли взять ее под свое крылышко и представить обществу...

Просьба, очевидно, тронула доброе сердце леди Плимут. К тому же пожилая дама была не прочь заручиться благодарностью такого человека, как Закери Бронсон, оказав

протекцию его матери.

Увидев, что Холли пребывает в одиночестве, по меньшей мере трое мужчин быстро направились к ней из разных концов зала. От ее внимания не укрылось, что в алом платье она привлекает гораздо больше внимания, чем когда-либо.

— Нет, благодарю, — повторяла она, осаждаемая просьбами протанцевать с ней тот или иной танец. И показывала свое обтянутое перчаткой запястье, на котором не было бальной карточки. — Сегодня я не танцую... очень благодарна за приглашение... весьма польщена, но...

Однако мужчины не отходили от нее, как бы твердо ни звучали ее отказы. Подошли еще двое, принесли чашечки с пуншем, чтобы она утолила жажду. Попытки заинтересовать ее все множились, джентльмены толкались локтями и оттирали друг друга, чтобы оказаться поближе к ней.

Сначала Холли удивилась, потом это стало ее тревожить. Никогда еще она не оказывалась в такой осаде. Когда была молоденькой девушкой в белоснежном платье, сопровождающие ее дамы тщательно дозировали ее общение с мужчинами, а став замужней дамой, она оказалась под защитой мужа. Похоже, ее появление в вызывающе красном туалете в сочетании со слухами и грязными сплетнями о ее пребывании в доме Бронсона вызвало фурор.

Один мужчина все же сумел пробиться сквозь толпу. Неожиданно Закери Бронсон оказался рядом с Холли, плечами проложив себе дорогу. Он выглядел до невозможности крупным, мрачным и разгневанным. Только теперь, увидев Бронсона среди прочих представителей его пола, Холли поняла, что он в состоянии устроить любого одними своими габаритами. Он властно взял ее за руку, сердито сверкнул глазами на окружающих их людей, и Холли ощутила неуместную восторженную дрожь.

— Миледи, — хрипло проговорил он, не сводя холодного взгляда с ее поклонников, — можно вас на два слова?

— Да, конечно.

Он отвел ее в относительно уединенное место, и Холли с облегчением вздохнула.

— Шакалы, — пробормотал он. — А еще говорят, что я не джентльмен. Я-то по крайней мере не истекаю слюнями и не исхожу похотью на глазах у всех.

— Вы преувеличиваете, мистер Бронсон. По-моему, никто из присутствующих не позволил себе ничего, выходящего за рамки приличий.

— А как этот ублюдок Хэрроуби глазел на вас? — раздраженно продолжал Бронсон. — Он чуть не свернул себе шею, пытаясь заглянуть за вырез вашего платья.

— Ваш язык, мистер Бронсон! — едко произнесла Холли, едва сдерживая смех. Возможно ли, чтобы он ревновал? Хотя, разумеется, ей не следует радоваться этому. — Не стоит, по-видимому, напоминать вам, что это платье выбрали вы.

Музыканты заиграли, и веселая, зажигательная мелодия разлилась по залу.

— Скоро начнутся танцы. — Холли напустила на себя озабоченный вид. — Вы уже вписали свое имя в бальные карточки разных дам?

— Нет еще.

— Тогда нужно сделать это немедленно. Я могу назвать нескольких, к которым вам стоит подойти: во-первых, мисс Юджиния Клейтон, обязательно леди Джейн Керкби и вон та девушка — леди Джорджиана Брентон. Это дочь герцога.

— Нужно, чтобы кто-то меня представил?

— Поскольку это бал в частном доме, самого факта, что вы получили приглашение, достаточно для подтверждения вашей респектабельности. Помните, что нужно вести беседу — не слишком серьезную, но и не банальную. Говорите об искусстве, например, о ваших любимых журналах.

— Я не читаю периодику.

— Тогда обсуждайте выдающихся людей, которыми вы восхищаетесь, или социальные темы, которые вас интересуют... Да вы прекрасно знаете, как вести светские разговоры. Со мной вы все время этим занимаетесь.

— Это другое дело, — пробурчал Бронсон, глядя с плохо скрываемой тревогой на стаи девиц в белых нарядах, заполнивших зал. — Вы — женщина.

Холли засмеялась:

— А кто же эти создания?

— Будь я проклят, если я это знаю!

— Не выражайтесь, — сказала она. — И старайтесь не смущать этих невинных девиц. А теперь ступайте потанцуйте с кем-нибудь. И помните, что настоящий джентльмен подошел бы к одной из этих бедных дам, одиноко сидящих у стены, а не к тем, кто пользуется успехом.

Глядя на ряд безутешных девиц, Закери тяжело вздохнул. Он не мог взять в толк, почему когда-то ему нравилась идея жениться на такой голубице и вылепить ее по своему вкусу. И еще он стремился добыть трофей — породистую кобылу из высшего общества, чтобы придать престижности своей плебейской родословной. Но прожить всю жизнь с одним из этих ангелочков? Теперь эта мысль вгоняла его в глубокую тоску.

— Они все одинаковы, — с отчаянием пробормотал он.

— Это только кажется, — возразила Холли. — Я очень хорошо помню, каково это — когда тебя выбрасывают на ярмарку невест. Ужасное ощущение! Я понятия не имела, какой муж мне достанется. — Она замолчала и легко коснулась его руки. — Вон видите девушку, которая сидит в самом конце ряда? Такая хорошенькая, с каштановыми волосами и синей отделкой на платье. Это мисс Элис Уорнер — я хорошо знакома с ее семьей. Если она хоть немного похожа на своих старших сестер, она будет чудесной собеседницей и партнершей.

— Тогда почему она сидит в одиночестве? — мрачно спросил он.

— Она одна из шести дочерей, и родители не могут дать за ней почти никакого приданого. Это отталкивает многих практичных молодых людей. Но вас такие соображения не должны беспокоить. — Холли легонько подтолкнула его в спину. — Пойдите и пригласите ее танцевать.

Он продолжал упираться.

— А вы что будете делать?

— Сейчас вашу сестру провожают в буфет. Надеюсь, ваша матушка тоже придет туда. Может быть, и я присоединюсь к ним. А теперь идите.

Он бросил на нее иронический взгляд и отошел, напоминая кота, которого против воли заставляют идти на охоту.

Как только Холли освободилась, к ней быстро направились несколько джентльменов. Поняв, что сейчас ее снова окружит толпа, она решила на стратегическое отступление. Сделав вид, что никого не замечает, она двинулась ко входу в гостиную, надеясь найти спасение в одной из окружающих ее галерей или маленьких салонов. Она так торопилась, что не заметила, как кто-то преградил ей дорогу. И внезапно налетела прямо на какого-то

крупного мужчину. Она изумленно ахнула. Чьи-то руки в перчатках поддержали ее и помогли сохранить равновесие.

— Прошу прощения, — бросила Холли, не поднимая глаз. — Я немного спешу. Извините, я была... — Но голос ее замер, она замолчала, увидев все-таки, кого она толкнула. — Уордон, — прошептала она.

При виде лорда Блейка, графа Рейвенхилла, воспоминания нахлынули на нее. На мгновение горло у нее так сжалось, что она не могла ни дышать, ни говорить. Она не виделась с ним три года — с самых похорон. Теперь он выглядел старше, серьезнее, в уголках глаз появились морщинки. Но он, несомненно, стал еще красивее, время придало ему мужественности, суровости, избавив от излишней мягкости его черты.

Его пшенично-белокурые волосы были подстрижены, как и раньше, и серые глаза были точно такими же, какими они ей запомнились, — холодными, пока он не улыбался.

— Леди Холланд, — спокойно произнес он.

Их связывали бесчисленные воспоминания. Сколько ленивых летних вечеров провели они втроем, на скольких приемах и балах присутствовали одновременно! В мозгу Холли промелькнуло, как они с Джорджем, смеясь, объясняли Уордону, на какой девушке ему следует жениться... или как Джордж и Уордон ходили на боксерские соревнования и возвращались домой пьяные... или тот вечер, когда она сообщила Уордону, что у Джорджа тиф. Во время болезни друга Рейвенхилл был для Холли лучшей опорой. Мужчины были близки, как братья, и поэтому она смотрела на Уордона как на члена семьи. И теперь, увидев его после стольких лет разлуки, Холли вновь ощутила пьянящую сладость той, прошлой жизни. Вот сейчас следом за Уордоном появится Джордж с шуткой наготове и с веселой улыбкой... Но он не появится, конечно. Здесь только она и Уордон.

— Я пришел сюда сегодня только потому, что знал о вашем присутствии на балу, — спокойно проговорил Рейвенхилл.

— Прошло столько времени, я... — Холли осеклась: все вылетало у нее из головы, когда она на него смотрела. Ей мучительно хотелось поговорить с ним о Джордже, о том, что произошло с каждым из них за эти годы.

Он улыбнулся, и белые зубы сверкнули на загорелом лице.

— Пойдемте со мной.

Ее рука естественно скользнула ему под локоть, и она пошла, не раздумывая, чувствуя себя так, словно оказалась в сновидении. Не говоря ни слова, он направился к двери и вывел ее во двор, находившийся в середине дома, где воздух пьянил фруктовыми и цветочными ароматами. Фонари, украшенные фестонами из кованых кружев, лили свет на пышную зелень и освещали небо цвета чернослива. Отыскивая, где можно уединиться, они подошли к выходу в большой сад и увидели несколько маленьких каменных скамеек, стоящих кругом и наполовину скрытых кустарником. Там они и уселись.

Холли с нежной улыбкой смотрела на старого приятеля. Наверняка он ощущает то же, что и она, — неловкость и одновременно нетерпение. Он казался таким дорогим, таким знакомым, что ей захотелось обнять его, но что-то ее удержало. Его лицо будто скрывало какое-то тайное знание, и это смущало и заставляло медлить. Он хотел было взять ее за руку, но вместо этого положил ладони себе на колени.

— Холланд, — произнес он, окидывая ее внимательным взглядом, — я никогда не видел вас такой красивой.

Она тоже рассматривала Рейвенхилла и поражалась, насколько он повзрослел. Его

золотистую красоту оттеняло печальное сознание, что порой жизнь хранит про запас горькие сюрпризы. Он, похоже, утратил свою необыкновенную самоуверенность, порожденную привилегированным воспитанием, и это тоже ему шло.

— Как Роза? — тихо спросил он.

— Счастлива, красива, весела... ах, Уордон, как мне жаль, что Джордж ее не видит!

Рейвенхилл молчал, пристально глядя куда-то вдаль.

— Уордон, — сказала Холли после долгого молчания, — вы часто думаете о Джордже?

Он кивнул, в его печальной улыбке чудилась насмешка над собой:

— Время не помогло, как все предсказывали. Да, я думаю о нем слишком часто. До его смерти я не терял никого и ничего дорогого и важного.

Это Холли понимала слишком хорошо. Для нее жизнь тоже была когда-то волшебно прекрасна. До поры она была уверена, что все всегда будет чудесно. Ей никогда и в голову не приходило, что она может потерять любимого человека.

— Когда мы с Джорджем были детьми, все считали его озорником, а меня пай-мальчиком, — сказал Рейвенхилл. — Но это была только видимость. У Джорджа было глубочайшее чувство чести, таких порядочных людей я больше не встречал. Мой отец был пьяница и лицемер, и вы знаете, что о своих братьях я не лучшего мнения. А те, с кем я дружил в школе, были всего лишь щеголями и прожигателями жизни. Джордж был единственным человеком, которым я действительно восхищался.

Холли понимающе кивнула и крепко сжала его руку.

— Да, — прошептала она с нежной гордостью, — это был прекрасный человек.

— После того как его не стало, — продолжал Рейвенхилл, — в какой-то мере не стало и меня. Я был готов на все, чтобы притупить боль, но ничто не помогало. — Его рот скривился от отвращения. — Я начал пить. Много пить. Превратился черт знает в кого и уехал на континент, чтобы в одиночестве прочистить себе мозги. Но там я занялся еще худшими вещами. Такими, на которые я не считал себя способным. Если бы вы видели меня в течение этих трех лет, Холланд, вы меня не узнали бы. И чем дольше я оставался там, тем сильнее стыдился. Я бросил вас после того, как обещал Джорджу...

Холли прикоснулась к его губам кончиком пальца, прерывая поток его саморазоблачений.

— Вы ничего не могли бы для меня сделать. Я должна была горевать в одиночестве.

Она сочувственно смотрела на него, не представляя, чтобы он мог вести себя недостойно и неприлично. Рейвенхилл никогда не был склонен к беспечности и разгулу. Он не пил, не развратничал, не играл в карты и не дрался, не обладал излишней импульсивностью. Чем же он занимался во время своего долгого отсутствия? Впрочем, теперь это не имело значения.

Холли вдруг подумала, что можно горевать по-разному. Она замкнулась в своем горе, а Уордон, возможно, наоборот, горя о Джордже, на время сошел с ума. Но вот он снова дома, и ей очень приятно его видеть.

— Почему вы не зашли навестить меня? — спросила она. — Я понятия не имела, что вы вернулись с континента.

Рейвенхилл виновато улыбнулся:

— Пока что я не выполнил ни одного из обещаний, данных моему лучшему другу у его смертного одра. И если я не начну сейчас выполнять их, я не смогу дальше жить в ладу с собой. Полагаю, начать мне следует с того, чтобы просить у вас прощения.

— Мне нечего вам прощать, — покачала головой она.

— По-прежнему леди с головы до пят, да?

— Пожалуй, уж не такая леди, какой была когда-то, — ответила она несколько иронично.

Рейвенхилл внимательно посмотрел на нее.

— Холланд, я слышал, что вы поступили на службу к Закери Бронсону?

— Да. Я служу проводником по светскому обществу для мистера Бронсона и его очаровательной семьи.

— Это моя вина. — Рейвенхилл явно принял ее сообщение не с таким удовольствием, с каким она его сделала. — Если бы я остался здесь и выполнил свои обещания, вы не дошли бы до такого.

— Нет, Уордон, — поспешно ответила Холли, — это был очень ценный опыт. — Она пыталась подыскать слова, чтобы объяснить свои отношения с Бронсоном и его семьей. — Я стала лучше, познакомившись с ними. Они помогли мне в каком-то смысле, но объяснить этого я не умею.

— Вы не созданы для того, чтобы работать, — спокойно заметил Рейвенхилл. — Вы знаете, что сказал бы об этом Джордж.

— Я прекрасно знаю, чего хотел для меня Джордж, — согласилась она. — Но...

— Нам нужно кое-что обсудить, Холли. Теперь не время и не место, но я должен спросить вас об одной вещи. Обещание, которое мы дали Джорджу в тот день, — вы все еще хотели бы выполнить его?

Поначалу у Холли перехватило дыхание, и она ничего не могла ответить. У нее появилось головокружительное ощущение, что судьба несетя на нее мощной волной. А вместе с тем она почувствовала облегчение и вялость, как если бы все, что она могла сделать, — это принять обстоятельства, над которыми она не властна.

— Да, — тихо сказала она. — Конечно, я помню о нем. Но если оно вас связывает...

— Я знал тогда, что делаю. — Он устремил на нее решительный взгляд. — И знаю, чего хочу теперь.

Они сидели молча, слов не требовалось — боль потери окутывала обоих. В их мире человек не искал счастья ради счастья, но получал его — порой — как награду за достойное поведение. Часто выполнение долга приносило страдание и горе, но человека поддерживало сознание, что он живет честно.

— Хорошо, поговорим об этом позже, — пробормотала наконец Холли. — Приходите ко мне в дом Бронсона, если хотите.

— Проводить вас в бальный зал?

Она поспешно покачала головой:

— Если вы не возражаете, я останусь здесь. Мне хочется посидеть одной и немного подумать. — Увидев по его взгляду, что ему это не нравится, она улыбнулась для пущей убедительности. — Обещаю, в ваше отсутствие никто ко мне не пристанет. Прошу вас, Уордон.

Он неохотно кивнул и запечатлел поцелуй на тыльной стороне ее ладони. Когда он ушел, Холли вздохнула и попыталась понять, почему она чувствует себя смущенной и несчастной, когда думает о выполнении обещания, данного ею Джорджу.

— Милый, — прошептала она, закрыв глаза, — ты всегда знал, что для меня хорошо. Я верю тебе и вижу, какую мудрость ты проявил, взяв с нас это обещание. Но если бы ты мог

подать мне знак, что по-прежнему этого хочешь... Нет, с моей стороны это не жертва, но...

Ее размышления внезапно прервал возмущенный голос:

— Что вы, черт побери, здесь делаете?

* * *

Будучи борцом по натуре, всегда готовым сражаться за победу, Закери и раньше знал ревность. Но такой — никогда. Никогда он не испытывал этой смеси негодования и боязни, обжигавшей его нутро. Не надо было обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить, как Холли смотрела на Рейвенхилла в бальном зале. Он все прекрасно понял. Они были скроены по одному лекалу, и у них было общее прошлое, к которому он, Закери, не имел никакого отношения. Их связывали общие воспоминания, они знали, чего ждать друг от друга, — это было большим преимуществом. И внезапно Закери яростно возненавидел Рейвенхилла: его секундант воплощал то, чего не хватало Закери... был тем, каким он никогда не будет.

Как жаль, что они живут не в старые времена! Тогда дело решала примитивная грубая сила, и можно было получить все желаемое, просто застолбив свои права. Ведь на самом деле большая часть этих чертовых аристократических ветвей именно таким образом и появилась. Потомки воинов, завоевавших свое главенствующее положение в сражениях и кровопролитных битвах. Поколение за поколением они жили, пользуясь привилегиями и богатством, и это смирило буйную кровь, смягчило их и обтесало. Теперь их изнеженные отпрыски не в состоянии опустить задранные носы и заметить человека, больше походящего на их досточтимых предков, чем они сами.

Закери понимал, что это его проблема. Ему нужно было родиться на несколько веков раньше. Сейчас, чтобы попасть в общество этих утонченных снобов, ему приходится жеманничать и выделять всякие антраша, а ведь он мог бы господствовать... сражаться... побеждать.

Когда Закери увидел, что Холли вышла из гостиной, положив свою маленькую ручку на локоть Рейвенхилла, потребовалась вся его сила воли, чтобы не кинуться вперед. Он прямо дрожал от страстного желания схватить Холли в объятия и утащить ее прочь, как варвар.

Но разумная его часть понимала, что нужно отпустить Холли без борьбы. Он не может ее потерять — она никогда ему не принадлежала. Пусть сама решает, что для нее лучше. Пусть обретет покой — она его заслужила.

Черта с два, кровожадно подумал он. Он прокрался следом за ними, точно тигр, решив, что сметет все, что окажется на его пути. И нашел Холли, в одиночестве сидящую в саду, с видом мечтательным и оцепенелым, и ему захотелось встряхнуть ее так, чтобы волосы у нее рассыпались по плечам, а зубы застучали друг о дружку.

— Что происходит? — прорычал он. — Вам следует облегчать жизнь Лиззи и советовать мне, с какой девицей нужно танцевать, а вместо этого вы сидите в саду, с обожанием уставившись на Рейвенхилла.

— Я вовсе не смотрела на него с обожанием, — возмутилась Холли. — Я вспоминала разные вещи о Джордже и... ах, мне нужно вернуться к Элизабет!

— Еще нет. Сначала я требую объяснить, что между вами произошло.

Ее маленькое бледное личико застыло.

— Это сложно.

— Говорите попроще, — язвительно предложил он. — А я постараюсь понять.

— Я бы предпочла отложить этот разговор до...

— Сейчас!

Она встала, но он схватил ее за локоть, повернул к себе и разгневанно посмотрел в ее лицо, освещенное лунным светом.

— Вам незачем так волноваться... — Холли несколько удивилась его грубости.

— Я не волнуюсь, я... — Осознав, что держит ее слишком крепко, Закери внезапно отпустил ее локоть. — О чем вы говорили с Рейвенхиллом?

Вряд ли он хотел сделать ей больно, но локоть ощутимо заныл, и Холли осторожно его потерла.

— Ну, это связано с одним обещанием, которое я дала задолго до того, как мы с вами познакомились...

— Дальше, — поторопил он.

— Перед самой смертью Джордж сказал, что он боится за наше с Розой будущее. Он знал, что оставляет нам очень скромные средства, и, хотя родные заверили его, что они о нас позаботятся, он тревожился. Как я ни успокаивала его, он был безутешен. Он все шептал, что Розе нужен отец, чтобы заботился о ней, и что мне... ах да Господи!.. — Вздвогнув от этих мрачных воспоминаний, Холли снова села на скамью и крепко зажмурилась, сдерживая слезы.

Выругавшись, Закери принялся шарить по своим многочисленным карманам в поисках носового платка. Он нашел карманные часы, запасную пару перчаток, пачки денег, золотой портсигар и маленький карандаш, но платок куда-то запропастился. Холли, наблюдая его тщетные поиски, неожиданно усмехнулась сквозь слезы.

— Я говорила вам, что нужно взять носовой платок.

— Не знаю, куда я его сунул, черт побери! — Он протянул ей одну из запасных перчаток. — Вот, возьмите.

Закери уселся на скамью верхом и посмотрел на ее склоненную голову.

— Что еще говорил Джордж? Холли глубоко вздохнула.

— Его пугало, что случится со мной. Он считал, что без мужа мне будет одиноко, что мне нужен мужчина, который опекал бы и любил меня... он боялся, что я буду совершать ошибки и меня будут обманывать. Поэтому он позвал Уордона... то есть Рейвенхилла. Он верил ему больше всех на свете, доверял его суждениям и полагался на его чувство долга. Хотя внешне Рейвенхилл может показаться человеком холодноватым, он добр, справедлив и щедр...

— Хватит о распрекрасном Рейвенхилле. — В Закери снова проснулась ревность. — Просто скажите, чего хотел Джордж.

— Он... — Холли глубоко втянула воздух и резко выдохнула, словно ей было трудно говорить. — Он попросил нас обвенчаться, когда его не станет.

Повисло молчание. Закери отчаянно пытался сообразить, не ослышался ли он. Холли смотрела в землю.

— Мне не хотелось связывать Рейвенхилла и не казалась удачной эта идея, — прошептала она наконец. — Но Уордон уверял, что это разумно и для него весьма желательно. Что таким образом мы почтим память Джорджа и в то же время обеспечим достойную жизнь для всех троих — для меня, Розы и для него.

— В жизни не слышал о таких глупостях, — проворчал Закери, быстро пересмотрев свое мнение о Джордже Тейлоре. — Очевидно, вы оба пришли в себя и поняли, что это безумие. Ну и слава Богу.

— По правде говоря, все осталось в силе.

— Что?! — Закери, будучи не в силах удержаться, схватил Холли за подбородок и поднял его, чтобы видеть ее лицо. Слезы высохли, но на щеках виднелись влажные дорожки. — В силе? То есть как это? Только не говорите, что вы решили действительно все это проделать!

— Мистер Бронсон... — Удивленная его реакцией, Холли попыталась высвободиться. — Давайте вернемся в зал, а все эти проблемы обсудим в более подходящее время.

— К черту бал! Мы поговорим об этом сейчас же!

— Не кричите на меня! — Она встала, и ее мерцающие красные юбки заструились. Лунный свет играл на жемчужной коже ее груди, и застенчивые тени сбегали к манящей ложбинке между грудями. Она была так хороша и приводила его в такую ярость, что Закери пришлось стиснуть кулаки, чтобы не дать волю рукам.

Он встал, легким движением перекинув ногу через скамью. Прежде он никогда не бывал одновременно возбужден и рассержен — это было новое ощущение, и отнюдь не из приятных.

— Очевидно, Рейвенхиллу не так уж хотелось этого брака, как он утверждал, — заметил он резко. — После смерти вашего мужа прошло целых три года. По-моему, трудно это расценить иначе.

— Я тоже так думала, — призналась Холли, потирая виски. — Но сегодня Уордон объяснил мне, что ему потребовалось время, чтобы во всем разобраться, и теперь он точно знает, что по-прежнему хочет исполнить желание Джорджа.

— Разумеется, хочет, — выпалил Бронсон, — после того как увидел вас в этом красном платье.

Холли широко раскрыла глаза, и щеки ее вспыхнули.

— Ваше замечание оскорбительно. Уордон вовсе не из тех...

— Неужели? — Лицо Закери искривила жестокая усмешка. — Будьте уверены, миледи, что любой мужчина, присутствующий на этом балу, был бы чертовски счастлив залезть к вам под юбки. Так что честь здесь вовсе ни при чем.

Придя в ужас от такой грубости, Холли отодвинулась и сердито сверкнула глазами.

— Мы говорим о Рейвенхилле или о вас?

Внезапно осознав, что она сказала, она хлопнула себя рукой по губам и робко уставилась на Закери.

— Ну вот, мы до чего-то и договорились. — И он нарочито медленно стал приближаться. — Да, леди Холли... теперь для вас не секрет, что я вас хочу. Я желаю вас, понимаете... черт, вы даже нравитесь мне, а таких вещей я никогда не говорил ни одной женщине!

Встревоженная Холли бросилась бежать по дорожке, но не к дому, а дальше, к темным лужайкам, где их вряд ли могли слышать или увидеть. Хорошо, подумал Закери с мгновенно вспыхнувшим азартом, отбросив всякое благоразумие. Он пошел за ней без особой спешки: его большой шаг сводил на нет несколько ее шажков — мелких и торопливых.

— Вы совсем не понимаете меня, — посетовала Холли через плечо, дыша быстро и

отрывисто. — Вы не представляете, что мне нужно, чего я хочу...

— Я знаю вас в тысячу раз лучше, чем когда-нибудь узнает Рейвенхилл.

Она недоверчиво засмеялась, торопливо войдя в уставленный скульптурами сад.

— Я, мистер Бронсон, знакома с ним много лет, а с вами мы познакомились всего четыре с половиной месяца назад. Что же вы могли разглядеть во мне такого, чего не знает он?

— Во-первых, что вы из тех женщин, которые могут поцеловать незнакомого мужчину на балу. Дважды.

Холли замерла, ее тело напряглось.

— О-о, — услышала она свой тихий голос.

Закери подошел к ней и остановился, выжидая, когда она овладеет собой и повернется к нему.

— Все это время, — проговорила она дрожащим голосом, — вы знали, что я — та женщина, но ничего не говорили мне.

— Вы тоже.

Тут Холли повернулась и заставила себя посмотреть ему в глаза. Ее лицо пылало от стыда.

— Я надеялась, что вы меня не узнали.

— Я узнаю вас с завязанными глазами. Ваше тело, ваш запах, вкус...

— Не надо, — сказала она, задыхаясь от ужаса. — Молчите, не говорите так...

— С того самого момента я хотел вас больше всех других женщин.

— Вы хотите люблю! — воскликнула она. Явно решившись на отступление, она отодвинулась от него и пошла вокруг белой мраморной статуи.

Закери упорно шел за ней.

— А как вы думаете, что меня удерживало дома по вечерам в последнее время? Мне доставляло больше удовольствия сидеть в гостиной и слушать, как вы читаете стихи, чем проводить ночь с самыми умелыми лондонскими шлюхами...

— Прошу вас, — презрительно процедила она, — избавьте меня от ваших убогих комплиментов. Вероятно, есть дамы, которые могут оценить ваше обаяние распутника, но только не я.

— Мое обаяние распутника не оставило вас равнодушной, — возразил он, нагнав ее и поддерживая, когда она споткнулась о гравий. — Я видел, как вы смотрите на меня. Я чувствовал, как вы реагируете на мои прикосновения. По-моему, они вам вовсе не противны. В тот вечер в оранжерее вы ответили на мой поцелуй...

— Вы застигли меня врасплох! Я была поражена!

— Значит, если я вас опять поцелую, — тихо и вкрадчиво сказал он, — вы мне не ответите? Да?

Хотя он не видел ее лица, он чувствовал, как мышцы ее напрягаются все больше, по мере того как она осознает, в какую ловушку попала.

— Да, мистер Бронсон, — прошептала она неуверенно, — не ответила бы. А теперь, пожалуйста, позвольте мне...

Он повернул ее, прижал к себе и наклонился.

Холли испуганно вскрикнула, а потом замерла под лавиной охвативших ее ощущений. Бронсон целовал так же потрясающе, как ей запомнилось, — жадно, с таким явным желанием, которое не могло остаться без ответа. Ночь словно сомкнулась вокруг них, мраморные скульптуры стояли рядом молчаливыми стражами, следящими, чтобы им никто не помешал. Черноволосая голова Бронсона нависла над Холли, губы его были ласковы, но настойчивы. Вдруг ей захотелось крепче прижаться к нему. Она просунула руки под его фрак и ощутила жар его тела. Его рубашка была теплой и пахла мужчиной. Этот запах магнитом притягивал ее: соль и кожа, одеколон и резкий привкус табака. Взволнованная и возбужденная, она прижалась лицом к его груди. Она прерывисто дышала, и руки ее сомкнулись вокруг его крепкого стана.

— Холли, — пробормотал он, такой же потрясенный, как и она. — Боже мой... Холли...

Его большая ладонь обхватила ее затылок. Он закинул ее голову назад и снова завладел губами. Холли тоже хотелось попробовать, каков он на вкус! Она просунула язык в его жадные горячие уста. Нет, не так... Застонав, она стала на цыпочки, потянулась вверх... Но он был слишком большой для нее, слишком высокий, и она расстроено вздохнула.

Схватив Холли на руки, словно она ничего не весила, Закери понес ее дальше, в глубь сада со скульптурами, где стояло что-то круглое и плоское — возможно, каменный стол или солнечные часы. Он сел, посадив ее к себе на колени, а губы его продолжали вкушать изысканное яство. Никогда в жизни она не испытывала такого физического влечения и наслаждения. Ей хотелось прикасаться к нему, и она сорвала перчатки. Ее дрожащая рука потянулась к черной шевелюре и скользнула в густые волны на затылке. Он застонал.

Прервав поцелуй, Бронсон склонился над ней, уткнулся в нежную шею Холли, нашел чувствительное местечко. Она чувствовала его язык на своей коже, и это заставляло мучительно сладко сжиматься сердце. Губы его опустились ниже и задержались там, где бешено билась жилка.

Красный шелк смялся, лиф съехал вниз так, что почти обнажились соски. Чувствуя, что он вот-вот соскользнет совсем, Холли испуганно прикрыла грудь.

— Прошу вас... — Во рту пересохло, слова давались с трудом. — Мне не следует... ах, мы должны прекратить это!

Он словно не слышал ее, и губы его продолжали свое путешествие. Закрыв глаза, Холли покорилась судьбе, чувствуя, как лиф ее платья под сильными пальцами уезжает куда-то вниз. Скоро, скоро она его остановит, но пока что... ни стыд, ни честь уже не имели значения.

Она ахнула, когда ее груди освободились от алого шелка и соски расцвели под лаской прохладного ночного ветерка. Бронсон сорвал перчатки, его ладонь нежно обхватила мягкий холмик. Холли замерла, не в состоянии поверить в то, что происходит. Губы его сомкнулись над ним, тербели его, язык с изысканным умением гладил ноющую вершину.

А когда его губы добрались до соска и осторожно сомкнулись вокруг него, она обняла его шею и зарылась лицом в его волосы. Дыхание ее походило на всхлипывания, одежда стала казаться слишком тесной. Ей захотелось чувствовать кожей его кожу, ощутить его вкус, его прикосновения так, как не хотелось еще ничего в жизни.

— Закери, — шепнула она ему на ухо, — прошу вас, прекратите. Прошу вас.

Его ладонь снова нежно обхватила ее грудь. Он проводил губами по ее губам, осыпая их неистовыми полупоцелуями, пока губы ее не стали мягкими, влажными и податливыми, потом прошептал ей на ухо:

— Вы — моя, и вас у меня не отберет ни мужчина, ни Бог, ни призрак.

Всякий знающий Закери Бронсона хотя бы в небольшой степени встревожился бы. Холли застыла от ужаса. Но испугало ее не то, что кто-то так категорично предъявляет на нее права, а то, что все в ней отозвалось на эти слова какой-то отчаянной радостью. Всю жизнь она стремилась быть умеренной, разумной, утонченной и никогда не думала, что с ней может произойти подобное.

Она стала вырываться так панически, что ему пришлось отпустить. Коснувшись земли, она неуверенно встала. И удивилась, до чего слабыми оказались ноги, — она упала бы, если бы вскочивший следом Бронсон не подхватил ее. Отчаянно вспыхнув, она поправила лиф, спрятав груди, мерцавшие в лунном свете.

— Я подозревала, что все это произойдет, — сказала она жалобно. — З-зная вашу репутацию, я понимала, что в один прекрасный день вы начнете заигрывать и со мной.

— То, что сейчас произошло между нами, не заигрывание, — хрипло произнес он.

Она продолжала смотреть вдаль.

— Если я останусь в вашем доме, мы должны забыть об этом недоразумении!

— Недоразумении?! — возмутился он. — Это назревало в течение нескольких месяцев, с первой же нашей встречи.

— Не правда, — возразила она; сердце билось у нее где-то в горле, и говорила она с трудом, задыхаясь. — Не стану отрицать — я считаю вас привлекательным, я... как и всякая женщина... Но если вы решили, что я стану вашей любовницей...

— Нет. — Его огромные руки обхватили ее лицо, и Холли дрогнула, утонув в непроглядных глубинах его темных, страстных глаз. — Нет, я вовсе этого не думал. — Голос Закери звучал раздраженно. — Мне от вас нужно большее. Мне нужно...

— Замолчите!.. — умоляюще воскликнула Холли, крепко зажмуриваясь. — Мы оба сошли с ума. Позвольте мне уйти сейчас же. Пока не случилось такого, после чего я не смогу остаться в вашем доме.

Она не предполагала, что эти слова так сильно подействуют на него. Его руки медленно ослабили свою властную хватку и упали.

— Вам нет причины покидать мой дом, — сказал он. — Все будет так, как вам угодно.

Страх перестал сжимать горло.

— Я... я хочу забыть обо всем, как если бы этого никогда не было.

— Ладно, — согласился он, хотя взгляд его выражал откровенный скептицизм. — Вы устанавливаете правила игры, миледи. — Он наклонился, поднял отброшенные перчатки и подал ей. Вспыхнув, Холли принялась надевать их.

— Вы должны обещать не вмешиваться в мои отношения с Рейвенхиллом, — удалось ей выговорить. — Я пригласила его навестить меня. Не хочу, чтобы его выгнали либо обошлись с ним грубо, когда он придет. Все решения касательно моего и Розино будущего я приму без вашей помощи.

Будто сдерживая себя, он сильно сжал губы.

— Прекрасно, — сказал он наконец, — но хочу обратить ваше внимание на одну вещь. Три года Рейвенхилл шатался по Европе — и вряд ли думал лишь о своем дьявольском

обещании Джорджу... А вы? Вы и не вспомнили об этой проклятой клятве, когда согласились служить у меня, хотя знали, что Джордж этого не одобрил бы. Черт побери, да он от вашего поступка небось перевернулся в гробу!

— Я приняла ваше предложение, потому что Рейвенхилл пропал, а я должна была думать о Розе, о ее будущем. Ваше предложение показалось мне лучшим выходом из создавшегося положения. Я о своем решении не жалею. Когда моя служба у вас завершится, я буду вольна выполнить свои обязательства перед Джорджем.

— Очень разумно, — заметил он тихо и вместе с тем язвительно. — А скажите мне вот что: если вы все-таки выйдете за Рейвенхилла, вы позволите ему разделить с вами ложе?

Она зарделась.

— Вы не имеете права задавать такие вопросы.

— То есть вы его не хотите, — грубо уточнил он.

— Супружеская жизнь — это нечто большее, чем постель.

— Это Джордж вам сказал? — продолжал наступать он. — Интересно... вы когда-нибудь позволяли себе с ним такое, как со мной?

Холли вспыхнула. Она в жизни никого не ударила, но сейчас рука ее двигалась по собственной воле. Удар получился ничтожно слабым и значение имел разве что символическое, но на Бронсона, похоже, не произвел ни малейшего впечатления. Напротив, она заметила в его глазах довольный блеск и поняла с внезапным отчаянием, что ответила на его вопрос. Всклипнув, она бросилась прочь со всей скоростью, на какую были способны ее ноги.

* * *

Немного позже Закери вернулся в бальный зал, стараясь казаться спокойным, хотя тело его ныло от страстного желания. Наконец-то он держал ее в объятиях, чувствовал движение ее губ. Рассеянно взяв у проходившего мимо лакея бокал с каким-то напитком, он встал у стены и принялся рассматривать толпу, пока не заметил ярко-красное платье Холли. Она выглядела на удивление беззаботной и собранной, весело болтая с Элизабет и представляя той домогавшихся ее внимания джентльменов. Только румянец на скулах выдавал смятение.

Закери с трудом оторвал от нее взгляд. Если он и дальше будет рассматривать ее так откровенно, это непременно вызовет пересуды. Но он знал, что она чувствует его присутствие, хотя их разделяет целая толпа гостей. Он устремил невидящие глаза на бокал, который держал в руках, и осушил его несколькими нетерпеливыми глотками, не ощущая вкуса. К нему подходили знакомые, по большей части деловые партнеры, и он любезно поддерживал беседу, улыбался шуткам, которых почти не слышал, высказывал мнения, хотя едва сознавал, о чем идет речь. Все его внимание, его мысли, его упрямая душа были устремлены к леди Холланд Тейлор.

Он ее любит. Все его мечты, надежды и честолюбие, взятые вместе, казались крохотными по сравнению с огромным бушующим пожаром чувств, который пылал у него внутри. Закери приводило в ужас то, что она возымела такую власть над ним. Кто бы мог подумать, что он полюбит вот так: не ожидая ни покоя, ни счастья и мучительно сознавая, что он почти наверняка ее потеряет. Мысль о том, что он ее лишится, отдаст другому, позволит выполнить волю покойного мужа, приводила в отчаяние. Он судорожно

обдумывал, чем можно соблазнить ее... Он может кое-что предложить. Он лично соорудит огромный мраморный памятник Джорджу Тейлору, если такова будет ее цена. Погруженный в свои безумные мысли, Закери не сразу заметил, что неподалеку стоит Рейвенхилл — красивый, высокий, белокурый, пребывавший в полном одиночестве среди блеска и шума бала. Глаза их встретились, и Закери подошел ближе.

— Скажите, — тихо начал он, — кем нужно быть, чтобы попросить своего лучшего друга жениться на своей жене? И каким нужно быть человеком, чтобы вдохновить двух с виду разумных людей согласиться с таким дурацким планом?

Серые глаза собеседника посмотрели на него оценивающе.

— Человеком, который был лучше, чем когда-нибудь будем вы или я.

Закери не удержался и усмехнулся:

— Кажется, образцовый супруг леди Холланд руководит ею даже из могилы.

— Он пытался защитить ее, — пояснил Рейвенхилл без особого пыла, — от таких, как вы.

Спокойствие этого ублюдка привело Закери в ярость. Его соперник держался так дьявольски уверенно, словно уже выиграл состязание, о котором Закери узнал, только придя к финишу.

— Вы думаете, она пойдет на это, да? — обиженно сказал Закери. — Вы думаете, она принесет себя в жертву просто потому, что Джордж Тейлор попросил ее об этом?

— Да, именно так я и думаю, — последовал сдержанный ответ. — И если бы вы знали ее лучше, тоже не сомневались бы.

Почему? Но он не смог заставить себя выговорить этот мучительный вопрос. Почему его собеседник уверен, что она выполнит свое обещание? Неужели она так сильно любила Джорджа Тейлора? Или это вопрос чести? Неужто чувство долга может на самом деле заставить ее выйти замуж за того, кого она не любит?

— Предупреждаю вас, — тихо проговорил Рейвенхилл, — если вы причините леди Холланд вред либо огорчите ее каким-нибудь образом, вы будете иметь дело со мной.

— Ваша забота о ее благополучии очень трогательна. Поздновато вернулись, а?

Это замечание, кажется, задело спокойствие Рейвенхилла. Он едва заметно покраснел, и Закери ощутил мгновенное торжество.

— Я совершал ошибки, — согласился Рейвенхилл. — У меня столько же грехов, как у любого другого, и перспектива занять место Джорджа Тейлора сильно пугает меня. Она испугала бы кого угодно.

— Тогда зачем же вы вернулись? — поинтересовался Закери, жалея, что нельзя как-нибудь переправить этого человека обратно через Ла-Манш.

— Потому, что я могу понадобиться леди Холланд и ее дочери.

— Вы им не нужны. У них есть я.

Рубеж был перейден. С таким же успехом они могли бы быть генералами враждебных армий, стоящих друг против друга на поле битвы. Тонкий аристократический рот Рейвенхилла искривился в презрительной улыбке.

— Вы — это последнее, что им нужно, — заявил он. — Я подозреваю, что даже вам это известно. — И отошел. Закери смотрел на него с каменным лицом, неподвижный, но внутри у него бушевала бессильная ярость.

Холли нужно было выпить. Большой стакан бренди, такой, чтобы успокоил ее измученные нервы и позволил поспать хотя бы несколько часов. На второй год после смерти Джорджа алкоголь ей уже не требовался. Но когда это только случилось, врач прописал ей стакан вина перед сном, которого оказалось недостаточно. Успокоить ее могли только крепкие напитки, и поэтому она посылала Мод с секретной миссией — когда все укладывались спать, та приносила ей виски или бренди. Зная, что родные Джорджа не одобряют пьющую леди, а также понимая, что убыль напитков в графинах рано или поздно станет заметна, Холли решила обзавестись собственной бутылкой и держать ее у себя в комнате. Используя Мод в качестве посредника, Холли уговорила одного из лакеев купить ей бренди. Хранила она бутылку в ящике туалетного столика. И теперь, с тоской вспомнив о том запасе, она переоделась на ночь и принялась терпеливо ожидать, когда все в доме лягут спать.

Возвращение с бала было чудовищным. К счастью, Элизабет, слишком взволнованная собственным успехом и вниманием, которое оказывал ей Джейсон Соумерс, не заметила, что Холли и ее брат между собой не разговаривают. Пола, конечно, ощущала напряжение и пыталась разрядить атмосферу легкой болтовней. Холли, заставив себя не обращать внимания на задумчивые взгляды Бронсона, вела светский разговор с Полой, улыбалась и шутила, хотя нервы у нее разгулялись вовсю.

Когда в огромном доме затихли все звуки и движения, Холли взяла свечу в небольшом украшенном драгоценными камнями подсвечнике и крадучись вышла из комнаты. Насколько она знала, легче всего найти бренди можно было на буфете в библиотеке, где Бронсон всегда держал запасы прекрасных французских вин.

Спускаясь босиком по главной лестнице, Холли высоко поднимала свечу и время от времени вздрагивала: маленький огонек бросал на позолоченные стены жуткие тени. Большой дом, всегда такой оживленный и полный суеты, ночью походил на пустынный музей. Сквозняк обдувал ее щиколотки, и Холли обрадовалась, что поверх тонкой ночной рубашки надела белую накидку с оборками.

Войдя в библиотеку, Холли втянула знакомый запах кожи и пергамента и пошла мимо огромного мерцающего глобуса прямо к буфету. Она поставила свечу и открыла дверцу, ища бокал.

Хотя в комнате было абсолютно тихо, ее вдруг охватило тревожное чувство, что она здесь не одна.

Молодая женщина смущенно огляделась и ахнула, увидев Бронсона, который сидел в глубоком кожаном кресле, вытянув перед собой длинные ноги. Он внимательно смотрел на нее. На нем все еще был вечерний костюм, хотя фрак он снял, жилет расстегнул, а галстук развязал. Наполовину расстегнутая белая рубашка обнажала густые черные волосы на груди. В руке он держал пустой бокал для бренди, и создавалось впечатление, что пьет он уже довольно давно.

Сердце у нее подпрыгнуло. Во рту пересохло. Она пошатнулась, прислонилась спиной к буфету, схватившись за него обеими руками, чтобы не упасть.

Бронсон медленно поднялся и подошел к ней. Он взглянул на раскрытую дверцу буфета и мгновенно понял, что ей нужно.

— Позвольте мне. — Голос его прозвучал в тишине бархатным рокотом. Он достал бокал и графин с бренди. Налив бокал на треть, он взял его за ножку и немного подогрел на свече, затем подал Холли.

Она тут же сделала плоток, надеясь, что рука у нее почти не дрожит. Она не могла отвести взгляд от расстегнутого ворота его рубашки. У Джорджа грудь была гладкая, и ей всегда казалось это привлекательным, но вид Бронсона в незастегнутой рубашке наполнил ее тревогой и беспокойством. Ей хотелось зарыться в эти жесткие черные волосы, прижаться к ним голой грудью...

Она вспыхнула вся, с ног до головы, и принялась пить бренди, пока не закашлялась.

Бронсон вернулся к своему креслу и тяжело опустился в него.

— Вы собираетесь выйти за Рейвенхилла?

Бокал с бренди чуть не выпал из рук Холли.

— Я задал вам вопрос, — хрипло сказал он. — Вы собираетесь выйти за него?

— Не знаю, что ответить.

— Конечно, собираетесь. Говорите же, черт вас возьми!

— Я... — Она поникла, сдаваясь. — Возможно, я это сделаю.

Бронсон, похоже, не удивился, лишь рассмеялся, тихо и издевательски.

— Вам придется объяснить почему. Боюсь, что простому боксеру вроде меня трудно понять, какими соображениями руководствуются высшие классы.

— Я обещала Джорджу, — осторожно начала Холли, чувствуя немалые опасения при виде мрачной фигуры Бронсона. Он выглядел таким... ну, грозным... когда сидел вот так в темноте. Красивый, черноволосый и огромный до невероятности — таким мог быть Люцифер, сидящий на своем троне. — Если вы находите во мне что-то достойное восхищения и привязанности, то не склоняйте меня вести себя недостойно. В детстве меня учили, что данное слово ни в коем случае нельзя нарушать. Кое-кто считает, что чувство чести в женщинах не так сильно, как в мужчинах, но я всегда старалась...

— Господи, да я не ставлю под сомнение вашу честь, — грубо прервал ее он. — Я говорю о том — это и ребенку понятно, — что Джорджу ни в коем случае не следовало брать с вас такое обещание.

— Но он попросил, и я его дала.

— Вот именно. — Бронсон покачал головой. — Я бы не поверил, что вы способны на такое — вы, единственная женщина из всех, которая может противостоять мне в твердости характера.

— Джордж боялся оставлять меня одну, — сказала она. — Он знал, что по своей воле я никогда не выйду замуж, и хотел, чтобы я была под опекой мужа и, что еще важнее, чтобы у Розы был отец. У них с Уордоном были схожие принципы и убеждения, и Джордж знал, что его лучший друг никогда не причинит нам зла.

— Хватит, — резко оборвал ее Закери. — Я скажу вам, что я думаю о добром старом святом Джордже. По-моему, ему просто не хотелось, чтобы вы когда-нибудь снова полюбили. И поэтому он решил связать вас браком с этой холодной рыбой — Рейвенхиллом. Так он гарантированно оставался вашей единственной любовью.

Услышав это обвинение, Холли побледнела.

— Какие ужасные вещи вы говорите! Вы совершенно не правы и абсолютно ничего не знаете ни о моем муже, ни о его друге...

— Зато знаю, что вы не любите Рейвенхилла и никогда его не полюбите. Если вы так

твердо решили выйти за человека, которого не любите, выходите за меня.

Из всего, что она ожидала от него услышать, это было самым поразительным. Онемев от изумления, Холли допила бренди и поставила пустой бокал.

— Вы делаете мне предложение? — шепотом спросила она. Бронсон встал и начал надвигаться на нее. Остановился он только тогда, когда прижал ее к буфету.

— А почему бы и нет? Джордж хотел, чтобы вас опекали и защищали. Я способен это сделать. И быть отцом для Розы. Она ведь даже не знает, кто такой Рейвенхилл! Я буду заботиться о вас обеих. — Он сунул руку под покрывало ее волос, осторожно пробираясь сквозь длинные каштановые пряди.

Холли закрыла глаза и подавила желание застонать от удовольствия. Все ее тело отвечало на его прикосновения. Где-то внутри возникла унижительная судорога предвкушения, и ей стало стыдно плотской жажды, пульсирующей в ее недрах. Никогда в жизни она не хотела с такой силой, чтобы мужчина овладел ею.

— Я могу дать вам такое, о чем вы даже не мечтали, — продолжал он шепотом. — Забудьте о своих обещаниях, Холли. Все это в прошлом. Настало время подумать о будущем.

Она покачала головой и раскрыла губы, готовясь возразить. Но он быстро наклонил голову, и слова застряли у нее в горле. Он целовал ее с таким страстным мастерством, что все мысли ее рассыпались, и она, как могла, отвечала ему. Их разделял только тонкий слой муслина, и его бесстрашные и безжалостные руки скользили по ней, будто рисуя холмы груди, изгибы бедер, даже пышные выпуклости ягодиц. Она задыхалась, чуть не падала в обморок от водопада обрушившихся на нее ощущений. Даже муж не осмеливался ласкать ее так откровенно.

— Вы лишаете меня возможности думать... — на секундочку отстранив губы, посетовала она.

— Я не хочу, чтобы вы думали.

Он положил ее руку на огромную горячую выпуклость, натягивающую ткань его брюк. Ее глаза расширились, и она бессильно опустила голову ему на грудь. Хотя разум Холли — то, что от него осталось, — еще пытался протестовать против такого безрассудства, она уже прижималась щекой к черным завиткам у него на груди. Она и не предполагала, что способна на такое. Ее пленяла его мужская сущность, его мощь, грубость... Но он не для нее. Хотя противоположности и сходятся, но из них не получится хорошей семьи. Единственная возможность жить достойно и спокойно — это вступить в брак с себе подобным. Кроме того, она связала себя обещанием.

Мысль о Джордже внезапно вернула ее к реальности, и она вырвалась из объятий Закери Бронсона.

В панике отступления она споткнулась о стул и тяжело опустилась на него. Ноги ослабели и дрожали. К счастью, он не стал приближаться. Долгое время единственным звуком, нарушавшим тишину, было их дыхание. Наконец Холли обрела голос:

— Не стану отрицать, нас тянет друг к другу. — Она замолчала и неуверенно улыбнулась. — Но вы же не можете не понимать, что мы совершенно неподходящая пара! Я создана для спокойного, скромного существования — ваш же образ жизни слишком искрометен и тороплив для меня. Очень скоро вам станет со мной скучно, захочется от меня освободиться...

— Нет.

— ...а для меня было бы просто несчастьем жить с человеком ваших appetitов и

амбиций. Одному из нас пришлось бы меняться, это породило бы обиды, и наш брак пришел бы к краху.

— Вы не можете быть в этом уверены.

— Я не могу позволить себе так рисковать, — возразила она, и по голосу было ясно, что решение ее окончательно.

Бронсон смотрел на нее сквозь полумрак так пристально, словно пытался проникнуть в ее мысли. Затем подошел к ней и сел рядом на корточки. Он напугал ее — внезапно его рука сомкнулась на ее маленьком холодном кулачке.

— Есть что-то, о чем вы умалчиваете, — тихо сказал он. — Что-то вас тревожит... вызывает страх. Это я? Мое боксерское прошлое? Или...

— Нет, — ответила она, и смех застрял у нее в горле, — конечно, я вас не боюсь.

— Я всегда распознаю страх, — настаивал он.

Холли покачала головой.

— Мы должны забыть об этой ночи, — вымолвила она. — Иначе мне придется взять Розу и немедленно уехать. А мне не хочется покидать ни вас, ни вашу семью. Я хотела бы остаться здесь и выполнить наше соглашение. Давайте договоримся, что больше не будем касаться этой темы.

Его глаза сверкнули огнем.

— Вы считаете, что это возможно?

— Придется, — прошептала она. — Пожалуйста, Закери, обещайте, что вы попытаетесь.

— Я попытаюсь, — повторил он бесцветным голосом.

Она прерывисто вздохнула.

— Благодарю вас.

— Теперь вам лучше уйти, — произнес он без улыбки. — Ваш вид в ночной сорочке сводит меня с ума.

Если бы Холли не чувствовала себя такой жалкой, это замечание ее позабавило бы. Из-за множества оборок, украшающих ночную сорочку и накидку, ее нынешнее одеяние гораздо больше скрывало тело, чем обычное дневное платье. В таком наряде только пылко влюбленному она могла показаться соблазнительной.

— А вы тоже пойдете к себе? — спросила Холли.

— Нет. — Он двинулся к буфету, пояснив через плечо:

— Мне нужно выпить.

Она скривилась, но попыталась изогнуть губы в улыбке.

— В таком случае спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Он не смотрел на нее и не шевелился, когда слушал звуки ее удаляющихся шагов.

В течение двух недель Холли почти не виделась с Бронсоном. По-видимому, он нарочно держал дистанцию, пока не улягутся страсти и они не вернутся к прежним дружеским отношениям. Целыми днями он работал в своей городской конторе и редко приезжал обедать. Домой он возвращался только поздно ночью, а утром вставал с красными глазами и неподвижно-напряженным лицом. Остальные члены семейства Бронсона никак не комментировали его распорядок, но Пола, похоже, понимала, чем это вызвано.

— Я хочу, чтобы вы, миссис Бронсон, были уверены, — осторожно начала Холли как-то утром, — что я никогда не причинила бы никому из членов вашей семьи зла нарочно...

— Миледи, это не ваша вина, — ответила Пола с присущей ей откровенностью и ласково похлопала Холли по руке. — Вы — первое, что не удалось заполучить моему сыну. По моему мнению, это полезно: он наконец-то узнал, что возможности его не беспредельны. Я предупреждала его, что выше головы не прыгнешь.

— Он говорил с вами обо мне? — спросила Холли, покраснев.

— Ни слова. Но мать все и так понимает.

— Он удивительный человек, — начала Холли серьезно. Не дай Бог Пола подумает, что, по ее мнению, Закери для нее недостаточно хорош!

— Да, я тоже так думаю, — спокойно согласилась Пола. — Но это не значит, что он подходит вам, миледи.

Когда Холли убедилась, что матушка Бронсона не считает ее виноватой в создавшейся ситуации, ей должно было бы полегчать. Но этого не случилось. Каждый раз, когда она видела Закери, какой бы короткой и случайной ни была эта встреча, ее охватывало непреодолимое томление. Она уже сомневалась, что сможет прожить в этом доме до конца года, как обещала. Она целиком посвятила себя Розе и дамам Бронсон и старалась ни на минуту не остаться без дела. А дел было много, в особенности теперь, когда Элизабет начала выезжать. Огромный холл заполняли то и дело привозимые букеты роз и весенних цветов, и на серебряном подносе у двери каждый день лежала груда визитных карточек, оставляемых исполненными надежд поклонниками.

Как и предсказывала Холли, сочетание красоты и богатства, не говоря уж о живости и обаянии Элизабет, привлекало множество мужчин, более чем охотно закрывавших глаза на ее происхождение. И Холли, и Пола теперь постоянно присутствовали при визитах, катании в экипажах, на пикниках, а число поклонников Элизабет все росло. Но был среди них один, который, кажется, более прочих вызывал интерес Элизабет, — архитектор Джейсон Соумерс.

Среди молодых людей были люди с лучшей родословной и большим состоянием, но никто из них не обладал обаянием и самоуверенностью Джейсона. Он был наделен весьма яркими способностями и честолюбием и чем-то походил на брата Элизабет. Холли считала, что Джейсон в состоянии уравновесить пылкий темперамент Элизабет своей спокойной силой. То была бы хорошая пара, и союз их мог стать счастливым.

Однажды Джейсон пришел с утренним визитом, и Холли случайно увидела, как они возвращались с прогулки по саду.

— ...и потом, вы недостаточно высоки для меня ростом... — говорила Элизабет, и в ее голосе пенился смех.

Они вошли через французское окно и направились к галерее мраморной скульптуры. Холли случайно шла по галерее и остановилась в дальнем ее конце. Ее скрывала огромная статуя какого-то крылатого древнеримского бога.

— Да что вы говорите! Коротышкой меня никто еще не называл! — возражал Джейсон. — Я на добрых два дюйма выше вас.

— Ничего подобного!

— Выше, — упорствовал он, потом вдруг резко притянул Элизабет к себе. Когда ее стройная фигура встала рядом с Джейсоном, оказалось, что они совершенно одинакового роста. — Видите? — сказал архитектор; он внезапно охрип.

Лицо Элизабет стало серьезным, она замолчала, внимательно глядя на него, и в глазах ее появилось робкое ожидание. Холли подумала, что нужно вмешаться в происходящее: ведь Элизабет не знает, как вести себя в подобной ситуации. Но ее остановило изменившееся лицо Джейсона, так преобразили его нежность и желание. Он наклонил голову, чтобы шепнуть ей что-то на ухо, Элизабет порозовела, и ее рука робко легла ему на плечо.

Холли тоже немного покраснела и тихонько скользнула прочь, оставив этих двоих наедине. Ах, как это было давно: Джордж точно так же ухаживал за ней, и она была невинной и исполненной надежд! Но теперь эти воспоминания будто истерлись и уже не доставляли прежней радости. Жизнь с Джорджем казалась ей нынче давним сном.

Пребывавшая в меланхолии Холли провела остаток утра, играя с Розой, после чего поручила дочь заботам Мод. Она отказалась от второго завтрака, так как аппетит у нее пропал напрочь. Холли нашла в библиотеке какой-то роман и, взяв его, отправилась погулять в сад. Небо затянули тучи, ветер пробирал до костей, и Холли пришлось поплотнее закутаться в свою коричневую шаль. Она миновала каменный стол, скамью, обрамленную вазонами с цветами, и наконец отыскала местечко, где можно почитать. То была беседка шириной в двенадцать футов. Окна прикрывали деревянные ставни, внутри стояли скамьи. Их сиденья и спинки были обиты плотной зеленой тканью, от которой слабо, но не неприятно пахло затхлостью.

Устроившись на скамье, Холли откинулась на спинку и принялась за чтение. Скоро она целиком погрузилась в рассказ о роковой любви — а разве бывает иная любовь? — и не обратила внимания, что загрохотал гром. Стемнело, как будто наступили сумерки, по лужайке и мощеным дорожкам громко застучал дождь. Несколько капель упали Холли на плечо, проникнув сквозь ставни, и она наконец заметила, что погода испортилась. Оторвав глаза от книги, Холли нахмурилась.

— Ну вот, — пробормотала она, поняв, что дочитала книгу почти до конца. Определенно ей пора возвращаться в дом. Но дождь уже разбушевался и, похоже, прекращаться не собирался. Со вздохом она закрыла лежащий у нее на коленях томик, прислонилась головой к стене и стала смотреть, как капли барабанят по траве и кустарнику. Беседку наполнил живой запах весеннего ливня.

Но вскоре созерцание ее было прервано: кто-то распахнул дверь и протиснулся в беседку.

Увидев огромную фигуру в насквозь промокшем пальто, она испугалась. Тихо выругавшись, Бронсон начал складывать зонтик, с которого ручьем текла вода. Пока он, чертыхаясь, боролся с непослушным зонтом, Холли, откинувшись на подушки, смотрела на него, все шире улыбаясь. Он все-таки чертовски хорош собой, не без удовольствия подумала Холли, не отводя глаз от его омытого дождем лица, черных глаз и блестящих темных волос.

— Я думала, вы в городе, — громко сказала она, пытаясь перекрыть голосом раскаты грома.

— Рано вернулся, — коротко пояснил он. — Мне удалось добраться до дому как раз перед началом грозы.

— Откуда вы узнали, что я здесь?

— Мод волновалась — она предположила, что вы где-то в саду. — Наконец он с торжествующим видом закрыл зонтик. — Найти вас было довольно легко — здесь не так много мест, где можно укрыться. — Его внимательный взгляд остановился на ее лице, и он ответил на ее улыбку быстрой усмешкой. — Так что я здесь и спасу вас, миледи!

— А мне и в голову не приходило, что меня нужно спасать, — промолвила Холли. — Я тут совсем зачиталась. Может быть, дождь скоро перестанет?

И тут словно в ответ небо еще больше потемнело, сверкнула молния, перечеркнув нависшие тучи, и раздался оглушительный раскат грома. Холли рассмеялась и посмотрела на Бронсона. Тот улыбался.

— Позвольте мне отвести вас в дом.

Холли содрогнулась, глядя на потоки дождя. Дорога к дому показалась ей поразительно длинной.

— Мы промокнем, — сказала она. — А лужайка наверняка превратилась в болото. Не лучше ли обождать, пока дождь кончится?

И, вытащив из рукава сухой носовой платок, она привстала на цыпочки и отерла мокрый лоб и щеки Бронсона. Внезапно его лицо застыло, и он замер.

— Дождь зарядил надолго. А я вряд ли смогу пробыть с вами наедине больше пяти минут. — Он снял пальто и накинул ей на плечи: в нем без труда могли бы поместиться по крайней мере еще две Холли. — Так что если вы не хотите, чтобы вас изнасиловали в беседке, — грубо бросил он, глядя в ее поднятое лицо, — то пойдемте.

Но ни один из них не пошевелился.

Холли поднесла платок к его подбородку, стерла последнюю влагу с его чисто выбритой кожи. Потом смяла мокрый кусочек батиста в кулаке и придержала лацканы пальто, готового вот-вот упасть на пол. Она не понимала, почему ей доставляет такое невыносимое удовольствие оставаться с ним наедине, почему его вид и звук его голоса действуют на нее так успокоительно и вместе с тем так волнуют ее. Их жизни переплелись всего лишь на время, и от этого ныло сердце. Он так быстро, без всяких усилий стал для нее важен!

— Я соскучилась, — прошептала она.

Она не собиралась произносить эти слова, но они сами сорвались с языка и теперь медленно парили в громовых раскатах. А Холли, как ни стыдно было в этом признаться, сходила с ума от вожделения, которое было сильнее голода, больнее боли.

— Я должен держаться от вас на расстоянии, — сердито напомнил ей Бронсон. — Я не могу быть рядом с вами и не...

Замолчав, он уставился на нее с мрачным и несчастным видом. Он не пошевелился, когда Холли сбросила с плеч пальто, когда она подошла к нему и даже обвила его шею руками. Она потерлась лицом о мокрый воротник его рубашки. Казалось, что впервые за долгое время она обрела способность дышать свободно, и тупая боль, рожденная одиночеством, исчезла наконец из ее груди.

Он тихо застонал и повернул голову, чтобы встретиться с ней губами. Затем уверенно

обнял. Окружающее расплылось, превратившись в неясное пятно, и запах дождя сменился запахом Закери.

Только один раз... мелькнула у нее безнравственная мысль. Только один... она будет этим жить, вспоминать, смаковать, когда дни ее молодости останутся далеко позади. Никто никогда не узнает.

Вокруг деревянной беседки бушевала гроза, но ее мощь не шла ни в какое сравнение с бешеным биением сердца Холли. Она отчаянным жестом потянула за узел его галстука, а развязав его, принялась расстегивать жилет и рубашку. Закери стоял неподвижно, его мощная грудь вздымалась, как кузнечный мех.

— Холли... — Голос у него был низкий, неуверенный. — Вы понимаете, что делаете?

Решительным движением она распахнула его рубашку, обнажив от шеи до пояса, и дыхание замерло у нее в груди. Он был великолепно сложен, ни унции жира, сплошные мускулы. Холли прикоснулась к нему с благоговейным ужасом, погладила твердый живот. Схватив ее за запястье, он отвел ее руку и сказал отрывисто, не сводя с нее глаз:

— Если вы прикоснетесь ко мне еще раз, я уже не смогу остановиться. Я возьму вас прямо здесь, Холли... вы поняли?

Она припала к нему, прижалась к его обнаженной груди, спрятала лицо в густых черных завитках. Она почувствовала, как оцепенение стало покидать его, крупное тело содрогнулось, большие ладони обхватили ее. Его губы нетерпеливо нашли ее рот, вызвав в ней неодолимый сладостный трепет. Несколько быстрых, легких прикосновений — и резные костяные пуговицы ее лифа уже расстегнуты, сам лиф спущен к локтям. Расстегнув крючки корсета, Закери взялся за тесемку, на которой держался верх ее сорочки, и потянул. Ее груди высвободились, выпорхнули, бело-розовые и свободные. Наполнив ладони их округлой нежной тяжестью, Закери дотронулся до сосков.

— Быстрее, — поторопила она. — Закери, пожалуйста, я... я хочу вас.

Теперь, отдавшись на милость страсти, она утратила всякий стыд, всякую сдержанность. Она хотела, чтобы он был на ней, внутри ее, хотела ощущать между ног его жар.

Заглушив ее слова поцелуем, Закери сбросил с себя жилет и рубашку, обнажив роскошный лепной торс. Он сел на зеленые подушки и посадил Холли лицом к себе, на колени. Закери притянул ее к себе и поцеловал ложбинку между грудями. Она обхватила его темную голову и задохнулась, почувствовав, как его губы сомкнулись на ее затвердевшем соске. Прикосновения его языка были нежными и жаркими.

Полувсхлип-полувздых вырвался из ее груди, и она зарылась лицом в его влажные после дождя кудри. Жесткие волосы дразнили ее, возбуждали, и она вжалась в него всем телом, как молнией пронзаемая судорогой наслаждения. Позже ей станет стыдно своего распутного поведения... гораздо позже. А теперь существовал только Закери, его гладкое мускулистое тело, его влюбленный хищный рот, и она решила насладиться каждой секундой, проведенной с ним.

Его руки скользнули ей под юбки. Прикосновения его были осторожными, почти ленивыми, медленными, доводящими до безумия. Она снова попросила его поспешить, хотя сила собственного вожделения вызывала у нее страх. Неожиданно Закери рассмеялся и несколькими умелыми движениями избавил ее от оставшихся немногочисленных преград. Тут, как ни странно, ею овладело полное легкомыслие.

— С-скажите мне, что делать, — попросила она, тревожно сознавая, что знаний у нее

маловато. Эта безрассудная встреча среди грохота и буйства стихии совершенно не походила на мирные ночные эпизоды с Джорджем. Закери Бронсон же был так ужасающе опытен, что она не представляла, как сумеет его удовлетворить.

— Вы хотите знать, как доставить мне удовольствие? — нежно прошептал он ей в ухо. — Вам для этого не нужно ничего делать.

Она прижала пылающее лицо к его плечу. До них все еще доносились раскаты грома, но этот шум уже не пугал ее. Все ее существо сосредоточилось на человеке, в чьих объятиях она находилась, на том, чье крепкое тело ощущала, на мужских руках, так нежно ее ласкающих. Кончиками пальцев он нашел нежную кожу внизу живота, погладил пушистые завитки волос... Все ее мышцы напряглись.

Постельному этикету ее никогда не обучали, но у них с Джорджем было одинаковое представление о том, как должно вести себя на супружеском ложе. Джентльмен относится к своей жене с величайшим уважением всегда, даже в минуты сокровенного единения. Он никогда не станет прикасаться к ней непристойным образом и разжигать в ней страсть. Мужчина должен ласкать любимую женщину нежно и ни в коем случае — ни движениями, ни словами — не выказывать вожделения. Ну а леди всегда должна оставаться леди.

Очевидно, Закери Бронсону никто никогда не сообщал об этом. Он шептал ей на ухо слова любви и желания, немилосердно возбуждал и дразнил ее, доводя до состояния, которое очень трудно было соотнести с понятием «леди». Возбужденная и разгоряченная, она вжималась в него все сильнее, задыхаясь, постанывая и бормоча что-то нечленораздельное.

Ее руки сжимались и разжимались, она осыпала его умоляющими поцелуями. Холли почувствовала невероятное напряжение его тела. Медленно, словно опасаясь испугать ее, он отвел руку и принялся расстегивать брюки.

Его плоть высвободилась, и тело ее содрогнулось, когда она ощутила первое жгучее прикосновение. Холли вздрогнула, почувствовав, как он вошел в нее.

— Вам больно? — Взгляд, темный, как ночь, остановился на ее лице. Это мгновение показалось ей таким потрясающе интимным, что она чуть не расплакалась. Тело ее расслабилось, и внезапно она перестала чувствовать боль, только одно наслаждение. Полностью отдавая себя, она лианой обвилась вокруг него.

Странная, дикая лихорадка овладела ею. Она любила слитое с ней грубое, плотное тело, каждое его движение, большие ладони, охватившие ее груди. И вдруг, испив последний глоток в своей неутоимой жажде, она застыла, и пылающее наслаждение алым цветком расцвело в ее глубинах. И пронзенная тысячей молний, она застонала, потом будто что-то взорвалось, и тело ее поплыло на теплой волне удовлетворения и покоя.

Она не совсем понимала, что случилось, но Закери-то понял. Следом за ней его тело напряглось, будто сведенное мучительной судорогой, он застонал, стараясь до предела слиться, вздрогнул и обмяк.

Холли казалось, что она пьяна. Она тяжело припала к его груди. Ей хотелось смеяться и плакать одновременно, и в конце концов она издала нервный легкомысленный смешок. Закери успокаивающе погладил ее, и она прижалась щекой к его плечу.

— Такого у вас никогда не было с вашим мужем, — шепнул он. Это было утверждение, а не вопрос.

Удивленная и смущенная, Холли кивнула. С трудом верилось, что они могут разговаривать, как раньше, как обычно. Гроза за стенами беседки все еще бушевала, их

окружала темнота, пронизанная дождем. И Холли словно со стороны услышала свой собственный голос:

— Мне нравилось заниматься с Джорджем любовью... это всегда было приятно. Но некоторые вещи он никогда себе не позволил бы... и я бы не стала... потому что это нехорошо, видите ли...

— Что нехорошо? — Закери вытащил несколько шпилек из ее волос, и блестящие каштановые локоны упали, точно занавес, на ее нагую спину.

Она заговорила медленно, тщательно подбирая слова:

— Женщина должна смирять мужские инстинкты, а не пробуждать их. Я уже говорила вам, чем должен быть...

— Возвышенным проявлением любви, — перебил он, играя ее волосами. — Соединением душ.

Холли удивилась, что он это запомнил.

— Да, именно так. Нельзя давать волю вожделению.

Она почувствовала, что он улыбнулся.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы время от времени дать ему волю.

— Вы-то, конечно, не видите. — Она попыталась сдержать ответную улыбку.

— Теперь вы, пожалуй, решите, что непозволительно пали, — задумчиво протянул он.

— Я только что вступила в запретные отношения с моим работодателем в садовой беседке. Не думаю, что кто-то назвал бы это доказательством моих твердых моральных устоев.

Она стала отодвигаться от него и ахнула. Невыносимое унижение — она вся была мокрая! Она поискала, чем бы вытереться. Закери протянул руку к карману пальто. На этот раз носовой платок нашелся быстро.

— Никогда не видел, чтобы женщина краснела с головы до ног.

Вывхватив из его рук платок, она отвернулась, насколько это было возможно.

— Просто поверить не могу что это была я, — проговорила она сдавленно.

— Я сохраню в памяти этот вечер до конца своих дней, — отозвался Закери. — Я велю позолотить эту беседку, а над входом повешу табличку.

Холли резко повернулась, испугавшись, что он говорит серьезно, но увидела, что в его глазах мерцает смех.

— О, как вы можете шутить! — И, передернувшись, она хотела было оправить свое платье, сбившееся огромным комком вокруг ее стана.

— Стойте смирно. — И он ловко подал ей белье, затем застегнул крючки корсета, а потом помог просунуть руки в рукава. Он так хорошо разбирался в женском туалете, что это просто приводило в уныние. Не стоило и сомневаться, что у него было множество подобных историй... И она, Холли была самой последней в очень длинной веренице его дам.

— Закери, — начала она, закрыв глаза, но он, держа ее волосы в руке, прижался губами к шее. Его бархатные губы скользили по коже, и она, застонав, припала к его груди. — Почему все мои принципы куда-то исчезают, когда дело касается вас? — печально спросила она. — Нет сомнений, что вам это раньше говорили десятки других женщин.

— Я не помню никаких других женщин, — сказал он.

Она засмеялась, не веря, но он повернул ее к себе, и его руки властно скользнули по ее талии и бедрам.

— То, что сейчас произошло между нами, Холли... я не знаю, можно ли назвать это

соединением душ, но такой близости у меня никогда больше не будет.

— Это мгновение, выпавшее из времени. — Она не сводила глаз с его груди. Ее рука сама по себе поднялась и погладила твердые, выпуклые мускулы. — Оно не имеет ничего общего с нашей реальной жизнью. Мне не следовало... просто... мне хотелось побыть с вами хотя бы один раз. Мне так сильно этого захотелось, что все остальное перестало иметь значение.

— И вы думаете, что теперь мы сможем делать вид, будто ничего не случилось? — с недоумением спросил он.

Холли сглотнула и покачала головой, подавляя желание вновь припасть к его широкой груди и расплакаться, как дитя:

— Ну конечно, нет. Я... не могу больше оставаться здесь.

— Холли, милая, дорогая, вы ведь не считаете в самом деле, что я вас отпущу? — И он привлек ее к себе и осыпал поцелуями.

Никогда раньше Холли не знала, что радость и боль бывают так неразделимы. Она в ответ стала целовать его с яростным обожанием, крепко прижимая к себе, стараясь запастись впрок, на все долгое печальное будущее. Наконец, усилием воли оторвавшись от него, она принялась оправлять юбки и суетливо искать туфли — одна оказалась посередине беседки, другая — под скамьей. Закери молча стоял у нее за спиной.

Вздохнув, Холли устремила взгляд куда-то в обрызганное дождем окно, туда, где высокий, аккуратно подстриженный кустарник растворялся во влажном тумане.

— Я и раньше знала, что мне придется уехать, — сказала она, не оборачиваясь к Закери. — Теперь же других вариантов нет — я не могу больше жить с вами под одной крышей.

— Я не хочу, чтобы вы уезжали.

— Мои чувства к вам ничего не могут изменить. Я должна это сделать.

Он долго молчал.

— Вы все еще собираетесь выйти за Рейвенхилла, — констатировал он бесцветным голосом. — Даже сейчас.

— Нет, дело не в этом. — Холли стало холодно. Жаркое облако, все это время окутывавшее их, исчезло. Она попыталась подумать о будущем, но какое бы направление ни выбрала ее беспокойная мысль, она ощущала только пустоту и страх. И Холли почувствовала трусливое инстинктивное желание отступить к привычному, спокойному руслу, пойти по тропе, которая была выбрана для нее сначала родителями, потом Джорджем. — Я не знаю, что будет с Рейвенхиллом. Я даже не знаю, захочет ли он.

— О, он-то захочет! — Закери повернул ее к себе. Он был огромен и мрачен и смотрел на нее с каким-то задумчивым негодованием. — За все, что я получал, я должен был бороться. Но за вас я бороться не стану. Вы придете ко мне, если сами захотите. Будь я проклят, если начну вас запугивать или умолять. Полагаю, в глазах света один Рейвенхилл стоит примерно сотню Бронсонов. Все одобряет, если вы выйдете за него, в особенности когда узнают, что этого хотел Джордж. И вы даже будете счастливы какое-то время. Но в один прекрасный день вы поймете, что совершили ошибку. А для нас будет уже слишком поздно что-нибудь изменить.

Холли побледнела, но все же выдавила:

— Наш договор... Я верну деньги...

— Оставьте их для Розы. Она не должна пострадать оттого, что ее мать оказалась

трусихой.

Она опустила повлажневшие глаза.

— Теперь вы стали жестоким, — прошептала она.

— Я уже могу вести себя как джентльмен почти всегда, но только не тогда, когда я вас теряю. Не ждите, Холли, что я отнесусь к этому по-джентльменски.

Проведя рукой по глазам, она с трудом выговорила:

— Я хочу вернуться в дом.

* * *

Несмотря на пальто Закери и зонтик, Холли совершенно вымокла к тому времени, когда они добрались до дома. Они вошли через французское окно, ведущее в галерею со скульптурой. Оконные стекла, испещренные потоками дождя, украсили помещение причудливым серебристым узором. Казалось, что статуи тоже разрисованы капельками и струйками. С Закери ручьем стекала вода, но он не замечал этого, печально глядя на шедшую впереди него упрямую женщину. Она дрожала, была натянута как струна, но так далека от него, так переполнена своими обязательствами и обещаниями, что с таким же успехом их могла разделять гранитная стена.

Миниатюрное бледное лицо в ореоле струящихся прядей каштановых волос казалось ликом потерявшей надежду наяды. Ему больше всего на свете хотелось унести ее наверх, снять мокрую одежду, согреть...

— Завтра я поговорю с вашей матушкой и сестрой, — нетвердым голосом пообещала Холли. — Скажу, что моя работа у вас закончена и у меня нет причин оставаться здесь. В конце недели мы упакуем вещи и съедем.

— Завтра я уеду в Дьюрхем, — сообщил Закери. — Я скорее дам себя изжарить в аду, чем смотреть, как вы уезжаете, притворяться, прощаться с вами, желать всего хорошего и делать вид, будто все в порядке.

— Да. Конечно.

Она стояла перед ним, несчастная, но несгибаемая. Холли была так чертовски ранима, полна сожалений, неподатлива — и так явно влюблена в него. Закери приводило в ярость, что честь и здравый смысл значат для нее больше, чем он. Она заставила себя ответить на его взгляд, и в ее глазах блеснул страх. Неужели Холли боится доверить ему свое будущее? Он знал, как убеждать, уламывать, соблазнять людей, чтобы они сделали то, что им не хочется делать, но он не стал бы использовать свое умение по отношению к ней. Она должна выбрать его сама, и ясно, что она никогда не решится сделать это.

Закери охватило чувство безнадежности поражения, и ему вдруг захотелось оказаться подальше от нее, прежде чем он скажет или сделает что-то такое, о чем потом будет жалеть.

— Еще пару слов. — Голос его прозвучал гораздо резче, чем ему хотелось. — Если вы оставите меня сейчас, не возвращайтесь. Я не даю повторных шансов.

Из глаз Холли потекли слезы, и она поспешно отвернулась.

— Мне очень жаль, — прошептала она и бросилась прочь по галерее.

— Не понимаю, — жалобно сказала Элизабет. — Я что-то сделала не то, или... вы наконец решили, что я не поддаюсь обучению? Миледи, я буду стараться, обещаю вам...

— К вам это не имеет ни малейшего отношения, — поспешила успокоить ее Холли.

После бессонной ночи она двигалась как в тумане, но твердо знала, что решение ее останется неизменным. Она должна так поступить, прежде чем совершит еще какие-нибудь безумства. Собственное тело казалось ей чужим, оно было еще полно отголосками вчерашних ощущений. До этого она никогда не знала соблазнов плоти, не понимала, как они способны пускать под откос человеческие жизни, разрушать семьи, сводить на нет священность обетов. Зато теперь она понимала, что толкает мужчин и женщин в объятия друг другу и почему ради этих внезапно возникших связей они готовы рискнуть всем.

Джордж просто не узнал бы свою нежную, добродетельную жену в женщине, отдававшейся Закери Бронсону. Джордж пришел бы в ужас от того, во что она превратилась. Пристыженная и уstraшенная, Холли велела Мод поскорее начать укладывать вещи. Она, как могла осторожно, попыталась объяснить Розе, что пришло время возвращения к Тейлорам, и разумеется, девочка была очень огорчена этим сообщением.

— Но мне нравится здесь! — сердито закричала Роза, и из ее карих глаз потекли слезы. — Я хочу остаться в этом доме, мама! Ты можешь возвращаться, а мы с Мод останемся здесь!

— Мы не дома, Роза, — возразила Холли. — Ты хорошо знаешь, что мы не собирались оставаться здесь навсегда.

— Ты говорила, что это на год, — не сдавалась Роза, схватив в охапку мисс Крампет, точно Холли намеревалась ее обидеть. — А год еще не прошел, совсем не прошел, и ты еще не научила мистера Бронсона хорошим манерам.

— Он уже научился всему, что нужно, — твердо заявила Холли. — Перестань шуметь, Роза. Я понимаю, почему ты так себя ведешь, и меня это очень огорчает. Но тем не менее не следует беспокоить Бронсонов.

Когда Роза умчалась прочь и исчезла где-то в недрах огромного дома, Холли попросила женскую половину семьи Бронсонов встретиться с ней в гостиной. Ей нелегко далось сообщение о том, что она покинет их дом через два-три дня. Она сама удивилась, поняв, как ей будет не хватать Элизабет и Полы.

— Это все Зак! — воскликнула девушка. — Он последнее время просто ужасно злой, как затравленный медведь. Он вам нагрубил? Это он виноват, что вы уезжаете? Я поговорю с ним сию же минуту и вобью ему в голову, что...

— Тише, Лиззи. — Сочувственный взгляд Полы остановился на Холли. — Ты ничего не уладишь, если будешь вмешиваться, только хуже сделаешь. Если леди Холланд желает уехать, значит, так ей лучше. А мы можем только выразить ей за всю ее доброту нашу благодарность, а не мучить ее глупыми вопросами.

— Благодарю вас, миссис Бронсон, — прошептала Холли, не в силах поднять глаза на мать своего любовника. У нее появилось ужасное подозрение, что Пола догадывается о произошедшем.

— Но я не хочу, чтобы вы уезжали, — продолжала упорствовать Элизабет. — Я буду страшно скучать... вы самая любимая подруга из всех, что у меня были, и... ах, что я буду

делать без Розы?

— Мы будем видеться. — Холли тепло улыбнулась девушке, глаза ее щипало от слез. — Мы останемся близкими друзьями, Лиззи, и вы сможете навещать нас с Розой, когда захотите. — Чувствуя, что все увеличивающийся в горле ком вот-вот удушит ее, Холли встала. — Извините, но мне нужно столько всего упаковать...

И она торопливо вышла, прежде чем кто-либо заметил ее слезы.

— Неужели леди Холли поссорилась с Заком? — успела услышать Холли вопрос Элизабет. — Поэтому его совсем не видно, а она собралась уезжать?

— Все это не так просто, Лиззи... — послышался осторожный ответ Полы.

Да, все это не просто.

Холли попыталась представить, что будет, если она выйдет за Закери и окунется в его чуждую, слишком бурную для нее жизнь. Бросить все, чем она жила, что было ей дорого... стать действительно другим человеком... Она мучилась от жестокого желания, она хотела Закери всем своим существом, но что-то в ней восставало и тянуло прочь. Она пыталась найти объяснение, понять причину своего страха, но истина все время ускользала от нее.

* * *

Закери никогда не мирился с поражением. Нет, в мелочах и у него случались неудачи, но он всегда знал, что по большому счету он все равно добьется своего. Так что ощущение настоящей, большой потери ему было неведомо. До этого самого момента. И сейчас он был зол и несколько обезумел. Ему, например, хотелось кого-то убить. Или плакать. Но больше всего ему хотелось посмеяться над собой — дураком. В бессмысленных историях, которые по вечерам читала вслух Холли, говорилось о древних греках и их любвеобильных, беспечно-жестоких богах. Там смертные всегда карались за то, что слишком заносились. То есть, как объяснила однажды Холли, за гордыню. Или избыток честолюбия.

Закери понимал, что именно в этом-то он и виноват и за гордыню свою теперь расплачивается. Зачем он пожелал женщину, явно для него не предназначенную? Но больше всего его мучило подозрение, что он на самом деле мог бы заполучить ее — запугав или подкупив. Нет, он не стал бы применять к ней такие методы. Да и его нутро против этого бы восстало.

Он хотел, чтобы она любила его так же добровольно и радостно, как любила Джорджа. Сама мысль об этом заставила бы многих посмеяться. Даже его она позабавила. Что должна чувствовать Холли, сравнивая его со своим мужем-святым? Закери — простолюдин, выскочка, грубиян — прямая противоположность джентльмену Тейлору. Ясное дело, она права, выбрав Рейвенхилла, с ним она сможет жить так, как жила с Джорджем.

Не переставая хмуриться, Закери прошел в библиотеку, чтобы взять пачку бумаг, которые необходимо захватить в Дьюрхем. Наверху слышалась суэта: Мод с горничными укладывала в сундуки и чемоданы имущество леди Холланд... другие слуги в то время паковали костюмы и галстуки Закери. Будь он проклят, подумал Закери, если станет наблюдать, как Холли уезжает из его дома! Он уедет первым.

Протянув руку к письменному столу, он принялся рыться в груде бумаг, не сразу заметив, что в библиотеке он не один. Неожиданно из глубины большого кожаного кресла раздался тоненький писк, и Закери, чертыхнувшись, резко повернулся.

Там сидела Роза с мисс Крампет, выглядевшая такой крохотной на фоне массивной мебели. Сердце Закери упало: он увидел, что личико девочки покраснело от слез.

Похоже, женщинам из дома Тейлоров постоянно требуются носовые платки. Тихонько выругавшись, Закери поискал таковой в своих карманах, но искомого не обнаружил. Тогда он развязал свой батистовый шейный платок, сдернул его и поднес к носу Розы.

— Высморкайтесь, — пробормотал он, что она немедленно и сделала. Потом хихикнула: видимо, новый способ применения шейных платков показался ей весьма забавным.

— Вы ведете себя очень глупо, мистер Бронсон!

Закери присел перед ней на корточки, посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— Что случилось, принцесса? — осторожно спросил он. Роза с готовностью высказала, что у нее на душе:

— Мама говорит, что мы должны уехать. Мы опять будем жить в доме моего дяди, а мне хочется остаться здесь.

Личико ее скривилось, и Закери почувствовал, будто ему ударили в грудь. Страх... любовь... но больше всего — боль. Прощание с Холли не до конца убило его, но это, конечно же, его прикончит. Он успел полюбить эту очаровательную малышку с ее вечно липкими от сладостей ручками, неизменными пуговицами, веселыми кудряшками и карими глазами, так похожими на глаза ее матери. Не будет больше чаепитий с мисс Крампет, сидения в гостиной перед камином и сочинения сказок о кроликах и капусте, драконах и принцессах, и маленькие руки не будут больше с таким доверием сжимать его неуклюжие ручки.

— Скажите маме, что мы должны остаться здесь, с вами, — приказала Роза. — Вы можете заставить ее остаться, я знаю, можете!

— Мама знает, что для вас лучше, — пробормотал Закери, все еще пытаясь улыбаться, хотя в душе у него все умирало. — Будьте хорошей девочкой и делайте так, как она говорит.

— Я всегда хорошая девочка, — сказала Роза и шмыгнула носом. — Ах, мистер Бр... что станет с моими игрушками?

— Я пришлю их к Тейлорам все до одной.

— Они там не поместятся. — Пухлой ручкой она вытерла слезу, побежавшую по щеке. — Тот дом гораздо, гораздо меньше вашего.

— Роза... — Закери вздохнул и прижал ее головку к своему плечу. Она приникла к нему, ласково погладила его по небритому подбородку. Но тут же вскочила.

— Вы помните мисс Крампет!

— Простите. — С виноватым видом он расправил маленькую голубую шляпку куклы.

— А я буду видаться с вами и Лиззи? — жалобно спросила Роза.

Закери не мог ей солгать:

— Боюсь, не очень часто.

— Вы будете ужасно скучать без меня, — предрекла она, вздохнула и начала шарить в кармашке своего передничка.

Что-то случилось с глазами Закери, перед ними все поплыло, и он никак не мог с этим справиться!

— Каждый день, принцесса.

Роза достала из кармашка какой-то маленький предмет и протянула его Закери.

— Это вам, — сказала она. — Это моя ароматная пуговица. Когда станет грустно, вы

сможете ее понюхать, и вам полегчает. Мне она всегда помогает.

— Принцесса. — Закери старался, чтобы голос его звучал спокойно. — Я не могу принять вашу любимую пуговицу. — Он попытался вернуть подарок, но девочка оттолкнула его руку.

— Она вам нужна, — настаивала Роза. — Храните ее, мистер Бронсон. Не потеряйте.

— Ладно. — Закери зажал пуговицу в кулаке и наклонил голову, обуреваемый чувствами, с которыми не мог совладать. Он собственными руками сделал все это. Он составил план и осуществил его — леди Холланд Тейлор поселилась в его доме. Но он не имел понятия о том, каковы будут последствия. Если бы он только знал...

— Вы что, сейчас заплачете, мистер Бронсон? — озабоченно спросила малышка.

Ему удалось изобразить что-то наподобие улыбки.

— Попробую сдержаться, — ответил он каким-то чужим голосом. Он ощутил у себя на щеке маленькую ручку, затем Роза поцеловала его в нос.

— До свидания, мистер Бронсон, — шепнула она и ушла, нитка с пуговицами волочилась за ней.

* * *

Утро еще не кончилось, когда его карета была готова к отъезду. Больше его дома ничто не удерживало. Обдумав все, что было сказано между ним и Холли, он понял, что дальнейшими разговорами ничего не добьется. Он предоставил ей выбор, и она сама должна решать, ехать ей или оставаться.

Но следовало уладить еще одно маленькое дельце. Убедившись, что Холли увела Розу в сад, Закери поднялся в ее спальню. Мод была там, она держала в руках высокую стопку сложенной одежды, неся ее от гардероба к кровати. Увидев его в дверях комнаты, она вздрогнула.

— С-сэр? — настороженно произнесла она.

— Я хочу кое о чем попросить вас, — заявил он.

Мод, судя по выражению ее лица, пребывала в полнейшем недоумении. Кроме того, ей явно неловко было оставаться с ним наедине, в комнате, где повсюду были разбросаны вещи Холли. На кровати также лежала кучка ее вещей — щетка для волос, несколько расчесок, коробочка из слоновой кости, маленькая рамка в кожаном футляре. Он не обратил бы внимания на эту рамку, если бы Мод не попыталась незаметно убрать ее с глаз долой.

— Могу я что-нибудь сделать для вас, сэр? — смущенно спросила горничная. — Принести что-то или починить, или...

— Нет, не в этом смысле. — Его взгляд устремился на рамку. — Что это такое?

— Ах, это... ну, это принадлежит леди Холли и... ей не понравится, сэр, если вы... — говорила Мод в смятении, меж тем как Закери протянул руку и взял рамку с кровати.

— Это миниатюра? — спросил он, ловко вытряхнув из кожаного футляра его содержимое.

— Да, сэр, но... вам, право же, не след... ох ты Господи!

Пухлые щеки Мод покраснели, она вздохнула, кротко и огорченно, а Закери стал разглядывать маленький портрет.

— Джордж, — спокойно отметил Закери.

Он никогда не видел изображений этого человека, не хотел их видеть. Вполне естественно, что Холли хранит портрет покойного мужа. Но Закери и в голову не приходило попросить показать ему портрет Джорджа Тейлора, а Холли, естественно, ни за что не осмелилась бы предложить ему это. Возможно, Закери ожидал при виде вечного соперника ощутить некую враждебность. Но сейчас, глядя на миниатюру, он чувствовал только странную жалость.

Он всегда думал о Джордже как о своем сверстнике, но лицо на портрете было невероятно молодым, его украшали бачки, которые походили на пух. Закери вдруг сообразил, что Тейлору было не больше двадцати четырех лет, когда он умер, почти на десять лет меньше, чем ему сейчас. Этот красивый мальчик с золотистыми светлыми волосами и безмятежными синими глазами ухаживал за Холли и любил ее. Джордж умер, едва испробовав вкус жизни, оставив вдовой девочку, еще более невинную, чем он сам.

И как бы того ни хотелось Закери, он не мог упрекать Джорджа Тейлора за то, что тот попытался защитить Холли, устроить ее дальнейшую жизнь, обеспечить свою дочь. Как больно было бы Джорджу, узнай он, что из всех мужчин в мире именно Бронсон соблазнит и сделает несчастной его жену.

— Проклятие, — прошептал Закери, засовывая миниатюру обратно в кожаный футляр и кладя ее на место.

Мод настороженно смотрела на него.

— Так я могу что-то для вас сделать, сэр?

Закери коротко кивнул и сунул руку в карман.

— Я хочу, чтобы вы взяли вот это, — сказал он, доставая маленький мешочек, наполненный золотыми монетами. Для служанки вроде Мод это было целое состояние. — Возьмите и обещайте мне, что, если леди Холланд что-то понадобится, вы мне сообщите.

Горничная застыла от удивления. Через несколько секунд она взяла мешочек, ощутила его тяжесть и уставилась на Закери широко раскрытыми глазами.

— Вам ни к чему платить мне за это, сэр.

— Берите, — настойчиво и грубовато произнес он.

Мод нехотя опустила мешочек в карман передника.

— Вы были хорошим хозяином, сэр. Не волнуйтесь за леди Холланд и Розу, я буду верно служить им и сообщу вам, если что случится.

— Хорошо. — И он повернулся к двери. Потом остановился: ему захотелось выяснить один вопрос. — Почему вы пытались спрятать от меня эту миниатюру, Мод?

Она покраснела, но взгляд ее был прям и честен.

— Я не хотела, чтобы вы ее видели, сэр. Я ведь знаю, как вы относитесь к леди Холланд.

— Неужели? — безразлично произнес он.

Горничная оживленно закивала:

— Она славная, кроткая, и нужно иметь камень вместо сердца, чтобы не полюбить ее. — Тут Мод понизила голос и доверительно продолжила:

— Между нами говоря, сэр, я думаю, что, если бы моя госпожа была вольна выбирать себе мужа, она вполне могла бы положить на вас глаз. Ясно, как Божий день, что она к вам равнодушна. Но милорд унес с собой в могилу ее сердце.

— Она часто смотрит на эту миниатюру? — поинтересовался Закери, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение.

Круглое личико Мод напряглось — она вспоминала.

— Не так уж часто с тех пор, как мы приехали сюда жить, сэр. Насколько я знаю, леди Холланд не доставала ее уже целый месяц или около того. Видите, она даже малость запылилась.

Почему-то это сообщение успокоило Закери.

— Прощайте, Мод, — сказал он, направляясь к двери.

— Всего вам хорошего, сэр, — тихо ответила она.

* * *

Вернувшись из сада, Холли прошла в свою комнату и застала горничную за разборкой вещей.

— Вы отлично поработали, Мод, — заметила она со слабой улыбкой.

— Ага, миледи. Я бы еще больше сделала, только вот хозяин зашел сюда и помешал. — Мод проговорила это небрежно, будто невзначай, продолжая заниматься своим делом.

Холли донельзя удивилась.

— Вот как? Зачем же? Он искал меня?

— Нет, миледи, он только попросил меня заботиться о вас и о мисс Розе, и я ему обещала.

— Понятно. — Холли протянула руку за льняной нижней юбкой и попыталась аккуратно сложить ее, но результат оказался плачевен. — Как он добр, — прошептала она, прижимая скомканную юбку к груди.

Мод бросила на нее довольный, сочувственный взгляд.

— Не думаю, миледи, что он сделал это по доброте душевной. Вид у него был такой, будто он томится от любви, ну прямо как зеленый юнец. Честно говоря, у него было в точности такое лицо, какое сейчас у вас. — Заметив, что Холли вцепилась в многострадальную нижнюю юбку и вот-вот порвет, горничная ахнула и попыталась забрать ее.

Холли выпустила юбку из рук.

— Вы не знаете, Мод, где мог бы сейчас находиться мистер Бронсон?

— На дороге в Дьюрхем, наверное. Не в таком он был настроении, чтобы мешкать, миледи.

Холли бросилась к окну, из которого открывался вид на подъездную дорожку. Увидев огромную черную карету Бронсона, удаляющуюся по обрамленной деревьями аллее, Холли разочарованно вздохнула. Она приложила ладони к оконному стеклу, к его холодной поверхности. Губы ее задрожали, она отчаянно пыталась овладеть собой. Он уехал, а скоро уедет и она. Все это к лучшему. Она правильно поступает. Пусть он найдет себе молодую, неиспорченную девушку, с которой у них все будет впервые: клятвы, брачная ночь, ребенок...

Что же до нее... Она прекрасно понимала, что, если она вернется к Тейлорам, ей суждено оставаться там навсегда. Она не будет настаивать, чтобы Рейвенхилл выполнил свое обещание, — нельзя лишать его возможности встретить ту, кого он полюбит по-настоящему.

— Вернусь к тому, с чего начала, — прошептала Холли, с тревогой думая о том, как она снова будет жить с родственниками мужа. Разве что теперь она стала еще грустнее и немного мудрее и уже не так уверена в собственной моральной непогрешимости.

Молодая женщина не сводила глаз с кареты, пока та не достигла конца аллеи и не скрылась за деревьями.

— Чего вам нужно, миледи, так это немного времени, — раздался у нее за спиной деловитый голос Мод. — Вы же знаете, время почти все излечивает.

Холли молча кивнула, хотя подозревала, что в данном случае горничная ошибается. Никакое время не утихомирит снедающую ее страсть — неумную тягу тела и души к Закери Бронсону.

Тейлоры восприняли возвращение Холли, как если бы блудная дочь вернулась в отчий дом. Конечно, не обошлось без язвительных комментариев. Ни один из них не смог удержаться от того, чтобы выразить общее мнение, напомнив о серьезной ошибке, которую она совершила. До своего отъезда она вызывала восхищение и уважение широкого круга их знакомых, сейчас ее репутация сильно пострадала. В денежном смысле отношения с Закери Бронсоном пошли ей на пользу, но в глазах общества Холли, несомненно, пала.

Ее это не тревожило. Тейлоры сумеют оградить ее от многих, если не от всех, оскорблений. А к тому времени, когда Розе исполнится восемнадцать лет и она станет богатой невестой, давнишний скандал, касающийся ее матери, окончательно забудется.

Холли не делала никаких попыток связаться с Рейвенхиллом, зная, что слухи о ее переезде скоро дойдут до него.

Действительно, не прошло еще и недели после их переселения к Тейлорам, когда он пришел с визитом. Томас, Уильям и их жены встретили его дружелюбно. Высокий, белокурый Рейвенхилл казался доблестным рыцарем, явившимся на помощь попавшей в беду деве. Выйдя к нему в гостиную, Холли собиралась сказать, что нет никакой надобности спасать ее. Тем не менее он не замедлил сообщить ей с присущей ему прямолинейностью, что воля Джорджа является также и его желанием.

— Итак, вы вернулись на путь истинный, — заметил Рейвенхилл. Лицо его было серьезно, и только в глазах мерцало что-то озорное.

Эта непочтительность застала молодую женщину врасплох, и она не сумела удержаться от смеха.

— Будьте осторожны, имея дело со мной, милорд, — весело предостерегла она, — ваша репутация может пострадать.

— Уверяю вас, после того как я три года безбожно пьянствовал в Европе, мне нечего бояться. — Холли на это улыбнулась, и лицо его смягчилось. — Я не упрекаю вас за то, что вы жили у Бронсонов, — сказал он. — Ведь я сам виноват в этом. Мне следовало приехать к вам несколькими годами раньше и позаботиться о вас, как я и обещал Джорджу.

— Уордон, что касается этого обещания... — Холли замолчала и устремила на него беспомощный взгляд, щеки ее зарделись.

— Да? — осторожно поторопил он.

— Я знаю, мы решили обсудить эту тему, — продолжила Холли, — но теперь я думаю... нет никакой надобности... вы и я...

Кончики длинных пальцев Рейвенхилла легко и ласково, точно перышки, коснулись ее губ, призывая к молчанию. Изумленная Холли не пошевелилась, когда он порывисто схватил ее за руку.

— Представьте себе брак между близкими друзьями, — сказал он, — людьми, которые доверяют друг другу. С одинаковыми идеалами и взглядами. Им интересно вместе, они питают взаимное уважение. Вот чего я хочу. Ничто не мешает, чтобы у нас все было именно так.

— Но вы меня не любите, Уордон. И я не...

— Мое имя оградит вас от нежелательных разговоров, — прервал он ее.

— Но его недостаточно, чтобы полностью прекратить скандальные слухи...

— Это лучше, чем то, что у вас есть сейчас, — рассудительно заметил он. — Кроме того, кое в чем вы ошибаетесь. Я вас люблю. Я знал вас еще до того, как вы вышли замуж за Джорджа. Я никогда не любил и не уважал ни одну женщину сильнее. И потом, повторяю, я придерживаюсь того убеждения, что лучший брак — союз друзей.

Холли поняла, что у него свои представления о любви, иные, чем у них с Джорджем. Чуждо ему и страстное влечение, которое она познала с Закери Бронсоном. Он предлагает ей натуральный брак по расчету, в котором они оба будут чувствовать себя комфортно и спокойно, выполнив одновременно последнюю просьбу Джорджа.

— А что, если нас это не удовлетворит? — спокойно поинтересовалась она. — Вы встретите кого-нибудь, Уордон... Могут пройти недели или годы, но когда-нибудь это произойдет. Женщина, ради которой вы с радостью пошли бы на смерть. И вам отчаянно захочется быть с ней, а я окажусь чем-то вроде мельничного жернова у вас на шее.

Он решительно покачал головой:

— Я не так устроен, Холли. Я не верю в то, что для каждого из нас в мире существует только один нужный ему человек или одна настоящая любовь. У меня были романы — три года романов, и я чертовски устал от всех этих спектаклей, наваждений, экстазов и приступов меланхолии. Мне нужен покой. — Губы его тронула горькая усмешка. — Мне хочется быть респектабельным женатым человеком, хотя, видит Бог, я никогда не думал, что скажу такое.

— Уордон... — Не глядя на него, она принялась водить кончиком пальца по вытканному на парчовой обивке диванчика узору из золотых и темно-красных лилий. — Вы не спросили, почему я так спешно уехала от мистера Бронсона.

Повисла пауза, потом прозвучал голос Рейвенхилла:

— А вы хотите рассказать мне об этом?

Судя по его виду, он не очень-то жаждал услышать ее рассказ.

Холли покачала головой, горло царапнул нервный смехок.

— Не очень. Но, учитывая ваше предложение, я чувствую себя обязанной кое в чем вам признаться. Я не хочу лгать, и...

— Я не хочу выслушивать ваши признания, Холли. — Рейвенхилл схватил ее руку и порывисто пожал. Этот жест подействовал на нее успокаивающе. Наконец Холли заставила себя посмотреть в его серые глаза, полные сожаления и грусти. — Нет, я не хочу их выслушивать, — продолжал он. — Ведь тогда я тоже должен буду исповедаться. Но зачем? Что это изменит? Так что оставьте ваши откровения при себе, и я сделаю то же. Всякому позволено иметь парочку секретов.

Холли почувствовала необыкновенную признательность. Любая женщина была бы счастлива иметь такого мужа. Она даже могла предсказать, какой именно будет их супружеская жизнь. Они будут немного больше, чем друзья, хотя и меньше, чем любовники. Но вся эта ситуация казалась ей искусственной и энтузиазма не вызывала. Она нахмурилась и посмотрела на Рейвенхилла.

— Мне хотелось бы поступить правильно, если бы я только знала, как это сделать, — задумчиво сказала она.

— Что вам кажется правильным?

— Ничего, — призналась она, и Рейвенхилл тихо рассмеялся.

— В таком случае позвольте мне немного поухаживать за вами. Торопиться нам некуда. Я подожду, пока вы не поймете, что это лучший вариант для нас обоих. — Он замолчал и

слегка притянул ее к себе. Сердце ее отчаянно забилося: она со страхом сообразила, что сейчас произойдет.

Рейвенхилл наклонился и, чуть коснувшись, поцеловал ее в губы. Это длилось лишь мгновение, но она почувствовала, каким эротическим опытом и самоуверенностью обладает этот человек. Интересно, стал бы Джордж, возмужав, таким же, как Уордон? Приобрел бы такой же светский лоск? Появились бы в уголках его глаз такие же морщинки? Сменилась бы его юношеская худоба солидной мужественностью?

Он отстранился от нее с легкой улыбкой, и Холли, в свою очередь, поспешно отодвинулась.

— Могу ли я увидеть вас завтра утром? — спросил он. — И покататься с вами по парку.

— Хорошо, — прошептала она.

Смятение овладело ею, и она жестом показала, что хочет пожелать ему всего хорошего и проводить до дверей. Гость с благодарностью отказался от предложения Тейлоров поужинать с ними и послал Холли беглую ироническую улыбку по поводу явного замешательства ее родни.

Олинда, высокая, элегантная блондинка, жена Томаса, подошла к Холли, когда та стояла в вестибюле.

— Какой красивый мужчина лорд Блейк! — восторженно воскликнула она. — Рядом с Джорджем, его красота была незаметна, но теперь, когда Джордж больше не затеняет его... — Внезапно сообразив, что ее замечание может показаться бестактным, она замолчала.

— Джордж все еще затеняет его, — тихо возразила Холли.

Действительно, разве вся эта ситуация не была делом рук Джорджа? Все шло согласно его плану. Эта мысль, раньше успокоившая бы ее, теперь только вызвала тревогу и раздражение.

— Ну, — задумчиво начала Олинда, — полагаю, вам все мужчины в мире кажутся хуже Джорджа. Он был замечательным во всех отношениях! Никто не мог его затмить.

Еще недавно Холли, не раздумывая, согласилась бы. Но сейчас она только закусила губу и промолчала.

* * *

В ту ночь сон бежал от нее. Когда же ей в конце концов удалось уснуть, спала она беспокойно и чутко, и ее тревожили яркие сновидения. Она шла через сад, полный роз, каждый шаг ее по гравийной дорожке отзывался хрустом, глаза слепило солнце. Очарованная роскошными красными цветами, она протянула руку к розе, обхватила пальцами бархатистые лепестки и наклонилась, чтобы ощутить ее аромат. Но почувствовала внезапный укол и поспешно отдернула руку. На пальце расплывалась капелька крови. Заметив неподалеку фонтан, изливающий прохладную воду в мраморный бассейн, она пошла к нему, чтобы ополоснуть кровоточащую руку. Но розовые кусты будто сомкнулись вокруг нее странной живой массой. Цветы засохли и опали, осталась только стена из бурых острых, словно колья, шипов, обступившая Холли со всех сторон. Крича от страха, она ничком упала на землю, а колючие ветки все росли и множились.

Потом Холли оказалась на густой зеленой траве, и вдруг что-то... кто-то... загородил ей

небо и облака. Кто... кто это? Она жаждала ответа, но услышала лишь тихий рокочущий смех, коснувшийся ее, как облачко. Она ощутила тепло мужских рук, которые осторожно подняли ее юбки, скользнули вверх по напряженным ногам, и горячие, восхитительные губы прижались к ее губам. Застонав, она расслабилась, и ее взгляд, ослепленный солнцем, обрел способность видеть. Перед ней сверкали черные дерзкие глаза. Закери, изумилась она, и вся раскрылась навстречу ему, и почувствовала его теплую тяжесть. Ах, Закери!..

Он улыбнулся и накрыл ее груди ладонями, потом поцеловал ее, и она застонала. Закери...

Неожиданно Холли проснулась, разбуженная собственным голосом. Она была в комнате одна. Сновидение исчезло, и мучительное разочарование охватило ее. Она прижала подушку к груди и прилегла на нее, дрожащая и пылающая. Где он сейчас? Спит ли он и видит сны в своей одинокой постели? Или пытается забыться в объятиях другой женщины? Холли ощутила ядовитое жало ревности. Она сжала виски, пытаясь изгнать из головы картины, встающие перед ее мысленным взором. Боже, другая женщина прижимает к себе его мощное тело, зарывается пальцами в его густые волосы, чувствует его содрогания, когда он доходит до пика наслаждения.

— Все это теперь не имеет никакого значения, я сделала выбор, — напомнила себе Холли. — И он сказал, чтобы я не возвращалась. Все кончено... кончено.

* * *

Рейвенхилл, верный своему слову, действительно принялся ухаживать за Холли, приходя к ней почти каждый день. Он сопровождал ее на верховых прогулках по парку, выезжал на пикники с Тейлорами и близкими друзьями. Благодаря сплоченности Тейлоров Холли была ограждена от явных уколов. Нельзя было не отдать должного родственникам ее покойного мужа. Они сомкнули вокруг нее свои ряды и ревностно защищали ее, хотя сами не одобряли ее поступка. Зато они всячески выказывали свое расположение к Рейвенхиллу. Зная о последнем пожелании Джорджа, семья делала все возможное, чтобы не мешать осуществлению его воли.

— Холли, когда вы с Рейвенхиллом обвенчаетесь, — небрежно заявил как-то Уильям, глава семьи, — все разговоры насчет вас и Бронсона сразу стихнут. На вашем месте я сделал бы все возможное, чтобы поторопить события.

— Спасибо, Уильям, — спокойно ответила Холли, хотя все внутри у нее кипело, — за то, что поделились со мной вашими соображениями. Но между мной и Рейвенхиллом еще ничего не решено окончательно.

— Что?! — Голубые глаза Уильяма угрожающе сузились. — Он что же, не желает сделать последний шаг? Придется мне поговорить с ним. Не волнуйтесь, дорогая, он отправится с вами к алтарю, даже если мне для этого нужно будет держать его под прицелом.

— Нет-нет! — поспешно воскликнула Холли, и губы у нее задрожали. — В этом нет надобности, Уильям. Уордон здесь ни при чем. Это я пребываю в сомнениях, и он дал мне время подумать.

— О каких раздумьях может идти речь? Зачем тянуть? — Уильям устремил на нее нетерпеливый взгляд. — Позвольте вам заметить, что, если бы не наша поддержка, вы сейчас

были бы парией. Вы балансируете над пропастью. Бога ради, выходите за Рейвенхилла и сохраните ваше общественное положение.

Холли задумчиво смотрела на него. Сердце ее смягчилось, когда она заметила, как он похож на Джорджа, хотя его белокурые волосы уже редели на макушке и голубые глаза были скорее суровыми, чем веселыми. Холли подошла к деверю и нежно поцеловала в щеку, чем привела его в крайнее изумление.

— Вы были очень добры ко мне, милорд. Я всегда буду благодарна за то, что вы приютили особу с такой дурной репутацией.

— У вас не дурная репутация, — недовольно возразил он, — просто вы сбились с пути. Вам нужен мужчина, Холланд. Как и большинству женщин, вам требуется чей-то здравый смысл, чтобы правильно оценивать ситуацию. А Рейвенхилл — человек крепкий. Да, я знаю о его жизни в Европе. Но рано или поздно каждому молодому человеку нужно перебеситься, и теперь все это уже в прошлом.

Неожиданно она улыбнулась:

— А почему мои отношения с мистером Бронсоном считаются скандальными, а о гораздо худшем поведении Рейвенхилла говорят просто, что «он перебесился»?

— Сейчас не время дискутировать о значении слов. — Уильям вздохнул. — Факт остается фактом: вам, Холли, нужен муж. Рейвенхилл — достойный кандидат. Кроме того его рекомендовал наш дорогой Джордж, и если Джордж доверял ему, то и я склонен ему верить.

Позже, размышляя об этом разговоре, Холли не могла не признать, что слова Уильяма вполне разумны. Быть женой Рейвенхилла куда приятнее, нежели вдовой со скандальной репутацией. Ее чувства к Уордону ясны. Он ей симпатичен, она ему доверяет, их объединяет родство душ, порожденное долгим и близким знакомством. Их дружеские отношения ежедневно укрепляются долгими прогулками и безмятежными совместными вечерами, шутливыми поддразниваниями за ужином, доверительными разговорами и понимающими улыбками поверх ободков сверкающих хрустальных бокалов с вином. Но Холли тщетно ждала какого-то внутреннего сигнала, который дал бы ей знать, что пришло время изгнать Закери Бронсона из своего сердца и головы и поступить согласно желанию Джорджа.

Она по-прежнему томилась по Закери. Томление это все росло и росло, и она мало ела и почти не спала. С самой смерти Джорджа она не чувствовала себя такой несчастной. Казалось, что глаза застилает тоскливая серая пелена, и, кроме чтения и игр с Розой, дни ее не имели ни цвета, ни вкуса, ни смысла. Прошла неделя, потом другая, и наконец минул целый месяц с тех пор, как она уехала от Бронсонов.

Как-то Холли, встав после очередной почти бессонной ночи, подошла к окну. Она откинула тяжелые бархатные занавеси и устремила взгляд вниз, на улицу, освещенную лиловато-синим рассветом. Угольный дым плыл над городом, смягчая угловатые очертания городских зданий. В доме уже слышалась утренняя суeta: горничные открывали ставни, зажигали огонь в каминах и готовили подносы с завтраком. Еще один день, подумала она и почувствовала себя бесконечно усталой от необходимости умываться, одеваться, причесываться и рассеянно ковыряться в тарелке, не имея никакого желания есть. Ей захотелось снова залезть в постель и закрыться с головой одеялом.

— Я должна быть счастлива, — громко произнесла она, пытаясь отогнать всеобъемлющую пустоту. Упорядоченная жизнь, которую она раньше так любила, — вот она, совсем рядом... Но почему так не хочется к ней возвращаться?!

У нее промелькнуло воспоминание: они с Розой на примерке у сапожника, и Холли примеряет пару новых прелестных, сделанных на заказ туфельек. Хотя у сапожника была ее мерка, почему-то оказалось, что туфли страшно жмут.

— Тесны, — грустно заметила Холли, а Роза воскликнула с восторженной гордостью:

— Значит, ты растешь, мама!

Так вот, вернуться к жизни у Тейлоров и помышлять о браке с Уордоном было все равно что надеть эти тесные туфли. К лучшему или к худшему, но она выросла из этой жизни. Месяцы, проведенные с Бронсонами, сделали ее если и не лучше, то, во всяком случае, изменили. Что же теперь делать?

Повинуясь привычке, Холли подошла к ночному столику и взяла миниатюрный портрет Джорджа. Увидев его лицо, она обретет покой и силу и, может быть, поймет, что делать.

Но по мере того, как вглядывалась в строгое лицо мужа, она с ужасом вдруг осознала, что старое средство больше не помогает. Она больше не томится по его объятиям, его голосу, его улыбке. Как ни сложно в это поверить — она полюбила другого. И чувство ее к Закери Бронсону так же глубоко, как и любовь к мужу. Только с Закери она ощущает себя живой и цельной. Ей не хватало его вызывающих, провоцирующих разговоров, взгляда его темных глаз, выражающих то язвительность, то удовольствие, то негодование, то вожделение, от которого у нее слабели ноги. Ей не хватало его живого обаяния, потока планов и замыслов, бесконечной энергии, которая уносила и ее своим быстрым течением. Без него жизнь казалась медленной, мрачной и невыносимо скучной.

Холли поднесла руку к губам. Она его любит, и это ужасно. Несколько месяцев ее сердце противилось этой неумолимой тяге. Ведь она боялась, что сердце у нее разорвется от еще одной потери, и решила, что будет легче и безопаснее никогда больше не влюбляться. Это-то и являлось настоящим препятствием, стоявшим между ней и Закери... а вовсе не ее обещание Джорджу, не разница в происхождении и куча других причин, которыми она пыталась убедить не столько его, сколько себя.

Положив миниатюру на столик, Холли расплела косы и резкими движениями принялась расчесывать свои спутавшиеся за ночь волосы. Ее охватило страстное желание броситься к Закери. Одеться, велеть приготовить экипаж и отправиться к нему сию же минуту, чтобы объяснить...

Но будут ли они счастливы, соединив свои жизни? Их прошлое, их надежды, характеры так различны! Нашелся бы человек, который посоветовал бы им вступить в брак? Надежда, что любовь все уладит, смешна. И все же... Порой отсутствие долгих раздумий — самое разумное. А с деталями можно будет разобраться позднее. Важнее всего в данном случае — та истина, которая живет в ее сердце.

Она пойдет к нему, окончательно решила Холли. Но ведь она сожгла за собой все мосты. Он ведь ясно сказал, что ей не следует возвращаться. Он не встретит ее с распростертыми объятиями.

С величайшей осторожностью положив расческу на туалетный столик, Холли устремила взгляд в зеркало. Бледная, усталая, с синяками под глазами. Вряд ли она сейчас может сравниться с теми соблазнительными красотками, которыми, конечно же, окружен Закери. Но если остается хоть какой-то шанс, что она ему нужна, стоит пойти на риск быть отвергнутой.

Сердце бешено колотилось, колени подгибались. Она подошла к платяному шкафу, чтобы найти одно из подаренных им платьев, из тех, что она никогда не носила. Если он

примет ее, поклялась Холли, она ни за что больше не будет носить серое. Найдя нефритово-зеленое платье из итальянского шелка с модными острыми манжетами, она встряхнула летящую юбку и старательно разложила платье на кровати. Но тут в дверь тихонько постучали, и она, щелкнув, отворилась.

— Миледи! — тихо окликнула ее Мод, входя. Похоже, она удивилась и вместе с тем обрадовалась, что Холли уже проснулась. — Ах, миледи, вот хорошо, что вы уже встали и одеваетесь! Пяти минут не прошло, как меня нашла экономка. Там кто-то пришел повидаться с вами и говорит, что не уйдет, пока вы не спуститесь.

Холли с любопытством свела брови.

— Кто это, Мод?

— Мисс Элизабет Бронсон, миледи. Она ехала сюда верхом от самого дома... Ведь это не меньше семи миль, а она даже грума не взяла с собой!

— Помогите мне быстрее одеться, Мод. Наверное, что-то случилось, раз Элизабет явилась сюда в такой час и без сопровождающих! — Холли торопливо села на стул и рывком натянула чулки.

Она так спешила, что ей показалось, будто прошла целая вечность, прежде чем она оделась и заколола волосы. Наконец она спустилась в гостиную Тейлоров, где горничная уже поставила перед гостьей маленький поднос с кофе. Остальные члены семьи еще не встали, что весьма обрадовало Холли. Лучше, чтобы Тейлоры не присутствовали при их встрече. Увидев Элизабет, шагающую взад-вперед по комнате, Холли страшно обрадовалась. Она ужасно соскучилась по своей ученице.

— Лиззи! — воскликнула она.

Элизабет, как всегда живая, красивая и стремительная, быстро подошла к ней:

— Миледи...

Она вдруг обняла Холли, и обе рассмеялись.

— Лиззи, вы прекрасно выглядите, — заметила Холли, отстранившись и рассматривая гостью. Сверкающие темные глаза, легкий румянец. Элизабет была одета по последней моде — в синюю амазонку с газовым шарфом на шее и маленькую бархатную шляпку с синими перьями. Она казалась такой же крепкой и здоровой, как всегда, но все равно было заметно, что она измучена и несчастна, а ее плохо скрытое отчаяние сразу бросалось в глаза.

— Нет, — начала Элизабет, которой, очевидно, хотелось выговориться. — Я чувствую себя нехорошо, несчастна, раздражена, готова убить своего брата и... — Она окинула взглядом Холли. — Ах, миледи, у вас такой усталый вид, и вы похудели по крайней мере на семь фунтов!

— Это потому, что ваш брат больше не заказывает для меня пирожных, — ответила Холли с вымученной легкостью. Она жестом предложила девушке сесть рядом с собой на диванчик. — Идите сюда и расскажите, что заставило вас ехать через весь город в одиночестве. Помните, я говорила вам, что молодая леди не должна появляться без сопровождения...

— Черт бы побрал эти приличия! — пылко воскликнула Элизабет, сверкнув глазами.

— Я скорее думала о вашей безопасности, — сухо заметила Холли. — Если бы лошадь споткнулась или ушибла ногу о камень, вам пришлось бы обратиться за помощью к незнакомому человеку, который...

— К черту безопасность, — прервала ее девушка. — Все летит кувырком, и я не знаю, что делать. Вы единственная, к кому я могу обратиться.

Сердце Холли забилося тревожно и неровно.

— Что-то с мистером Бронсоном? Или с вашей матушкой?

— Конечно, с Заком. — Элизабет нахмурилась. Ей явно хотелось вскочить и снова зашагать из угла в угол. — Кажется, в этом месяце я не видела его трезвым. С тех пор как вы уехали, он превратился в чудовище. Он никому слова доброго не скажет и при этом такой требовательный, что ему не угодишь. Каждую ночь он проводит с какими-то прощелыгами и дамами полусвета, а днем пьет и глумится над всяким, кто попадется ему под руку.

— Это совершенно не похоже на вашего брата, — спокойно заметила Холли.

— Это еще цветочки. Он не интересуется никем — ни мной, ни мамой. Я пыталась быть с ним терпеливой, но после недавнего происшествия я не...

— После какого недавнего происшествия? — прервала ее Холли, пытаясь уловить смысл в стремительном словесном потоке.

Неожиданная улыбка осветила лицо Элизабет.

— Ваш родственник, мистер Соумерс, сделал мне предложение.

— Вот как? — Холли обрадованно улыбнулась. — Значит, вы покорили его, да?

— Да! — воскликнула девушка, и голос ее переполняли радость и торжество. — Джейсон любит меня, а я его еще больше. Никогда не думала, что любовь — это так замечательно!

— Дорогая моя Лиззи, я так рада за вас. Уверена, что ваши родные тоже.

Судя по всему, это замечание вернуло Элизабет к малоприятной реальности.

— Кое-кто в нашей семье не рад этому, — мрачно сообщила она. — Зак запретил мне выходить замуж. Он говорит, что ни при каких обстоятельствах не согласится на наш союз.

— Что? — Холли с недоумением покачала головой. — Но почему же? Мой родственник — человек уважаемый, с прекрасными перспективами. Как объяснил ваш брат причину своего отказа?

— Зак сказал, что Джейсон недостаточно хорош для меня! Он говорит, я должна выйти замуж за человека с титулом и состоянием и что я могу заполучить кого-нибудь получше, чем простой архитектор из не очень знатной семьи. Я в жизни не ожидала такого отвратительного снобизма, да еще от кого! От собственного брата!

Холли в замешательстве смотрела на нее.

— И что же вы ответили, Элизабет?

Лицо девушки стало жестким и решительным.

— Я сказала Заку, что для меня не имеет значения, одобряет он этот брак или нет. Я намерена выйти за Джейсона Соумерса, и плевать на чертово приданое! Джейсон говорит, он в состоянии меня обеспечить и ему все равно, богатая я или нищая. Мне не нужны кареты, драгоценности или большой дом, чтобы быть счастливой. Но, миледи, разве так начинают счастливую супружескую жизнь? Матушка в расстройстве, брат и жених — враги... семья разделилась, и все из-за... — Она замолчала и закрыла лицо руками. Слезы готовы были вот-вот брызнуть из ее глаз.

— Из-за чего? — мягко поторопила ее Холли.

Элизабет посмотрела на нее сквозь пальцы, ее темные глаза блеснули.

— Ну... — запинаясь, начала она, — наверное, мне нужно было бы сказать — из-за вас, хотя это и похоже на обвинение, а мне вовсе этого не хочется. Но, миледи, это же правда — Зак изменился, когда вы уехали. Наверное, я была слишком занята собой и не замечала, что происходит между вами, а теперь я понимаю... мой брат полюбил вас, да? Вы же не смогли

ответить ему. Я знаю, должна быть серьезная причина, иначе вы не уехали бы от нас. Вы ведь такая умная и мудрая, и...

— Нет, Лиззи, — с трудом произнесла Холли. — Я не умная и не мудрая, а совсем наоборот.

— ...и я знаю, вы привыкли совсем к другим людям, чем Зак. Конечно, я никогда не осмелилась бы допустить, что он может тоже заинтересовать вас. Но я пришла сюда, чтобы попросить у вас кое-что. — Элизабет наклонила голову и вытерла рукавом слезинки, сбегавшие по щекам. — Пожалуйста, пойдите к нему, — сказала она хрипло. — Поговорите с ним, образуйте его. Он никогда еще таким не был. И я думаю, что вы — единственный человек в мире, которого он станет слушать. Просто сделайте так, чтобы Зак снова стал разумным. Иначе он погибнет сам и оттолкнет от себя всех, кому он дорог.

— Ах, Лиззи... — Холли сочувственно обняла девушку и притянула к себе.

Какое-то время они сидели молча. Наконец Холли выдохнула:

— Он не захочет меня видеть.

— Не захочет, — согласилась Элизабет. — Зак не разрешает даже произносить ваше имя. Он делает вид, будто вас не существует.

От этих слов Холли стало страшно.

— Единственное, что я могу вам обещать, — я попытаюсь. Но ведь он может отказаться говорить со мной.

Элизабет вздохнула и посмотрела в окно, где разгорался день.

— Мне нужно ехать — я должна вернуться домой до завтрака. Зак не должен знать, куда я ездила.

— Один из грумов Тейлоров проводит вас до дома, — твердо сказала Холли. — Ехать верхом одной слишком опасно.

Элизабет повесила голову и покаянно улыбнулась:

— Хорошо, миледи. Пусть он доедет со мной до нашей подъездной аллеи. — Она с надеждой посмотрела на Холли. — Когда вы поедете к Заку, миледи?

— Не знаю, — честно ответила Холли, переполненная волнением, страхом и надеждой, — наверное, когда соберусь с духом.

Погрузившись в водоворот своих мыслей, Холли совершенно забыла, что согласилась отправиться в это утро на верховую прогулку с Рейвенхиллом. После отъезда Элизабет Холли долго сидела в гостиной, держа на коленях чашку с остывшим чаем. Она пыталась отыскать слова, которые убедили бы Закери простить ее и снова ей поверить. Ничего «дипломатического» тут не придумаешь. Ей просто придется отдаться на его милость и надеяться на лучшее. Ироническая улыбка искривила ее губы: она подумала о том, что ее светская выучка включает в себя сотню вежливых способов, как дать отпор мужчине, и ни одного — как его вернуть после этого. Все зная о невероятной гордости Закери, она понимала, что он не сдастся так просто. Он заставит ее заплатить за то, что она сбежала, и кто знает, чего он потребует за пережитую горечь поражения.

— Боже правый, что вызвало на вашем милом лице такое суровое выражение?

В комнату вошел Уордон, лорд Блейк. Высокий, атлетически сложенный, в темном костюме для верховой езды. Золотоволосый, спокойно-дерзкий, с движениями свободными и уверенными, он воплощал женскую мечту о совершенном мужчине. Глядя на него, Холли подумала, что настало время действовать.

— Доброе утро, милорд. — И она жестом предложила ему сесть рядом.

— Вы не одеты для верховой прогулки, — заметил он. — Я пришел слишком рано, или ваши планы на сегодняшнее утро изменились?

— Боюсь, не только на сегодняшнее утро.

— Вот как? Похоже, вы полны решимости. — И он шутливо улыбнулся, но в его серых глазах появилось настороженное выражение.

— Уордон, я очень боюсь потерять вашу дружбу, но я должна вам сказать...

Он ласково взял ее за руку и наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на раскрытой ладони. Когда он снова посмотрел на нее, взгляд его был серьезен, добр и тверд.

— Дорогой друг, вы никогда не потеряете меня. Не важно, что вы скажете или сделаете.

За месяц, проведенный в постоянном общении, их обоюдное доверие значительно окрепло. И Холли намеревалась высказаться с полной откровенностью, считая, что Уордон ее заслужил.

— Я решила не выходить за вас замуж.

Он не выказал ни малейшего удивления.

— Мне жаль это слышать, — только и промолвил он.

— Вы заслуживаете любви, — продолжала она торопливо. — Настоящей, страстной, чудесной любви с той, без которой не сможете жить. А я...

— А вы? — поторопил он, ласково сжимая ее руку.

— Я хочу собраться с духом, поехать к мистеру Бронсону и попросить его на мне жениться.

Настало долгое молчание. Рейвенхилл осмысливал ее слова.

— Вы же понимаете, что, если вы станете его женой, многие отвернутся от вас. Вас просто перестанут принимать...

— Это не имеет значения, — успокоила его Холли со сдавленным смешком. — Моя превосходная репутация служила мне слабым утешением после смерти Джорджа. Я с радостью поменяю ее на возможность быть любимой. Мне жаль одного — что

потребовалось столько времени, прежде чем я поняла это. После Джорджа я боялась снова рискнуть и из-за этого лгала себе и всем остальным.

— В таком случае ступайте к Бронсону и скажите ему правду.

Она улыбнулась, удивленная простотой его ответа.

— Уордон, вам же полагается напомнить мне о моем долге. О чести и о том, что я обещала Джорджу.

— Дорогая моя Холланд, — сказал он, — перед вами вся жизнь, жизнь без Джорджа! Воспользуйтесь же данным вам Богом разумом, чтобы понять, что лучше для вас и Розы. Если вы решите попытаться счастья с Бронсоном, я приму ваш выбор.

— Вы меня удивляете, милорд.

— Я хочу, чтобы вы были счастливы. В жизни для этого очень мало возможностей, и я ни за что не стану вам мешать.

Спокойствие Рейвенхилла, его благородство поразили Холли. Она благодарно улыбнулась:

— Если бы все отнеслись к этому так же, как вы!

— Не отнесутся, — сухо заверил он, и оба улыбнулись, взглянув на свои соединенные руки, потом Холли осторожно высвободилась.

— Как вы думаете, понравился бы мистер Бронсон Джорджу? — задала она вопрос.

Серебристо-серые глаза Уордона насмешливо блеснули.

— Ну нет. Не думаю, чтобы у них нашлось что-нибудь общее. Бронсон слишком груб. и беспринципен, чтобы удовлетворить тонкий вкус Джорджа. Но разве это на самом деле важно для вас?

— Нет, — искренне ответила она. — Все равно мне нужен мистер Бронсон.

Рейвенхилл подал ей руку и помог встать.

— Так ступайте к нему. Но прежде чем вы уйдете, обещайте мне кое-что.

— Я ничего больше не буду обещать, — покачала она головой. — Обещания делают меня несчастной.

— Но это обещание вы мне дадите. Я должен быть уверен: если с вами что-то случится, вы придете ко мне.

— Хорошо. — И Холли закрыла глаза, ощутив на своем лбу прикосновение его горячих губ. — Знаете, Уордон, на мой взгляд, вы полностью выполнили свое обещание. Вы были для Джорджа хорошим, верным другом, а для меня стали еще лучшим.

Вместо ответа он обвил рукой ее стан и крепко прижал к себе.

* * *

К тому моменту, когда карета остановилась в конце подъездной аллеи, нервы Холли пришли в совершенное расстройство. Лакей открыл дверцу и помог ей сойти, а второй пошел постучать в дверь. Вскоре в дверях показалась миссис Берни, и Холли с трудом удержалась, чтобы не обнять ее. Она никак не ожидала, что так обрадуется, увидев экономку. Само здание и все здешние слуги казались ей на удивление родными, будто она возвращалась домой. Но тут мелькнула мысль, что Закери Бронсон выгонит ее, едва увидев, и сердце у нее сжалось от страха.

Когда Холли подошла, она заметила на лице экономки явное смущение. Миссис Берни

сделала реверанс, но не сказала ни слова.

— Миледи, — наконец пришла в себя она, — как приятно вас видеть!

— Миссис Берни, — отозвалась Холли, — надеюсь, у вас все в порядке?

Экономка неуверенно улыбнулась:

— В общем, почти все, хотя... — Она понизила голос. — С тех пор как вы уехали, все изменилось. Хозяин... — Она замолчала, очевидно, вспомнив, что прислуга не должна обсуждать хозяев.

— Я приехала повидать мистера Бронсона. — От волнения Холли зарумянилась и начала запинаться, как девчонка. — Я... я очень сожалею, что не предупредила заранее о своем визите и пришла в такой ранний час, но это, видите ли, довольно срочно.

— Миледи, — вздохнула миссис Берни, — не знаю, как вам и сказать-то... хозяин увидел ваш экипаж из окна, ну и... он не принимает. — Голос ее опустился до шепота. — Ему нехорошо, миледи.

— Нехорошо? — встрепелась Холли. — Он что, заболел, миссис Берни?

— Не совсем так.

Значит, он пьет. Холли в смятении пыталась сообразить, что в этой ситуации делать.

— Пожалуй, я заеду в другой раз, — тихо сказала она. — Когда в голове у мистера Бронсона немного прояснится.

Лицо у миссис Берни вытянулось.

— Я не знаю, когда это будет, миледи.

Их взгляды встретились. Хотя экономка ни за что не решилась бы высказать это вслух, у Холли создалось впечатление, будто миссис Берни молча пытается убедить ее остаться.

— Конечно, не следует беспокоить мистера Бронсона, — осторожно начала она. — Но кажется, уезжая отсюда, я забыла в своей комнате кое-какие мелочи. Вы не будете возражать, если я пойду поищу их?

Это предложение обрадовало экономку.

— Нет, миледи, — торопливо ответила она, уцепившись за этот предлог, — какие же тут возражения. Ясное дело, вы должны найти свои вещи, если вы их здесь забыли. Проводить вас, или вы сами найдете дорогу?

— Конечно, найду. — Холли послала ей благодарную улыбку. — Не скажете ли вы, где находится мистер Бронсон, чтобы я ему случайно не помешала?

— Я думаю, он у себя, миледи.

— Благодарю вас, миссис Берни.

Холли вошла в дом и почувствовала себя словно в усыпальнице. Огромный главный вестибюль с его высокими золочеными колоннами был темен и тих. В роскошном мрачном помещении не видно было ни души. Опасаясь, что встреча с Полой или Элизабет отвлечет ее, Холли поднялась по огромной лестнице со всей быстротой, на какую была способна. Мысль о скорой встрече с Закери так взволновала ее, что она чуть не упала в обморок. На подгибающихся ногах она подошла к его слегка приоткрытым дверям. Она хотела постучать, но передумала и нажала на ручку.

Дверь еле слышно закрипела. Когда Холли жила в доме Бронсона, она ни разу не входила в его спальню. Широкую кровать красного дерева драпировали парчовые и бархатные занавеси. В темных панелях вишневого дерева отражался свет, проникающий через высокие окна. Закери стоял у одного из них, раздвинув бархатные шторы, и смотрел на подъездную аллею. В руке он держал полный бокал. Волосы его были влажными и

блестящими после утренней ванны, в воздухе пахло одеколоном. На нем был шелковый длинный халат цвета сливы, из-под которого виднелись босые ноги. Холли уже забыла, какой он невероятно большой. Слава Богу, он все еще стоял спиной к двери и не видел, как ее бьет дрожь.

— Что она сказала? — спросил он низким рокочущим голосом, явно принимая ее за миссис Берни. Холли постаралась ответить как можно тверже:

— Боюсь, она во что бы то ни стало хочет видеть вас.

Широкая спина Закери напряглась, рельеф мускулов проступил под тонкой шелковой тканью. Потребовалось не менее минуты, чтобы он обрел голос.

— Уходите, — произнес он спокойно. — Возвращайтесь к Рейвенхиллу.

— Лорд Блейк не имеет на меня никаких прав, — промолвила она, горло ее сдавило. — Как и я на него.

Закери медленно повернулся. Пальцы его подрагивали, и янтарная жидкость в бокале выплеснулась через край. Он сделал большой глоток, не отводя от Холли холодных черных глаз. Вид у него был бесстрастный, хотя лицо, несомненно, осунулось. Под глазами виднелись синяки, кожа стала землистой. Холли окинула его жадным взглядом. Ей хотелось подбежать к нему, обнять, утешить... Господи, сделай так, чтоб он ее не выгнал, подумала она в отчаянии. Холли больно было смотреть в его глаза. Когда-то полные насмешливого дружелюбия и страсти, теперь они выражали лишь безразличие. Как будто перед ним чужой человек... Как будто он больше ничего не чувствует к ней.

— Что это значит? — равнодушно спросил он, словно эта тема совершенно его не интересовала.

Собравшись с духом, Холли закрыла дверь и подошла к нему, остановившись в нескольких шагах.

— Лорд Блейк и я решили остаться друзьями. Свадьбы никакой не будет. Я сообщила ему, что не могу выполнить обещание, данное Джорджу, поскольку... — Она замолчала, огорченная полным отсутствием реакции со стороны Закери.

— Поскольку... — поторопил он ее тем же тоном.

— Потому что мое сердце уже занято.

За этим признанием последовало долгое, изматывающее молчание. Ах, ну почему он ничего не говорит? Почему у него такой равнодушный вид?

— Это ошибка, — произнес он наконец.

— Нет. — Она устремила на него умоляющий взгляд. — Ошибка была в том, что я уехала отсюда... уехала от вас... и я пришла, чтобы все объяснить и просить вас...

— Холли, не нужно. — Закери тяжело вздохнул и покачал головой. — Не нужно ничего объяснять. Я понимаю, почему вы уехали. — Губы его искривила горькая улыбка. — После месяца размышлений и свинского пьянства я согласился с вашим решением. Вы сделали хороший выбор и были правы — мы с вами плохо кончили бы. Видит Бог, лучше сохранить какие-то приятные воспоминания и оставить все как есть.

Решимость, прозвучавшая в его голосе, потрясла Холли.

— Пожалуйста, — попросила она дрожащим голосом, — не говорите больше ничего. Выслушайте меня. Я скажу вам всю правду. Если вы после этого по-прежнему захотите отослать меня — я уйду. Но уйду не раньше, чем выскажусь, а вы стойте там и слушайте, а если вы не...

— Если я не?.. — спросил он с бледным подобием прежней улыбки.

— Тогда я не дам вам ни минуты покоя, — пригрозила она, подавив страх. — Я буду следовать за вами повсюду. Я буду кричать во весь голос!

Закери допил бокал и направился к ночному столику, где стояла бутылка бренди. Увидев это, Холли ощутила надежду. Он не стал бы пить, если бы утратил все чувства к ней.

— Ладно, — бросил он отрывисто, наливая бренди. — Высказывайтесь. Я буду вас слушать в течение пяти минут, после чего вы уберетесь из моего дома. Идет?

— Идет. — Холли прикусила губу и опустила руки. Трудно было перед ним открыться, но сейчас, чтобы вернуть его, требовалось именно это. — Я любила вас с самого начала, — призналась она, заставляя себя смотреть ему в глаза. — Теперь я это знаю, хотя тогда не понимала, что происходит. Я скрывала правду даже от себя. А правда состоит в том, что я, как вы справедливо заметили, — трусиха. — Она внимательно вглядывалась в мрачное лицо Закери, ища отклика на свое признание, но лицо это ничего не выражало. Он снова сделал глоток, уровень бренди в бокале понизился на два пальца. Он пил медленно и демонстративно. — Когда Джордж умер у меня на руках, — продолжала Холли торопливо, — мне тоже хотелось умереть, чтобы никогда больше не чувствовать такую боль. Я поняла тогда, что самое безопасное — не позволять себе снова влюбляться. Чтобы держать вас на расстоянии, я воспользовалась моим обещанием Джорджу.

Холли неуверенно замолчала, но вдруг заметила, что слова ее заставили Закери покраснеть. Ободрившись при виде этого многозначительного румянца, она вновь обрела голос.

— Я цеплялась за любую причину, чтобы удержаться от любви к вам. И тогда... когда вы и я... в беседке... — Холли смущенно опустила глаза. — Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного, — призналась она. — И совершенно растерялась. Я потеряла власть над своим сердцем, своими мыслями, и потому мне отчаянно захотелось бежать. С тех пор я пыталась вернуться к прежней жизни, но никак не могла к ней приладиться. Я стала другой. Из-за вас. — Неожиданно слезы хлынули из ее глаз, и комната поплыла. — Наконец я поняла, что самое страшное для меня — это никогда не быть с вами... — К горлу подступило рыдание, и она запнулась. Затем заговорила шепотом:

— Пожалуйста, Закери, позвольте мне остаться — на любых условиях, какие для вас приемлемы. Не заставляйте меня жить без вас. Я так сильно вас люблю!

В комнате стало тихо, как в могиле. Мужчина, стоявший неподалеку, не пошевелился и не произнес ни слова. Если она все еще нужна ему, если она ему дорога, он прямо сейчас раскрыл бы ей объятия. Ей захотелось броситься в никуда. Тупая боль растекалась из ее груди по всему телу. Что же делать, подумала она, что же делать? Куда ей идти, как устроить новую жизнь? Ведь единственное, чего ей хочется, — это завывать от тоски. Уставившись в пол, она напряглась, пытаясь не разразиться унижительным плачем.

Тут в поле ее зрения появились босые ноги Закери, он подошел неслышно, как кошка. Он взял ее левую руку и молча уставился на нее. Вдруг Холли сообразила, на что он смотрит, — на золотое обручальное кольцо, которое она не снимала с тех пор, как муж надел ей его на палец. Жалобно вскрикнув, она вырвала руку и ухватила за кольцо. Снять его оказалось нелегким делом, и она, подстегиваемая паникой, вертела золотой ободок, пока он не соскользнул. Швырнув кольцо на пол, она посмотрела на бледный след, который оно оставило на пальце, а затем на Закери.

Он пробормотал ее имя, а потом, к ее величайшему удивлению, опустился на колени, и она почувствовала, что его огромные ручки обхватили складки ее шелковой юбки. Он

спрятал в них лицо, точно усталый ребенок.

Потрясенная Холли протянула руку к его темным волосам и погладила влажные густые кудри.

— Милый, — снова и снова шептала она.

Неожиданно он поднялся и устремил на нее взгляд. Он походил на человека, прошедшего через адский пламень и им обожженного.

— Черт бы вас побрал, — сказал он, вытирая ее слезы. — Просто взял бы и задушил! Устроить такое!

— Вы говорили, чтобы я не возвращалась, — всхлипнула она. — Я боялась даже попытаться... В-вы были настроены так решительно...

— Я считал, что теряю вас. Сам не знаю, что я тогда наговорил. — Он прижал ее к своему гулко бьющемуся сердцу, провел рукой по волосам, растрепав прическу.

— Вы сказали — никаких вторых попыток.

— Для вас — хоть тысячу. Сто тысяч.

— Мне жаль, — заплакала она, — мне так жаль...

— Вы должны выйти за меня замуж, — заявил Закери неожиданно звонко. — Я свяжу вас всеми мыслимыми и немыслимыми обещаниями, договорами и ритуалами.

— Да, да...

Она пылко притянула к себе его голову и целовала со всей страстью, которую копила в себе весь этот месяц. Резко вскрикнув, он принялся безжалостно, грубо терзать ее губы.

— Я хочу с вами спать, — хрипло произнес он. — Сейчас же.

Холли вспыхнула малиновым румянцем и едва успела кивнуть, а он уже схватил ее и понес на кровать с целеустремленностью изголодавшегося дикого кота, наконец поймавшего добычу. Похоже, выбора у нее не было — да она и не собиралась отказывать ему. Она уже поняла, что любовь — вне приличий, вне морали, вне идеалов и здравого смысла. Она принадлежала ему полностью, так же как он — ей.

Он быстро раздел ее, старательно расстегивая многочисленные пуговицы и крючочки и разрывая ткань там, где она недостаточно быстро поддавалась его дерзким пальцам. Изумляясь такой поспешности, Холли пыталась помочь ему. Села на кровати, чтобы расшнуровать ботинки, стянула с себя белье и чулки. Когда она осталась совершенно обнаженной и откинулась на матрас пылающим телом, Закери сбросил халат и опустился рядом с ней.

Холли широко раскрыла глаза.

— Ах, Закери, какой вы красивый!

Она придвинулась к нему и стала играть темными завитками на груди.

Послышался слабый стон.

— Вы красавица. — И его руки ласково и неторопливо заскользили по ее спине и бедрам, он наслаждался ощущением ее кожи. — Я это знаю с тех пор, как увидел вас на балу у Бельмонтов.

— Разве вы тогда меня видели? Ведь было темно.

— После того как я поцеловал вас в оранжерее, я пошел за вами следом. Я видел, как вы подошли к карете, и подумал, что в жизни не встречал никого прекраснее. — Он запечатлел поцелуй на ее плече, коснулся языком ключицы, и Холли задрожала.

— И вы начали строить всякие планы, — тихонько подсказала она.

— Вот именно. Я придумывал сотни способов, как залезть вам под юбку, и решил, что

самым лучшим из них будет взять вас на службу. Но вышло так, что я вас полюбил.

— И ваши намерения стали более пристойными, — уточнила она.

— Нет, мне все равно хотелось залезть вам под юбки.

— Закери Бронсон! — воскликнула она, а он ухмыльнулся, и его длинная нога поместилась между ее ногами.

— Тот вечер в беседке был самым лучшим из всего, что было в моей жизни, — сказал он. — А потом вы уехали, и меня как будто сбросили с небес в преисподнюю.

— Я испугалась, — покаялась Холли и притянула к себе его голову, чтобы поцеловать пахнущие бренди губы.

— Я тоже. Просто не знал, как мне выздороветь.

— Вы говорите так, будто я — это какая-то болезнь!

В его глазах появился горячий блеск.

— Оказалось, миледи, что лекарства от вас нет. Я хотел найти вам замену и не смог. Черт побери, вы единственная, кого я хочу!

— Так, значит, вы не... — У Холли точно гора с плеч свалилась. Ее истерзала мысль о том, что в ее отсутствие Закери развратничает.

— Нет! — прорычал он. — Целый месяц я жил как монах, и вы за это заплатите. — Холли закрыла глаза, а он угрожающе зашептал ей на ухо:

— Следующие несколько часов, миледи, вы будет чертовски заняты, утоляя мои желания.

— Да, — прошептала она, — да.

И замолчала, потому что Закери склонил голову к ее груди. Его горячее дыхание омывало нежный сосок, пока он не затвердел, и тогда он прильнул к нему губами. Тело Холли напряглось.

— Пожалуйста, — прошептала она умоляюще, — пожалуйста, Закери...

Она ощутила его губы на своих губах, и это восхитительное прикосновение заставило ее податься вперед в пылкой жажде большего. Он лег на нее, и она почувствовала, как что-то уперлось в нее, прижавших к треугольнику темных завитков. Холли протянула руку, и пальцы ее сомкнулись. Лицо ее вспыхнуло, когда Закери накрыл ее руку своей рукой и стал двигать ею, лаская грубее и крепче.

— Разве мне не следует быть осторожной? — спросила она, ощущая одновременно стыд и волнение.

— Мужчины не похожи на женщин, — хрипло ответил он. — Вы предпочитаете осторожность... нам нужна только страсть.

И Холли принялась демонстрировать свою страсть, пока он не застонал.

— Хватит, — с трудом проговорил он. — Я не хочу, чтобы это кончилось слишком быстро.

— А я хочу. — Холли обняла его и осыпала поцелуями. — Я хочу вас... ах, Закери, я хочу...

— Почувствовать то же, что тогда в беседке? — прошептал он, и глаза его дерзко сверкнули.

Холли кивнула, уткнувшись ему в шею, тело ее напряглось и дрожало от желания. Закери медленно прочертил рукой дорожку по ее груди, животу и ниже, и она вскрикнула. Его ласки сводили ее с ума. Бедра ее нетерпеливо поднялись, и тут она почувствовала, как его губы скользнули по ее коже, проделав путь от груди к животу. Она что-то выкрикнула,

это могло выражать и протест, и поощрение. Темная голова Закери поднялась, и он всмотрелся в ее пылающее лицо.

— Моя нежная, благовоспитанная леди, — прошептал он, — я вас шокировал?

— Да, — жалобно сказала она.

А потом она ощутила его губы, прикосновение его языка, и наслаждение закрутило ее в быстром огненном водовороте. Казалось невероятным, что такое происходит с ней, что существует такая ужасная сладостная близость.

— Закери, пощадите, — взмолилась она пересохшими губами.

— Никакой пощады вам не будет, миледи. Он обхватил ее голову, поцеловал и ворвался в нее. Она резко выдохнула и выгнулась навстречу ему.

— Вы моя, — прошептал он. — Вы принадлежите мне... Холли... навсегда.

— Да, — простонала она.

— Говорите же!

— Я люблю вас, Закери... ах... я так хочу вас... только вас...

Он проник в самые сокровенные ее глубины, и она содрогнулась, забилась, охваченная чувством, которого до сих пор не могла себе представить. Его тело напряглось, он гортанно застонал и запульсировал внутри ее.

Глубоко вздохнув, Холли обвила его, крепко прижимая к себе. Он попытался привстать, и она забормотала что-то протестующее.

— Я вас раздавлю, — сказал он.

— Ну и пусть.

Улыбнувшись, он перекатился на бок, не отпуская ее.

— Это даже лучше, чем в беседке, — удивленно призналась Холли.

Тихий смех был ей ответом.

— Я многому буду учить вас.

Она задумалась о том, что ее ждет, и улыбка ее погасла.

— Закери, — озабоченно произнесла она, — неужели такой мужчина, как вы, сможет удовлетворяться одной женщиной?

Он обхватил ее лицо ладонями и запечатлел на лбу нежный поцелуй. Потом отодвинулся и посмотрел в ее вопрошающие карие глаза.

— Я искал вас всю жизнь, — серьезно сказал он. — Вы — единственная, кто мне нужен, теперь и навсегда. Если вы мне не верите, я...

— Я вам верю, — перебила она, прикасаясь пальцами к его губам. — Нет никакой необходимости в обещаниях и доказательствах.

— Мне совсем нетрудно дать вам новые доказательства...

— Нет, я хочу поговорить, — запротестовала она. — Я хочу спросить вас кое о чем...

— Да? — Он гладил ее по спине, не уставая восхищаться ее изгибом.

— Почему вы отказали мистеру Соумерсу, когда он пришел просить руки Элизабет?

Этот вопрос удивил его, и взгляд стал настороженным. Черные брови сошлись на переносице, что говорило о некотором неудовольствии.

— Откуда вы это узнали?

Она покачала головой:

— Прошу вас, ответьте на мой вопрос.

Он тихо выругался и опустил голову на подушку.

— Я отказал ему потому, что я его испытываю.

— Испытываете его? — повторила Холли. Взвесив эти слова, она отодвинулась от Закери. — Но почему? Вы же не думаете, что он хочет жениться на Элизабет из-за вашего состояния?

— Этот вариант мне представляется возможным.

— Закери, нельзя манипулировать людьми, словно это пешки в шахматной игре. Тем более членами собственной семьи!

— Я просто пытаюсь защитить интересы Лиззи. Если Соумерс захочет жениться на ней без моего согласия и без приданого, — значит, он выдержал испытание.

— Закери. — Холли неодобрительно покачала головой и натянула на себя простыню. Он же без всякого смущения продолжал лежать перед ней обнаженный. — Ваша сестра любит этого человека. Вы должны уважать ее выбор. Даже если она и мистер Соумерс выдержат ваше испытание, они никогда вам этого не простят, и отношения будут непоправимо испорчены.

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Вы это знаете, — прошептала Холли. Прижавшись к нему, она ласково подула на завитки волос у него на груди.

— Черт побери, Холли, я всю жизнь вел дела определенным способом! Мне свойственно защищать себя и своих близких от всех мерзавцев, которые пытаются нас использовать. Допускаю, что я излишне упрям в своих привычках. Но если вы хотите попытаться превратить меня в размазню...

— Конечно, нет. — Она провела языком по его шее и скользнула в углубление, где билась жилка. — Мне не хотелось бы ничего в вас менять. — Она пощекотала своими длинными ресницами его кожу. — Но, по-моему, мы оба желали бы, чтобы ваша сестра была счастлива. Неужели она должна лишиться той радости, которую обрели мы с вами? Забудьте об этом дурацком испытании и пошлите за мистером Соумерсом.

Холли чувствовала его внутреннюю борьбу: привычка контролировать ситуацию боролась с чувствами.

— Я не люблю, когда мной управляют, — сердито заявил он.

Она улыбнулась в ответ:

— Я не пытаюсь вами управлять, я просто взываю к вашему добросердечию.

От ее ласк лицо у него стало напряженным, и он, судя по всему, утратил интерес к разговору.

— У меня нет добросердечия, миледи.

— Но вы пошлете за мистером Соумерсом? — не отставала она. — И уладите все с Элизабет?

— Да. Потом. — Он стянул укрывающую ее простыню и положил руку ей на грудь.

— Но, Закери! — Холли чуть не задохнулась. — Вы же не можете снова... не так быстро...

Но было уже поздно.

— Черт меня побери, если я не могу, — нежно пробурчал он, и все разговоры надолго прекратились.

Холли держала Закери за руку, они гуляли по дикой части его парка. Ее юбки волочились по пурпурным и белым крокусам. Легкий весенний ветерок колыхал желтые ирисы и белые искры подснежников, рассыпанных вдоль покрытой травой дорожки. Полянки, густо поросшие нежным желтым аконитом, тянулись к обширным зарослям жимолости и японского абрикоса. Глубоко вдыхая нежный аромат, Холли чувствовала, как счастье переполняет ее.

— Ваш дом, быть может, и ужасен с точки зрения архитектуры, — заметила она, — но этот сад — просто кусочек рая.

Закери крепче сжал ее руку, на лице у него мелькнула улыбка. Этот вечер был исполнен для них такого блаженства, которого они не знали до сих пор. Они провели много часов, наслаждаясь своей близостью, тихо смеясь и поверяя друг другу свои сердечные тайны. Теперь, когда они снова оказались вместе, выяснилось, что им нужно обсудить тысячи разнообразных вещей, а времени было мало. Ведь Холли непременно хотела вернуться к Тейлорам и поделиться с дочкой новостью о своем замужестве. Конечно, семейство Тейлоров придет в ярость. Мало того, что их огорчит ее выбор, они будут поражены, что жена Джорджа не исполнила его последней воли. Вряд ли они поймут, что это не просто легкомыслие с ее стороны. Других вариантов для нее нет. Жить без Закери Бронсона она не сможет, вот и все.

— Не уезжайте, — попросил Закери. — Я пошлю за Розой, и вы обе будете жить здесь, пока мы не подготовимся к свадьбе.

— Вы знаете, что я не могу так поступить.

Он помрачнел и медленно повел ее вокруг маленьких солнечных часов из мрамора и меди.

— Я не хочу выпускать вас из своего поля зрения.

Тут Холли отвлекла его внимание, заговорив о свадебной церемонии. Ей хотелось, чтобы торжество прошло без излишнего шума, соответственно обстоятельствам. К несчастью, Закери, предпочитал грандиозный размах. Услышав его идеи насчет большой церкви, тысячи голубей, дюжины трубачей, банкета на пятьсот человек и прочих кошмарных вещей, Холли твердо заявила, что с ней это не будет иметь ничего общего.

— Мы устроим все очень скромно, а главное — будет немногочленно, — сказала она. — И никак иначе.

— Согласен, — с готовностью подхватил он. — Действительно, трехсот гостей вполне достаточно.

Холли с недоумением посмотрела на него:

— Когда я сказала «немногочленно», я имела в виду нечто совсем другое. К примеру, полдюжины.

Он упрямо выпятил подбородок.

— Я хочу, чтобы весь Лондон знал о моей победе.

— Лондон узнает, — сухо заметила она. — И непременно перемоет нам все косточки... и конечно, никто из моих бывших друзей не придет на свадьбу, какая бы она ни была — экстравагантная или нет.

— А мои все придут, — похвастался он.

— Не сомневаюсь, — согласилась Холли, перебрав в уме нуворишей, дельцов, пройдох, выскочек и прожигателей жизни. — Тем не менее венчание будет как можно более скромным. Приберегите голубей, трубачей и все прочее для свадьбы Элизабет.

— Так и сделаю, — сердито бросил он.

Холли остановилась и улыбнулась:

— Значит, решено: гостей у нас будет немного. — Она обхватила руками его стан. — Я не хочу ждать ни одного лишнего дня.

Закери, не нуждавшийся в дальнейших поощрениях, наклонил голову и страстно поцеловал ее.

— Я хочу вас, — произнес он фразу, уже ставшую для нее привычной, и прижал ее к себе. — Пойдемте со мной в дом, дорогая моя, и позвольте мне...

— Пока мы не обвенчаемся, ничего не позволю. — Она прижалась ухом к его сильно бьющемуся сердцу. — Думаю, за сегодняшний день я вполне достаточно скомпрометирована.

— И вовсе не достаточно. — Его руки блуждали по лифу ее платья. Что-то шепча, он подвел ее к старой каменной стене, покрытой редкими желтыми камелиями, и протянул руки к подолу ее юбки.

— Не смейте, — предупредила его Холли, уклоняясь. — Джентльмену следует обращаться со своей возлюбленной уважительно, а вы...

— То состояние, в котором я пребываю, — явное доказательство моего к вам уважения, — прервал он, указывая на свои брюки.

Холли понимала, что ей следует осадить своего чересчур настойчивого жениха, но она лишь прижалась к нему.

— Вы вульгарны до невозможности, — посетовала она.

Закери крепче сжал ее руку.

— И похоже, вы это цените, — шепотом сказал он, и она не смогла удержаться от улыбки.

Он опустил голову к вырезу ее платья.

— Позвольте мне увести вас в беседку. Всего на несколько минут. Никто не узнает.

Она нехотя выскользнула из его рук.

— Я все буду знать.

Закери покачал головой, тяжело вздохнул и отвернулся к стене, чтобы обуздать свое желание. Когда Холли нерешительно подошла к нему, он искоса взглянул на нее горящими черными глазами.

— Ну ладно, — угрожающе пообещал он. — Я не прикоснусь к вам до нашей брачной ночи. Но вы пожалеете, что заставили меня ждать.

— Я уже жалею, — призналась Холли, и они долго смотрели друг на друга.

* * *

Закери намеревался послать за Джейсоном Соумерсом на следующий же день, но молодой человек удивил его, явившись с визитом рано утром. Ночью Закери впервые за этот месяц крепко спал и проснулся в восьмом часу — необычайно для него поздно. Кажется, после того как он десятилетиями боролся и стремился к цели, он наконец достиг вершины. Пожалуй, впервые в жизни он мог просто быть счастливым... и причина этого одновременно необычна и очень обыкновенна. Он любит. Он наконец-то отдал кому-то свое сердце и обнаружил, что ему отвечают взаимностью. Это представлялось слишком чудесным, чтобы

быть правдой.

Когда он завтракал, доложили о приходе визитера, и Закери попросил экономку проводить молодого человека к нему. Мрачный, красивый, бледный, одетый как на похороны, появился Соумерс, похожий на трагического героя шекспировской пьесы. Закери ощутил нечто напоминающее угрызения совести, вспомнив о своей последней встрече с ним. Тогда на предложение Соумерса он, Закери, ответил спокойным убийственным отказом. Архитектор, без сомнения, помнит все подробности этой неприятной сцены, чем и объясняется решительное выражение его лица. С таким выражением доблестный рыцарь смело приближается к логову злобного дракона.

Закери, небритый, в халате и еще не закончивший завтракать, жестом предложил молодому человеку присоединиться к нему.

— Прошу прощения за мой вид, — извинился он, — но сейчас немного рано для визитов. Хотите кофе?

— Нет, благодарю вас.

Гость продолжал стоять.

Развалившись на стуле, Закери сделал большой глоток горячего кофе.

— Хорошо, что вы выбрали сегодняшний день, чтобы зайти ко мне, — заметил он. — Я как раз думал послать за вами.

— Вот как? — Соумерс прищурил зеленые глаза. — Зачем, мистер Бронсон? Полагаю, что-то связанное с девонширским именем?

— Вовсе нет. Это касается того дела, которое мы обсуждали на днях.

— Насколько я помню, мы ничего не обсуждали, — заметил Джейсон бесстрастно. — Я просил вашего согласия на брак с Элизабет, и вы отказали.

— Да. — Закери громко откашлялся. — Я...

— Вы поставили меня в безвыходное положение, сэр. — Хотя влюбленный покраснел от волнения, голос его звучал твердо. — Из уважения к вам я пришел сообщить вам лично, что намерен жениться на Элизабет с вашего согласия или без оногo. И делаю я это не потому, что нацелился на ваше дурацкое состояние. Я полюбил вашу сестру. Если она станет моей женой, я обеспечу ее, ради нее буду работать как зверь и относиться к ней со всем уважением и добротой, на какие способен. Если вам нужно большее, можете идти ко всем чертям.

Брови Закери слегка приподнялись. Слова молодого человека произвели впечатление — нечасто случалось, что кто-то решался противостоять ему.

— Могу ли я поинтересоваться, — спросил он, — за что вы любите Элизабет?

— Она подходит мне во всем, что имеет значение.

— Но не по социальному положению.

— Я же сказал, — последовал спокойный ответ молодого человека, — во всем, что действительно важно. Мне совершенно безразлично социальное положение.

Этот ответ удовлетворил Бронсона. Интуиция подсказывала ему, что Соумерс — человек достойный и по-настоящему любит его сестру.

— В таком случае я согласен на ваш брак с Лиззи — если вы сделаете для меня кое-что. Соумерс был, по-видимому, безмерно изумлен, чтобы ответить сразу.

— Что вы имеете в виду? — выдавил он наконец подозрительно.

— У меня есть для вас еще один проект.

Архитектор решительно покачал головой:

— Я не хочу кормиться только вашими заказами и слышать обвинения в семейственности. Надеюсь, мои способности позволят мне делать проекты и для других, а вам я порекомендую подходящего архитектора.

— Да ведь речь идет о весьма скромном проекте, — сказал Закери, пропуская мимо ушей отказ. — Я собираюсь снести трущобы, в которых сдаются квартиры, они расположены в восточной части города, в квартале, который принадлежит мне. Вы должны спроектировать новый квартал, каких до сих пор еще не существовало. Большой дом, в котором могут поселиться десятки семей, приличное жилье, где можно готовить пищу, есть и спать. И вид у домов должен быть достаточно привлекательным, чтобы можно было войти, не стыдясь. Но главное — я хочу, чтобы это было недорого и другие богатые люди тоже захотели построить такое жилье. Вы можете сделать что-нибудь подобное?

— Да, — спокойно ответил Джейсон, который, судя по всему, проникся важностью этой идеи. — И я это сделаю, хотя мне бы не хотелось, чтобы мое имя связывали с проектом. Понимаете...

— Понимаю. — Закери ничуть не рассердился. — Если аристократы узнают, что вы делаете проекты для бедняков, вы больше никогда не получите от них заказы.

Соумерс с любопытством посмотрел на Бронсона, и в его зеленых глазах появилось какое-то странное выражение.

— Я никогда не встречал человека вашего положения, которого беспокоила бы жизнь простых людей.

— Я сам простой человек, — возразил Закери. — Просто мне повезло больше других.

Архитектор усмехнулся:

— Я запомню эти слова.

Покончив с основным делом, Закери лениво забарабанил пальцами по столу.

— Знаете, Соумерс, у вас есть еще худший вариант, чем постоянно исполнять мои заказы. С вашим талантом и моими деньгами...

— Ну нет. — Молодой человек неожиданно рассмеялся и впервые посмотрел на собеседника по-настоящему дружелюбно. — Я уважаю вас, Бронсон. Но одалживаться у вас не хочу. Мне не нужны ваши деньги. Мне нужна только ваша сестра.

В голове у Закери вертелись сотни указаний по поводу того, как следует обращаться с его сестрой, что необходимо Элизабет и чего она заслуживает. Ему хотелось сказать несколько слов и о том, как ужасны будут последствия, если Соумерс когда-либо ее огорчит. Но он посмотрел на красивое самоуверенное молодое лицо, и слова замерли у него на губах. Закери понял, что он больше не может строить по собственному плану жизнь своих родных, не должен контролировать каждую минуту их времени. Отныне они будут жить своей жизнью, да и он тоже. Странное чувство охватило его, когда он понял: теперь можно поручить Элизабет заботам какого-то другого человека, она будет счастлива и любима.

— Ладно. — Он встал из-за стола и протянул руку. — Получайте Лиззи и мое благословение.

— Благодарю вас.

Они скрепили договор рукопожатием, и Соумерс не сумел удержаться от усмешки.

— Что касается приданого, — продолжил Закери, — мне бы хотелось...

— Я уже говорил вам, — прервал его Соумерс, — мне не нужно приданого.

— Это для Элизабет, — возразил Закери. — Жена должна обладать некоторой финансовой независимостью.

Это было не только его личное мнение. Он неоднократно был свидетелем того, что к женам, имеющим собственность, мужа проявляли гораздо больше внимания. К тому же по закону женщины сохраняли свое имущество, когда мужа умирали, независимо от воли покойного.

— Хорошо. Я согласен, поскольку это нужно Элизабет. А теперь, если не возражаете, я откланяюсь. Нам с вами предстоит еще обсудить множество дел, но сейчас мне хотелось бы поделиться новостью с вашей сестрой.

— Благодарю вас, — ответил Закери сердечно. — Мне чертовски надоело, что она в последнее время так и норовит назвать меня бессердечным людоедом. — Когда архитектор направился к двери, Закери вспомнил еще кое о чем. — Да, Соумерс... Надеюсь, вы не станете возражать, если я возьму устройство свадьбы на себя?

— Да ради Бога! — ответил Джейсон, не останавливаясь: ему не терпелось увидеть Элизабет.

— Вот и славно, — пробормотал Закери, садясь за стол. Взяв в руки перо, он опустил его в чернильницу и начал составлять список. — Тысяча голубей для церкви, пять оркестров для приема... фейерверки, дюжина трубачей — нет, пусть лучше будет две дюжины...

Как и ожидала Холли, никто из Тейлоров не явился на венчание, состоявшееся в маленькой часовне рядом с домом Бронсона. Понимая чувства и разочарование родных своего умершего мужа, Холли ни в чем их не винила. Со временем они ее простят, особенно когда увидят, как выиграет от этого союза Роза. А Роза ликовала.

— Вы теперь будете моим папой? — спросила малышка у Закери, обвивая руками его шею. Когда Холли привезла ее в дом Бронсона, она бросилась к нему, издавая пронзительные восторженные вопли, а он принялся крутить ее в воздухе, пока ее нижние юбочки и белые чулочки не слились в один сплошной белый вихрь.

Наблюдая эту картину, Холли ощутила в душе покой и мир. Если она и сомневалась, как отнесется дочка к ее сообщению, то теперь все ее сомнения развеялись — личико Розы сияло. Конечно, ребенка избалуют, но зато и любить будут от всей души.

— А вам этого хотелось бы? — ответил Закери Розе вопросом на вопрос.

Она задумалась и с сомнением взглянула на Холли, а потом снова на Закери.

— Мне очень нравится жить в вашем большом доме, — ответила она со всей искренностью ребенка, — и я не возражаю, если мама выйдет за вас замуж. Но мне не хочется называть вас папой. Я думаю, мой папа на небе огорчился бы.

Эти слова поразили Холли, и она не нашла с ответом. Беспомощно смотрела она, как Закери прикоснулся к подбородку девочки и повернул ее лицом к себе.

— Тогда зовите меня, как вам нравится, — спокойно сказал он. — Поверьте мне, принцесса, я не собираюсь заменять вам папу. Глупо было бы с моей стороны даже пытаться — он ведь был такой замечательный человек. Просто я хочу заботиться о вас и о вашей маме. Я думаю, ваш папа обрадовался бы, что кто-то присматривает за вами здесь, поскольку сам он этого делать не может.

— Хорошо, — кивнула Роза с нескрываемым удовольствием. — Думаю, тогда все в порядке, раз мы его не забудем. Да, мама?

— Да, — прошептала Холли. Горло у нее сжалось от избытка чувств, щеки пылали. Она посмотрела на Закери блестящими карими глазами.

В день свадьбы их сопровождали Элизабет, Пола и Джейсон Соумерс, а также родители Холли, пребывавшие в полном смятении. Они приехали ради такого случая из Дорсета и хотя никак не проявили своего недовольствия, были изумлены, что их дочь выходит замуж за человека совершенно другого круга.

— Мистер Бронсон, кажется, достойный джентльмен, — прошептала мать перед началом церемонии, — и манеры у него вполне приятные... Он, пожалуй, хорош собой, хотя немного грубоват, чтобы считаться по-настоящему красивым...

— Мама, — произнесла Холли ласково, зная привычку матери все подвергать сомнению, — я так поняла, что ты его одобряешь?

— Кажется, да, — согласилась та, — хотя мистер Бронсон, конечно, ничуть не напоминает ни внешностью, ни характером твоего первого мужа.

— Мама... — Холли порывисто обняла мать. — Со временем ты поймешь, как это уже случилось со мной, что мистер Бронсон — человек замечательный во всех отношениях. Ему, конечно, не хватает лоска, зато в других отношениях он даже превосходит и меня, и Джорджа.

— Ну, если ты так считаешь... — неуверенно ответила мать, и Холли засмеялась.

Все собрались в часовне, Холли стояла между Элизабет и Розой, а Закери — рядом с Соумерсом, согласившимся быть его шафером. Но вдруг, к общему изумлению, количество гостей увеличилось. Холли просияла: в часовню вошел лорд Блейк, граф Рейвенхилл. Он изящно поклонился, потом подошел к Холли и стал рядом с ее родителями. Его обычно холодные серые глаза улыбались, когда он смотрел на жениха и невесту.

— Что он здесь делает? — прошипел Закери.

Холли крепко сжала его руку.

— Это искреннее проявление дружеских чувств, — объяснила она шепотом. — Таким образом лорд Блейк публично продемонстрировал всему свету, что одобряет наш союз.

— Просто он воспользовался последней возможностью поглазеть на вас!..

Холли бросила на Закери укоризненный взгляд, но он, кажется, не заметил этого, занятый разглядыванием ее наряда. Платье из бледно-желтого gros de naple [6] отличного качества дополнял маленький букетик весенних цветов, приколотый к середине прямоугольного выреза. Короткие рукава-буфы сверху покрывали длинные прозрачные рукава из crepe lisse [7]. Все вместе создавало впечатление молодости и хрупкости, которые не требуют никаких украшений. Лишь к зачесанным кверху темным кудрям Холли приколола несколько цветков апельсина.

Викарий начал свою речь:

— Хочешь ли ты взять эту женщину в жены и жить с ней в супружестве после совершения священного обряда? Будешь ли ты любить ее, почитать и беречь ее в болезни и в здравии и, забыв всех остальных, будешь ли верен только ей одной до конца дней ваших?

Ответ Закери был спокоен и тверд:

— Буду.

И по мере того, как церемония продолжалась, Холли превращалась из вдовы в новобрачную.

Они дали друг другу обеты, обменялись кольцами и преклонили колени. Холли попыталась сосредоточиться на напутствиях викария, но взглянула в серьезное лицо Закери, и мир вокруг исчез, остались только они двое. Помогая ей встать, он сжал ее руку жарко и крепко, и она будто издалека услышала последние слова викария:

— ...то, что соединил Господь, да не разъединит человек.

Теперь они обвенчаны, удивленно подумала Холли, глядя на мужа. Внезапно тишину нарушил голосок Розы. Малышке захотелось кое-что добавить к словам викария:

— И с тех пор они жили счастливо.

По небольшой группе собравшихся пробежал смех, и Закери запечатлел короткий и крепкий поцелуй на улыбающихся губах Холли.

Последовавший за этим свадебный ужин прошел весело, под музыку скрипачей и неспешную беседу, поощряемую изобилием дорогих вин. Розе разрешили немного посидеть за столом вместе со взрослыми. Каково же было ее огорчение, когда в восемь часов появилась Мод, чтобы отвести ее в детскую. Но тут Закери наклонился к ней, что-то тихо прошептал на ухо и сунул в кулачок какие-то вещицы. Поцеловав Холли и пожелав ей доброй ночи, дочь без слова протеста поднялась наверх вместе с Мод.

— Что вы ей дали? — поинтересовалась Холли.

Черные глаза ее мужа озорно блеснули.

— Пуговицы.

— Пуговицы? Откуда?

— Одну с моего свадебного фрака, другую — с вашего платья. Розе хотелось их иметь в память об этом событии.

— Вы срезали пуговицу со спинки моего платья? — укоризненно прошептала Холли, удивляясь, как ему удалось проделать это незаметно.

— Скажите спасибо, что я ограничился всего одной штукой, миледи, — отозвался он.

Холли промолчала, но румянец ее стал ярче. Она поняла, что ждет не дождется брачной ночи так же, как и он.

Наконец долгий ужин и бесконечные тосты завершились, и мужчины остались за столом пить портвейн. Холли ускользнула наверх, в спальню, соседствующую со спальней Закери, и с помощью Мод сняла свадебные одеяния. Она переоделась в ночную сорочку из тончайшего белого батиста, затейливо украшенную, с присборенными лифом и рукавами. Отпустив служанку, Холли вынула шпильки из волос, и они рассыпались по плечам — длинные, свободные.

Странное это было ощущение — снова ждать, когда придет ее муж. Странное, но замечательное. Как ей повезло: Бог даровал ей две любви. Сидя у туалетного столика, она склонила голову и молча произнесла благодарственную молитву.

Тишину нарушил тихий скрип двери. Холли подняла глаза и увидела приближающегося Закери.

Он медленно снял свадебный фрак и бросил его на спинку стула. Потом подошел к ней и положил руки ей на плечи, глаза их встретились.

— Конечно, я мог бы подождать еще. — Его пальцы скользнули по шелковистым волосам, потом легко коснулись шеи. От этого ласкового прикосновения Холли вздрогнула. — Но чем больше я думал, что вы здесь, наверху... моя милая, красивая женушка... тем менее возможным было оставаться вдали от вас.

Глядя в зеркало на ее отражение, Закери осторожно расстегнул маленькие, обтянутые тканью пуговицы у ее ворота, а потом и весь остальной длинный их ряд, так что теперь батист свободно облегал ее. Его смуглые руки скользнули под тонкую ткань и принялись ласкать ее округлые груди, и смуглые очертания этих рук просвечивали сквозь тонкий батист.

Холли откинулась на спинку стула. Соски ее затвердели.

— Закери, — задыхаясь, сказала она, — я вас люблю.

Он опустился на колени и потянул ее к себе, его губы через батист нашли ее грудь. Она положила ладони на его волосы, ощутила их густоту и упругость. Закери поднял голову и улыбнулся.

— Скажите, — спросил он, — вы все еще считаете, что хорошая жена покоряется желаниям мужа, но сама никогда не поощряет его?

— Во всяком случае, мне положено так думать, — грустно ответила она.

— Это ужасно, — посетовал он, но в глазах у него искрился смех. — Поскольку ничто не доставляет мне такого удовольствия, как наблюдать вашу борьбу с собственной страстью.

Он легко поднял ее на руки и понес на кровать. В мягком мерцающем свете свечей кожа Закери отливала бронзой, когда он раздевался. Он медленно начал стягивать сорочку Холли, осыпая поцелуями каждый открывающийся дюйм ее тела. Наконец сорочка упала на пол. Она повернулась к нему, издав звук, в котором смешивались желание и смущение, отчего он тихо рассмеялся. Но лицо его сразу посерьезнело, когда она прикоснулась к нему и принялась неумело гладить его плечи, спину и крепкие мускулы. Его грудь вздымалась от

неровного дыхания, он зарылся лицом в ее волосы.

— Закери, — прошептала она, — научите меня всему, что вам нравится. Расскажите, чего вам хочется. Я сделаю для вас все... все.

Он поднял голову и заглянул в ее любящие, доверчивые карие глаза. Наклонился и жадно завладел ее губами. Схватив ее руку, он медленно провел ею по своему телу, иногда замедляя движение и показывая ей, как нужно гладить и ласкать. Она и понятия не имела ни о чем подобном.

Когда Холли, пылающая и уже на все готовая, могла только простонать его имя и взмолиться о пощаде, он, неожиданно перекатившись на спину, предоставил ей инициативу. Она оказалась способной ученицей и быстро поняла, чего он хочет.

Он вошел в ее глубины, а она делала то, чего требовал могучий и неуправляемый инстинкт. И вот уже наслаждение, росшее внутри, стало накрывать ее огромной пульсирующей волной. Вскрикнув, Холли припала к нему, впилась губами в его уста, втиснулась, вжалась, растворилась, охваченная яростным восторгом. Только тогда он позволил себе полностью отдаться страсти и достигнуть пика наслаждения.

После этого Холли долго отдыхала у него на плече, поглаживая его лицо нежными кончиками пальцев. Затем он приподнялся, чтобы задуть свечи, и снова вернулся в ее объятия. Она не знала, проспали они несколько минут или несколько часов, но, открыв глаза в темноте, снова ощутила тепло его тела.

На рассвете они опять ласкали друг друга, каждое мгновение было томным и сонным, и губы их сливались в нежнейшем поцелуе.

— Мне бы хотелось никогда не покидать этой кровати, — прошептала она, вытянувшись под его рукой.

— Боюсь, этого не избежать, миледи. Но с этого момента у нас всегда будет впереди ночь.

— Закери!

— Да, любовь моя?

— Как часто вы обычно... э-э-э... то есть вы предпочитаете...

Его, по-видимому, позабавили эти поиски нужных слов.

— А как часто хотелось бы вам? — задал он встречный вопрос.

— Ну, с Джорджем я... то есть мы... по крайней мере раз в неделю.

— Раз в неделю, — повторил он, и в глазах его заплясали веселые искорки. — Боюсь, что мне придется затруднять вас гораздо чаще, чем раз в неделю, леди Бронсон.

Но перспектива проводить с ним почти каждую ночь не представлялась Холли тяжким бременем.

— Всю жизнь меня учили быть умеренной во всем, — призналась она. — И я была такой... пока не встретила вас.

— Ну, леди Бронсон, — протянул он, возвышаясь над ней, — я полагаю, у нас есть шансы на неплохое будущее. Вы согласны?

И он поцеловал ее прежде, чем она успела ответить.

* * *

Холли считала, что, прожив под крышей Закери Бронсона достаточно продолжительное

время, она успела в какой-то мере узнать и понять его. Однако вскоре она обнаружила, что многое в его характере тогда оставалось за пределами ее понимания. Когда миновал первый месяц супружества, она постепенно начала привыкать к их удивительной близости. Она узнала о Закери множество вещей. Он мог быть грубым и резким с теми, кто ему не нравится, но никогда не забывал о милосердии. Он не был религиозен, не впитал с молоком матери определенных правил и запретов, но неуклонно придерживался кодекса чести. Откровенные похвалы смущали его, так же как упоминание о его добрых делах.

Еще Закери старательно скрывал свою способность к сопереживанию, сочувствию, заставлявшую его проявлять доброту к тем, кого он считал слабыми и ранимыми. Заклячая сделки, он бывал неумолим, но щедро раздавал монетки подметальщикам улиц и девочкам, продающим спички. Он тайно финансировал множество реформистских начинаний. Если о его благодеяниях узнавали, он начисто отрицал гуманность своего поступка и притворялся, что руководствовался исключительно корыстными соображениями.

Однажды, когда он решил поработать дома, Холли, в очередной раз сбита с толку его поведением, вошла в библиотеку.

— Пенсии для рабочих, новые стандарты безопасности на фабриках, финансирование учебного заведения, — вслух размышляла она, — все это сделано только потому, что в конце концов принесет вам прибыль?

— Совершенно верно. Если рабочие будут более образованными и, по возможности, здоровыми, это приведет к более высокой производительности труда.

— А законопроект, который вы тайком финансируете в парламенте? Запрет наемного труда сирот на мельницах и фабриках, — продолжала Холли. — Это тоже исключительно из деловых соображений?

— Откуда вы об этом узнали? — спросил он рассерженно.

— Я слышала на днях ваш разговор с мистером Кренфиллом. — Сев к Закери на колени, Холли развязала его галстук и взъерошила темные волосы. — Почему вы не хотите, чтобы все знали о ваших добрых делах? — тихо спросила она.

Он смущенно пожал плечами:

— Это ничего не дает. Люди так или иначе останутся при своем мнении.

Холли задумчиво кивнула, вспомнив статью, опубликованную в «Таймс», где говорилось о помощи, оказываемой Закери учебному заведению для рабочих.

«Честолюбивый мистер Бронсон решил добиться, чтобы средние и даже низшие классы получили возможность управлять страной. Люди, не имеющие ни малейшего понятия об ответственности или нравственности, получают власть над нами. Он хочет, чтобы овца командовала пастухом и необразованные грубияны вроде него самого возвысились над людьми утонченными и интеллектуальными...»

— Все, что я делаю, подвергается критике, — небрежно заметил Закери. — Иногда мое покровительство становится помехой для тех, кому я пытаюсь помочь. Меня обвиняют даже в том, что я пытаюсь возглавить движение плебса, направленное на свержение монархии.

— Как несправедливо, — посетовала Холли.

Она почувствовала себя виноватой. Ведь это ее бывшие знакомые и друзья деятельно борются против образования и повышения уровня жизни для тех, кому повезло гораздо меньше, чем им. Как странно, что они с Джорджем никогда не обсуждали этих проблем,

даже и не думали об их существовании. Им никогда не приходило в голову беспокоиться о детях, вынужденных в трех-, четырехлетнем возрасте наниматься на работу, о вдовах, ради своих семей продающих на улицах спички, о целом классе людей, у которых нет никакой возможности преодолеть превратности судьбы, если кто-то не будет за них бороться. Вздыхнув, она положила голову на плечо мужу.

— Какой себялюбивой и слепой я была! — вздохнула она.

— Вы? — Голос Закери звучал удивленно. Он наклонился и поцеловал изгиб ее шеи. — Вы ангел.

— Да? — усмехнулась она. — За всю мою жизнь я ничего не сделала, чтобы помочь другим. А вот вы сделали очень много и не получаете и доли той признательности, которой заслуживаете.

— Мне не нужна признательность. — Он поудобнее устроил ее у себя на коленях.

— Что же вам нужно? — тихо спросила она.

Он обхватил рукой ее щиколотку и начал пробираться выше.

— Мне кажется, это должно быть вам совершенно ясно.

Разумеется, Закери был отнюдь не святой. Он не пренебрегал различными способами давления, чтобы достичь желаемого. Холли и забавляло, и пугало, когда она находила доказательства таким маневрам — вроде полученного ими приглашения на ежегодный загородный прием графа и графини Глинтворт. Приглашение казалось чудом, так как Глинтворт, лорд Рей, вращался в самых верхах, а Бронсоны заслужили слишком дурную славу, чтобы попасть в список элиты. Зато, если они будут приняты на этом балу, никто в высшем обществе уже не сможет пренебрегать ими.

Холли принесла это приглашение Закери, недоуменно хмурясь. Он сидел в музыкальной комнате, наблюдая, как Роза перебирает клавиши сверкающего маленького, специально для нее приобретенного пианино. Закери почему-то заявлял, что ему очень нравится слушать, как ребенок учит гаммы, и он проводил по меньшей мере два утра в неделю вместе с ней.

— Вот это только что принес посыльный. — Холли протянула ему приглашение. Он же продолжал внимать Розиной какофонии, словно то были райские звуки.

— Что это такое? — лениво спросил он, вытягиваясь поудобнее в кресле, стоявшем возле пианино.

— Приглашение на ежегодный загородный прием к графу Глинтворту. — Холли с подозрением уставилась на мужа. — Вы имеете к этому какое-либо отношение?

— Почему вы так думаете? — удивился он.

— Весьма странно, что нас туда приглашают. Глинтворт — самый большой сноб в Лондоне, по доброй воле он не разрешил бы нам даже посмотреть, как чистят его сапоги!

— Пустяки, — пробурчал Закери, — просто ему понадобилось, чтобы я кое-что для него сделал.

— Послушайте, дядя Зак, — вмешалась Роза. — Это у меня получается лучше всего!

Пианино слегка задрожало от ее вдохновенных аккордов.

— Я слушаю, принцесса, — заверил ее Закери, а потом обратился к Холли, понизив голос:

— Любовь моя, думаю, вы вскоре убедитесь, что общество будет вынуждено смотреть сквозь пальцы на наши с вами несколько экстравагантные поступки. Слишком много представителей аристократии связаны со мной в финансовом отношении — или хотели бы быть связаны. А за дружбу, как и за все прочее, нужно платить.

— Закери Бронсон! — воскликнула Холли, не веря собственным ушам. — Уж не хотите ли вы сказать, что вынудили графа и графиню Глинтворт пригласить нас на воскресный прием?

— Я предоставил им возможность выбирать, — негодуя возразил он. — Глинтворт по уши в долгах и уже много месяцев просит, чтобы я позволил ему сделать капиталовложения... — Он замолчал и зааплодировал Розе, сыгравшей «Три слепые мышки», потом снова повернулся к Холли. — Он гонялся за мной, точно собака за крысой, чтобы я разрешил ему вложить деньги в железную дорогу, которую я намереваюсь строить. На днях я обещал дать ему шанс, но намекнул, что взамен хочу, чтобы он публично продемонстрировал наши дружеские отношения. Очевидно, Глинтворт убедил леди Рей, что в их интересах пригласить нас на бал.

— Значит, вы поставили его перед выбором — либо они приглашают нас, либо он остается ни с чем?

— Я не говорил так резко.

— Закери, вы просто пират!

Он ухмыльнулся, восприняв это как комплимент:

— Благодарю вас.

— Но это отнюдь не похвала! Наверное, если кто-то будет тонуть, вы сначала вытянете из него нужные вам обещания и только потом бросите веревку.

Закери с философским видом пожал плечами:

— Радость моя, все дело в наличии веревки.

В конце концов они побывали на воскресном приеме и были приняты светом с мрачной любезностью. Стало ясно: им не рады, но и изгонять их не собираются. Закери все рассчитал правильно. Честолюбивые аристократы были многим ему обязаны и не рискнули бы вызвать у него гнев. Можно получить прекрасное наследство и иметь обширные земельные угодья, но если у тебя нет денег для поддержания родового гнезда в порядке, ты все потеряешь. Слишком много обедневших аристократов вынуждены были продавать свою собственность и старинные владения ради наличных денег. Те же, кто был связан с Закери Бронсоном, могли не опасаться, что окажутся в подобном положении.

Когда-то Холли мог огорчить прохладный прием, оказанный бывшими друзьями, но, к ее удивлению, теперь ей это было совершенно безразлично. Она знала, что о ней говорят: раньше она была любовницей Закери Бронсона, обвенчались только потому, что она забеременела, она уронила себя, породнившись со старьевщицей и боксером... Но пересуды, неодобрение общества, скандальные слухи действовали на нее не больше, чем стрелы, ударяющиеся о доспехи. Она никогда не чувствовала себя такой уверенной, такой лелеемой и любимой, и счастье ее с каждым днем сияло все ярче.

К ее великому облегчению, Закери замедлил беспокойный ритм своей жизни, и, хотя он был постоянно занят, его неистощимая энергия не утомляла ее, как она когда-то боялась. Даже Пола радостно заметила, что теперь ее сын спит по восемь, а не по пять часов в день и проводит вечера дома, а не кутит в Лондоне. Многие годы он жил так, словно жизнь — это сражение, а теперь начал смотреть на мир с ощущением легкости и спокойствия.

Закери предпочитал проводить вторую половину дня дома или сопровождал Холли и Розу на пикники или прогулки. Он купил красивую яхту, чтобы они могли наслаждаться отдыхом на воде, ходил с ними на пантомимы в Друри-Лейн и купил «домик» в Брайтоне, на берегу моря. В «домике» была дюжина комнат — чтобы ездить туда летом. Друзья шутили,

говоря, что он заделался примерным семьянином, но Закери улыбался и отвечал, что для него нет большего удовольствия, чем проводить время с женой и дочерью. Общество было явно сбито с толку его поведением. Мужчине не полагалось так открыто высказывать любовь к жене, не говоря уж о ребенке, но никто не осмеливался публично критиковать его. Порешили на том, что такое поведение — еще одна из его многочисленных странностей. Холли сама удивлялась невероятной преданности супруга и явно получала удовольствие, когда прочие дамы шутливо интересовались, каким волшебным зельем она опоила мужа и чем так очаровала его.

Закери часто приводил друзей к ужину — политических деятелей, юристов и богатых коммерсантов. Общество это было очень не похоже на то, к которому привыкла Холли. Они свободно говорили о деньгах, торговле, политических делах, обо всем том, что являлось табу за столом аристократов. Эти люди были ей не понятны, они были не очень хорошо воспитаны и порой грубы, и все-таки она находила их интересными.

— Что за скопище негодяев! — воскликнула она как-то вечером. Последний из гостей только что ушел, и они с Закери поднимались наверх, в спальню. — Этого мистера Кромби и мистера Уиттона вряд ли можно назвать приличными людьми.

— Пожалуй. — Закери покаянно склонил голову, но Холли успела заметить его ухмылку. — Когда я их вижу, я понимаю, как сильно вы меня изменили.

Она скептически фыркнула:

— Вы, сэр, самый большой негодяй из всех.

— Ну что ж, вам еще будет над чем работать, — лениво отозвался он, останавливаясь ступенькой ниже.

Холли обвила руками его шею и поцеловала в кончик носа:

— Но я не хочу этого. Я люблю вас таким, какой вы есть, мой безнравственный и грубый муж.

Он поймал губами ее губы.

— Тогда отныне я буду особенно безнравственным. — Он пощекотал языком ее нежную щеку. — Сегодня в вашей постели не будет джентльмена, миледи.

— То есть все будет как всегда, — задумчиво подытожила она и тут же громко рассмеялась: он неожиданно перекинул ее через плечо и понес вверх по лестнице. — Закери, отпустите меня сию же... ах, варвар, а если кто-нибудь увидит!

Он пронес Холли мимо изумленной горничной, не обращая внимания на мольбы, и направился в спальню, где в течение нескольких часов возбуждал ее и дразнил. Он заставлял ее смеяться, играть, бороться и стонать от наслаждения. А когда она устала и насытилась, он стал ласкать ее, нежно, бережно, шепча ей в темноте, что будет любить ее вечно. Она все еще удивлялась: за что ее любят так сильно? И не могла понять, почему она кажется ему такой необыкновенной.

— Понимаете, таких, как я, очень много, — убеждала она, когда утро уже приближалось и ее волосы служили ему покрывалом. — Женщин, воспитанных так же, обладающих более древними титулами и более красивыми лицами и фигурами.

Он улыбнулся:

— Что вы хотите этим сказать? Вы предпочли бы, чтобы я женился на другой?

— Конечно, нет. — Она укоризненно дернула завиток волос у него на груди. — Просто я отнюдь не ценный приз, каким вы меня изображаете. Вы могли бы получить любую женщину, к которой почувствовали бы сердечное расположение.

— Но таковой оказались именно вы. Вы — та, о ком я всегда мечтал и в ком нуждался. — Он ласково играл ее волосами. — Заметьте, мне не всегда нравится чувствовать себя таким беспредельно счастливым... Это немного похоже на короля горы.

— Теперь, когда вы забрались на вершину кручи, вы боитесь, что вас оттуда сбросят?

— Что-то вроде.

Холли прекрасно понимала, что он чувствует. Именно по этой причине она когда-то отказалась выйти за него — из страха рискнуть всем и все потерять.

— Мы не будем бояться, — прошептала Холли, целуя его в плечо. — Мы будем наслаждаться каждым мгновением как можно полнее, а горести... Что ж о них думать? Они приходят, не спросившись.

* * *

Заинтересовавшись одним из реформаторских обществ, которое субсидировал Закери, Холли побывала на собрании основавших его дам-аристократок. Это оказался комитет помощи детям, и она с радостью включилась в его деятельность. Энтузиастки устраивали благотворительные базары, основывали новые учреждения и помогали обеспечить множество детей, оставшихся сиротами в результате недавних эпидемий тифа и туберкулеза. Было решено издать памфлет, описывающий условия детского труда на фабриках. Холли вместе с полудюжиной женщин посетила предприятие, изготавливающее метлы, бывшее на самом дурном счету. Подозревая, что Закери не одобрит ее вылазку, Холли решила не говорить ему об этом.

Хотя она и приготовилась увидеть нечто неприятное, все равно ужасные условия труда поразили ее. Грязное душное помещение было заполнено людьми, в том числе и детьми. Холли с болью смотрела на худых, жалких человечков с ничего не выражающими лицами, чьи маленькие руки непрестанно двигались, выполняя однообразную утомительную работу. Это были сироты, как объяснил один из рабочих, набранные по сиротским приютам и живущие в узких темных бараках рядом с фабрикой. Они работали по четырнадцать часов в день, иногда дольше, и за этот изнурительный труд их скудно кормили, бедно одевали и давали несколько пенсов в день.

Женщины из комитета помощи детям оставались на фабрике до тех пор, пока их присутствие не обнаружил управляющий. Их быстро выпроводили, но к этому времени они уже выяснили все, что им хотелось узнать. Опечаленная, но преисполненная решимости Холли вернулась домой и написала от имени комитета доклад, чтобы завтра представить его на общем собрании.

— Устали? — спросил Закери вечером за ужином, окинув пронизательным взглядом лицо жены.

Холли кивнула, чувствуя себя несколько виноватой, что скрыла от него, чем занималась целый день. Но если бы он узнал об этом, то рассердился бы, и она решила молчать.

К несчастью, Закери узнал-таки о посещении дамами фабрики, но не от Холли, а от одного из своих друзей, чья жена тоже туда ходила. Друг сообщил также, что фабрика находится в весьма неприглядном районе. Одни названия окружающих ее улиц чего стоили — аллея Суки, двор Мертвеца и переулок Девичьей Головы!

Реакция Закери удивила Холли. Едва муж явился домой, она с замирающим сердцем

поняла, что он не просто недоволен — он в ярости. Закери всячески старался справиться с собой, но голос его прерывался от негодования, слова с трудом вылетали сквозь стиснутые зубы:

— Черт побери, Холли, я бы никогда не поверил, что вы способны поступить так глупо! Здание в любой момент могло рухнуть на вас и на всех этих наседок. Зная, в каком состоянии находятся эти постройки, я не позволил бы даже моей собаке переступить через их порог, не говоря уж о жене. А местная публика? Боже мой, как подумаю об этих грубых ублюдках, которые находились рядом с вами, у меня просто кровь стынет в жилах! Матросы, пьяницы на каждом углу — да вы знаете, что могло случиться, если бы кто-нибудь обратил внимание на такую милашку, как вы?

Поскольку при мысли об этом он на время лишился дара речи, Холли решила воспользоваться паузой.

— Но я же была не одна...

— Леди, — свирепо проговорил он, — вооруженные зонтиками, чудная, однако, защита! Подумайте, ну что они бы предприняли, если бы встретились с какими-нибудь разбойниками?

— Несколько мужчин, которых мы видели неподалеку, были совершенно безобидными, — упорствовала Холли. — Вы же сами жили в таком месте в детстве, и тамошние жители ничем не отличаются от вас в юности...

— В те дни я хорошо бы позабавился, если бы вы попались мне в руки, — процедил он. — Бросьте иллюзии, миледи... для вас все кончилось бы в переулке Девичьей Головы, с юбками, подвязанными вокруг талии. Просто чудо, что на вашей дорожке не повстречался какой-нибудь пьяный хам.

— Вы преувеличиваете, — сказала Холли, но это только подлило масла в огонь.

Он продолжал читать ей нотацию, то поучая, то оскорбляя упоминанием о различных болезнях, которыми она могла заразиться, и о паразитах, которых могла подцепить, до тех пор, пока Холли не потеряла терпение.

— Я слышала достаточно! — пылко воскликнула она. — Мне ясно, что я не должна принимать никаких решений, не спросив прежде разрешения у вас, что со мной нужно обращаться как с ребенком, а вы будете диктовать мне, как должно себя вести.

Обвинение было несправедливым, и она это понимала, но слишком рассердилась, чтобы думать об этом.

Неожиданно его ярость стихла, и он устремил на нее загадочный взгляд.

— Вы взяли бы с собой в такое место Розу?

— Разумеется, нет! Но ведь она маленькая девочка, а я...

— ...моя жизнь, — спокойно продолжил он. — Вы — вся моя жизнь. Если с вами что-нибудь случится, Холли, у меня ничего не останется.

После этих слов она вдруг показалась себе маленькой, глупой и — в полном соответствии с его упреками — безответственной. Ведь она знала, что посещение фабрики — не самая разумная вещь, иначе не стала бы держать это в тайне. Но намерения у нее были хорошими! Проглотив новые аргументы, Холли хмуро уставилась на стену.

Она слышала, как Закери тихо выругался, и ругательство это было, таким забористым, что она вздрогнула.

— Я не скажу больше ни слова, если вы дадите мне обещание.

— Да? — с опаской посмотрела на него она.

— Отныне не ходите в такие места, куда вы не могли бы взять с собой Розу. По крайней мере без меня.

— Что ж, это требование не лишено оснований, — недовольно сказала она. — Ладно, обещаю.

Закери кивнул, губы его были сурово сжаты. У Холли мелькнула мысль, что он впервые воспользовался своей властью мужа. Более того, он вел себя в этой ситуации совсем не так, как это сделал бы Джордж. Джордж установил бы для нее гораздо большие ограничения, хотя и в более изящной форме. Первый муж, без сомнения, попросил бы ее тут же выйти из комитета. Настоящие леди, заметил бы он, ограничиваются тем, что носят бедным корзиночки с желе и супом или выставляют на благотворительных базарах свое рукоделие. Закери, несмотря на все громы и молнии, на самом деле потребовал от нее очень немногого.

— Я прошу прощения, — заставила она себя произнести. — Я не хотела вас беспокоить. Он снова кивнул.

— Вы меня не обеспокоили, — проворчал он. — Вы меня до смерти перепугали.

Хотя их ссора подошла к концу и атмосфера разрядилась, определенное напряжение между ними сохранялось и во время обеда, и даже после. Впервые за их совместную жизнь Закери не пришел к ней ночью. Спала она беспокойно, металась, ворочалась, часто просыпалась и убеждалась, что по-прежнему одна. Утром она встала разбитая, с покрасневшими глазами, и в довершение ко всему оказалось, что Закери уже уехал в свою лондонскую контору. Днем она с трудом обрела свою обычную живость, а мысль о еде вызывала у нее особенное отвращение. Посмотрев в зеркало и увидев свое усталое лицо, Холли тяжело вздохнула: наверное, Закери прав, мелькнула у нее мысль, и она подхватила на фабрике какую-то заразу.

Днем она долго спала, плотно задернув занавеси на окнах, чтобы в комнату не проникал свет. Она уснула в изнеможении, а проснувшись, увидела рядом с собой мужа, сидевшего в кресле у кровати.

— С-сколько сейчас времени? — спросила она слабым голосом, пытаясь приподняться на локтях.

— Половина восьмого.

Поняв, что проспала дольше, чем намеревалась, Холли виновато вздохнула.

— Неужели я заставила всех ждать меня к ужину?.. Ах, я должна была...

Закери тихо шикнул на нее и уложил обратно на подушку.

— Мигрень? — негромко спросил он.

Она покачала головой:

— Нет, я просто устала. Плохо спала ночью. Я хотела вас... то есть... вашего общества...

Он тихо засмеялся. Потом выпрямился, расстегнул жилет и бросил его на пол, затем развязал галстук.

— Мы велим принести ужин сюда. — Белое знамя его рубашки мелькнуло и исчезло. — Немного погодя, — добавил он, окончательно избавился от одежды и лег к ней.

* * *

В течение следующих двух недель Холли чувствовала себя не в своей тарелке. Усталость

угнездилась глубоко внутри и не уходила, сколько бы она ни спала. Ей требовались усилия, чтобы сохранять обычную бодрость, и к концу дня она становилась раздраженной и печальной. Она похудела, что поначалу ей даже понравилось, но при этом глаза ввалились, и выглядела она неважно. Послали за семейным доктором, но он никаких болезней не обнаружил.

Закери обращался с ней необычайно бережно и терпеливо, приносил ей сладости, романы и забавные гравюры. Когда стало ясно, что у нее при всем ее желании нет сил заниматься любовью, он возмещал это нежностью и лаской. По вечерам он купал ее, втирал в ее сухую кожу ароматные кремы, баюкал и целовал ее, словно она была его любимым дитятей. Послали за другим доктором, потом за третьим, но не слышали ничего, кроме «упадка сил» — диагноз, произносимый докторами, когда они не могут определить болезнь.

— Не понимаю, почему я такая усталая! — капризно воскликнула Холли как-то вечером. Они сидели у огня, и Закери расчесывал ее длинные волосы. В комнате было тепло, почти душно, но ее почему-то знобило. — Для упадка сил нет никаких оснований — у меня всегда было прекрасное здоровье, и раньше со мной не случалось ничего подобного.

Осторожные движения расчески прекратились, потом снова возобновились.

— Надеюсь, худшее уже позади, — слышался его тихий голос. — Сегодня вы выглядите намного лучше.

Расчесывая ей волосы, он рассказывал о том, что они сделают, когда она поправится: будут путешествовать, он покажет ей всякие экзотические места. Она уснула у него на коленях, не перестав улыбаться, голова покоилась на его руке.

На следующее утро, однако, ей стало гораздо хуже. Ее бил озноб, все тело пылало. Холли смутно слышала голоса, как сквозь сон ощущала на лбу ласковую руку Закери и осторожные пальцы Полы, прикосновение салфетки, смоченной в холодной воде. Ей казалось, что, если эти движения прекратятся, жар спалит ее. Еще она слышала собственный голос, шепчущий какие-то бессмысленные слова, потом на мгновение наступала ясность, и она понимала, что говорит:

— Помоги мне, мама... пожалуйста, не останавливайся...

— Дорогая Холли, — слышался знакомый добрый голос Полы, и мать Зака обтирала ее бедное тело салфеткой, старательно, без усталости и без остановок.

Как-то она слышала голос Закери, отдававшего приказания слугам и посылающего лакея за врачом, и в нем звучали какие-то новые тревожные нотки. Он напуган, подумала она... Холли попробовала позвать его, убедить, что она непременно поправится... Но он ее не слышал. Казалось, что этот страшный огонь внутри будет с ней всегда, пока не выжжет дотла и Холли не исчезнет.

Приехал новый доктор, красивый, белокурый, на вид — ровесник Холли. Она привыкла к пожилым врачам, с седыми бакенбардами, опытным и знающим, поэтому Холли засомневалась, будет ли прок от доктора Линли. Однако во время осмотра она почувствовала, что жар немного спал, словно взошедшее солнце разогнало грозовые облака. С осторожной живостью, отчасти ее успокоившей, Линли отставил в сторону укрепляющее снадобье с бренди и послал на кухню за бульоном, чтобы она подкрепилась. Затем он вышел переговорить с Закери, ожидавшим за дверью.

Наконец муж вошел к ней. Он осторожно взял кресло и придвинул к кровати.

— Мне понравился этот доктор Линли, — пробормотала Холли.

— Я так и думал, — сухо отозвался он. — Я чуть было не дал ему от ворот поворот,

когда увидел, каков он из себя. И впустил его только из-за его превосходной репутации.

— Ах, ну... — Холли с усилием слабо махнула рукой, прекращая разговоры о красивом эскулапе. — Наверное, он достаточно хорош собой... на вкус тех, кому нравятся золотистые Адонисы.

Закери усмехнулся:

— К счастью, вы предпочитаете Гадеса, бога подземного царства.

Она издала некий звук, который должен был символизировать фырканье.

— Именно на него вы и похожи в настоящий момент... И это не случайное сходство, — улыбнулась она, разглядывая его. Он, как всегда, был невозмутим и самоуверен, его беспокойство выдавала только мертвенная бледность лица. — Каков диагноз доктора Линли? — спросила она шепотом.

— Тяжелый случай инфлуэнцы, — небрежно ответил Закери. — Вам нужно лежать, набраться терпения, и вы...

— Это тиф, — прервала его Холли.

Естественно, врач посоветовал ему скрыть от нее правду, чтобы она не волновалась. Она подняла тонкую бледную руку и показала ему маленькое розовое пятно на сгибе локтя.

— На животе и груди у меня их еще больше. В точности как у Джорджа.

Закери сосредоточенно смотрел на свои ботинки, засунув руки в карманы. Он казался погруженным в глубокую задумчивость. Но когда он поднял глаза, она увидела в них ужасный страх. Она хлопнула рукой по кровати. Он медленно подошел, сел и опустил свою тяжелую голову к ней на грудь. Обхватив руками его сильные плечи, Холли прошептала:

— Дорогой мой, я выздоровею.

Он содрогнулся всем телом, а потом с пугающей быстротой овладел собой и выпрямился.

— Конечно, — сказал он.

— Отошлите Розу, чтобы она не заразилась. К моим родителям в деревню. И Элизабет, и вашу матушку...

— Матушка хочет остаться и помогать ухаживать за вами.

— Но она рискует... — запротестовала Холли. — Заставьте ее уехать, Закери.

— Мы, Бронсоны, чертовски крепкий народ, — усмехнулся он. — Когда в трущобах начинались эпидемии, нас ничто не брало. Скарлатина, лихорадка, холера... — Он махнул рукой, словно отгоняя комара. — Мы не заразимся!

— Еще недавно я могла бы сказать то же самое о себе. — Она улыбнулась пересохшими губами. — Раньше я никогда по-настоящему не болела. Интересно, почему же я свалилась теперь? Ведь ухаживала за Джорджем все время, пока он болел тифом, и ничего.

При упоминании о ее покойном муже Закери побелел, насколько это еще было возможно. Он испугался, что ее ждет такой же конец, как и Джорджа.

— Я поправлюсь, — повторила Холли. — Нужно только поспать. Разбудите меня, когда принесут бульон. Я выпью все до капли... чтобы показать вам...

Но она забыла и о бульоне, и обо всем на свете, потому что налетели страшные сны и весь мир исчез в их лихорадочном водовороте. Она устала от них и все же не могла прекратить их поток. От нее больше ничего не зависело, и день превратился в ночь.

Временами она чувствовала, что Закери рядом. Она припадала к его большим, ласковым рукам, слышала его успокаивающее бормотание, а тело ее в это время корчилось от боли. Он был такой сильный, такой энергичный, такой живой, и она тщетно пыталась вобрать в себя

хоть немного его жизненной силы. Но он не мог передать ей свою силу, не мог защитить ее от свирепого жара. Она должна была сама бороться, и, усталая, охваченная отчаянием, она чувствовала, как ее воля к выздоровлению начинает таять. И с Джорджем было то же самое. Тиф требователен и жесток, он иссушил его, и в нем пропало желание жить. До сих пор Холли не понимала, как ему было трудно, а теперь она простила ему, что он перестал сопротивляться. Она сама была очень близка к этому. Мысль о Розе и Закери еще не утратила над ней власти, но она так устала, и боль уводила ее от них, не давая передышки.

* * *

Прошло три недели с тех пор, как Холли слегла. Недели, которые навсегда останутся в памяти Закери как время непрекращающихся страданий. Хуже, чем бред, для него были периоды, когда она приходила в сознание и, нахмутив лоб, шептала заботливые слова. Он не ест и не спит как следует, говорила она. Он должен получше заботиться о себе. Скоро она пойдет на поправку, говорила она... сколько это уже продолжается?.. Ну что же, тиф бывает не дольше месяца. И как только Закери позволял себе поверить, что ей и в самом деле лучше, она снова погружалась в лихорадочный бред, а его охватывало еще большее отчаяние, чем прежде.

Он удивлялся, когда за завтраком ему подавали газету. Проглотив немного хлеба или фруктов, он бросал взгляд на первую страницу — не для того, чтобы читать, но для того, чтобы изумиться: в мире все идет по-прежнему! Его жизнь летела под откос, умирала любимая, и при этом в деловом, политическом мире, в свете события шли своим чередом. Правда, его испытание на выносливость не осталось незамеченным. По мере того как распространялось известие о болезни Холли, начали приходить письма.

Все, начиная с самых верхов и кончая людьми попроще, хотели выказать сочувствие и пожелать здоровья заболевшей леди Бронсон. Аристократы, дотоле относившиеся к новобрачным разве что не с открытым презрением, теперь явно стремились проявить свое расположение. Казалось, по мере развития болезни популярность Холли возрастает и все начинают претендовать на звание ее друзей. Сколько лицемерия, угрюмо думал Закери, глядя на главный вестибюль, заполненный вазами с цветами, корзиночками с желе, блюдами с бисквитами, фруктовыми напитками и серебряными подносами, на которых громоздились кипы посланий. Случалось даже, что кто-то заходил, не боясь заразиться, и Закери испытывал дикарское наслаждение, выгоняя визитеров. В дом он впустил только одного, того, кого ожидал, — лорда Блейка, графа Рейвенхилла.

Почему-то Закери понравилось, что тот не принес очередной бесполезной корзины с деликатесами или ненужного букета. Лорд Блейк пришел утром, он был одет скромно, и его белокурые волосы отливали золотом даже в сумрачном вестибюле. Закери никогда не смог бы стать другом этому человеку — своему сопернику, претендовавшему на руку Холли. Но он чувствовал к нему невольную благодарность: Холли передала ему слова Рейвенхилла о том, что следует слушаться сердца, а не исполнять пожелания Джорджа Тейлора. То, что Рейвенхилл поддержал Холли в момент трудного выбора, заставило Закери отнестись к нему немного лучше.

Гость подошел к нему, пожал руку, потом внимательно взгляделся. От светлых серых глаз не укрылись налитые кровью глаза Закери и его поникшая, исхудавшая фигура. Внезапно

Рейвенхилл отвел глаза и потер подбородок, словно обдумывал важную проблему.

— О Боже, — прошептал он наконец.

Закери с легкостью прочел его мысли: если бы Холли не была серьезно больна, ее муж не выглядел бы так ужасно.

— Можете подняться к ней, если хотите, — бросил Закери.

Жесткая усмешка тронула аристократические губы Рейвенхилла.

— Не знаю, — проговорил он еле слышно. — Не знаю, смогу ли выдержать это во второй раз.

— Ну, как хотите.

И Закери, чтобы не видеть муку, исказившую лицо собеседника, резко повернулся и вышел. Он не желал иметь с ним общее горе, воспоминания и ничего вообще. Он давно уже холодно сообщил матери, Мод, экономке и всем слугам, что если они позволят себе заплакать, то будут отправлены из дома сию же минуту. Настроение у прислуги было спокойное, тихое и, как ни странно, безмятежное.

Не заботясь о том, куда направится Рейвенхилл, что станет делать и как найдет без посторонней помощи комнату Холли, Закери принялся бесцельно бродить по дому, пока не оказался в бальном зале. Там было темно, окна закрывали тяжелые портьеры. Он отодвинул бархатную драпировку и закрепил ее, так что длинные полосы солнечного света легли на блестящий паркет и стену, обитую зеленым шелком. Уставившись в огромное зеркало в позолоченной оправе, он вспомнил давнишние уроки танцев и как Холли стояла рядом и с серьезным видом объясняла ему всякие па, а он мог думать только о том, как он ее желает, как он ее любит.

Ее теплые карие глаза смеялись, когда она шутливо говорила: «Я бы не хотела, мистер Бронсон, чтобы вы слишком часто использовали во время уроков танцев ваш боксерский опыт. Вряд ли мне понравится вступить с вами в кулачный бой».

Закери медленно опустился на пол и сел, прислонившись спиной к стене. Глаза его были полузакрыты, голова поникла. Он вспоминал. Он так устал, он не мог ни есть, ни спать, и печаль не отпускала его ни на секунду. Он приходил в себя, только когда наступала его очередь ухаживать за Холли и он мог ежеминутно убеждаться, что она еще дышит, что пульс у нее все еще бьется.

Прошло пять минут — а может статься, и пятьдесят, — и Закери услышал, как в темном сверкающем огромном зале раздался чей-то голос:

— Бронсон.

Он поднял голову и увидел Рейвенхилла, стоявшего в дверях. Граф был бледен и мрачен, но самообладание его казалось сверхъестественным.

— Я не знаю, умрет ли Холланд, — заявил он, — она совсем не кажется такой изнуренной, каким выглядел Джордж на этой стадии болезни. Но я уверен, что у нее начался кризис и необходимо послать за врачом.

Он не успел договорить, как Закери убежал.

* * *

Холли проснулась в какой-то блаженной прохладе, боль и жар отпустили, она расслабилась и ожила впервые за эти недели. Как хорошо, удивленно подумала она и жадно

огляделась, намереваясь поделиться этой замечательной новостью с Закери. Ей хотелось увидеть его и Розу, объяснить им, что страдания последних дней наконец миновали. Но рядом никого не было, и она стояла одна среди прохладного, солоноватого тумана, какой бывает на берегу моря. Она колебалась, не зная, куда идти, недоумевая, как она здесь оказалась. Но тут ее поманили слабые нежные звуки. Казалось, где-то там, впереди, плещет вода, чирикают птицы, шелестит листва. Она побрела туда, ее члены наливались силой, чистый воздух наполнял грудь. Постепенно завеса тумана пала, и она оказалась между блестящей синей водой и бархатными зелеными холмами, которые покрывали роскошные экзотические цветы. Она наклонилась над одним из них с бархатистыми персиковыми лепестками, и его аромат опьянил ее. Ей захотелось смеяться от внезапно нахлынувшей радости. Ах, она уже забыла, каково это — быть совершенно счастливой, какими бывают только невинные дети.

— Какой добрый, какой прекрасный сон! — воскликнула она.

Ей ответил смеющийся голос:

— Ну, это не совсем сон.

Она в растерянности обернулась, ища, откуда донесся этот мучительно знакомый голос, и увидела, что к ней приближается какой-то человек. Он остановился и посмотрел на нее синими глазами, которые она никогда не забывала.

— Джордж, — сказала она.

* * *

Светлая свежая кожа Холли приобрела сливовый оттенок, дышала она часто и прерывисто и вся горела. Глаза были полуоткрыты и странно неподвижны. Одета в белую сорочку, покрытая одной легкой простыней, она казалась маленькой и беззащитной, как ребенок в своей колыбели. Она умирает, в оцепенении решил Закери. О том, что будет потом, он думать не мог. Да, собственно, и не будет ничего. Не останется ни надежд, ни ожиданий, ни нежности, ни счастья, словом, его жизнь закончится тогда же, когда умрет Холли. Он молча стоял у стены, пока доктор Линли осматривал больную. Пола и Мод тоже вошли в спальню, стараясь изо всех сил не выдавать своих чувств.

Доктор подошел к Закери и тихо сказал:

— Мистер Бронсон, единственное, что я могу сейчас сделать для вашей жены, — это дать ей что-нибудь, что облегчит ее уход в мир иной.

Закери не требовалось дальнейших объяснений. Линли предлагал дать Холли снадобье, от которого она спокойно уснет, миновав последнюю, самую мучительную стадию тифа. Он услышал собственное дыхание — слишком быстрое, слишком легкое, отчасти похожее на дыхание Холли. Потом понял, что она дышит как-то иначе, и взглянул на кровать: Холли дышала с трудом.

— Агония! — прозвучал испуганный голос Мод.

Закери почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри. Он уклонился от внимательного взгляда Линли.

— Уходите, — прохрипел он, едва удерживаясь, чтобы не оскалить зубы и не зарычать, как разъяренный зверь. — Оставьте меня с ней наедине. Сию минуту!

Они подчинились без возражений, что несколько удивило Закери. Его мать, выходя,

заплакала, уткнувшись в платок. Он запер за ними дверь и подошел к кровати. Затем сел на постель и обхватил Холли, не обращая внимания на слабый протестующий стон.

— Я пойду за вами и в следующей жизни, если она у меня будет, — прошептал он ей на ухо хрипло. — Вы никогда от меня не избавитесь. Я пойду за вами и в рай, и в ад. — Он шептал и шептал, прижимая ее к себе, как если бы таким образом можно было удержать жизнь в ее теле. — Останьтесь со мной, Холли, — яростно бормотал он, скользя губами по ее горячему, влажному лицу и шее. — Не уходите. Вы останетесь, черт бы вас побрал!

И наконец, когда из его стиснутого спазмом горла уже не вылетало ни звука, он опустил на постель рядом с ней и спрятал лицо на ее пылавшей груди.

* * *

Это действительно был Джордж, но выглядел он как-то иначе, чем при жизни. Он казался очень молодым, глаза у него сияли, весь он лучился силой и здоровьем.

— Холли, милая, — сказал он, тихо смеясь и явно наслаждаясь ее удивлением. — Вы не думали, что я выйду вас встречать?

Хотя ей и было приятно его видеть, Холли отшатнулась, почему-то боясь прикоснуться к нему.

— Джордж, но почему мы вместе? Я... — Она задумалась, и радость ее померкла, ибо она поняла, что соединилась с ним в ином мире, чем жила до сих пор. — Ах! — воскликнула она, и вдруг глаза у нее защипало, и она почувствовала страшное одиночество.

Джордж наклонил голову и посмотрел на нее с ласковым сочувствием.

— Вы не готовы к этому, да?

— Да, — ответила она, все больше отчаиваясь. — Джордж, неужели все кончено? Я хочу сейчас же вернуться обратно!

— В эту тюрьму для тела, к мучениям и борьбе? Не лучше ли пойти со мной? Здесь есть места еще более прекрасные, чем это. — И он протянул ей руку. — Позвольте проводить вас туда.

Она яростно затрясла головой.

— Ах, Джордж, вы могли бы предложить мне хоть тысячу райских мест, но я ни за что... Там есть один человек, я ему нужна, и он мне...

— Да, я знаю об этом.

— Знаете? — Ее изумило, что лицо его не выразило ни упрека, ни сожаления. — Джордж, я должна вернуться к нему и к Розе! Пожалуйста, не вините меня, вы же знаете, я вас не забыла, не перестала вас любить, но... ах... как я люблю его!

— Да, я понимаю. — Он улыбнулся и убрал руку. — Я никогда не стал бы вас упрекать в этом, Холли.

Хотя она не сделала попыток отойти назад, казалось, расстояние между ними увеличилось.

— Вы встретили супруга вашей души, — заметил он.

— Да, я... — Ей показалось, что ее накрыло какой-то волной, а когда волна схлынула, она обрела удивительную ясность. Как хорошо, что он все понимает. — Да, это так.

— Это хорошо, — прошептал он. — Вам удивительно повезло. Когда я попал сюда, я жалел только об одном. При жизни я так мало делал для других людей. Сколько

несущественного занимало наши мысли! Существует только любовь, Холли... наполните ею вашу жизнь, пока это возможно.

Она смотрела ему вслед, и ее снова и снова охватывало смятение.

— Джордж! — неуверенно окликнула она его — ведь ей хотелось так о многом спросить. Он остановился и оглянулся.

— Скажите Розе, что я за ней присматриваю, — ласково улыбнулся напоследок Джордж и исчез.

Она закрыла глаза и почувствовала, что опускается, падает слишком быстро, снова в жар и темноту, где воздух дрожит от яростного рычания, обвивающего ее, точно цепи. Сначала ее испугала эта стремительность, но потом она поняла ее причину. Руки ее казались невероятно тяжелыми, словно были окованы железом. После чудесной легкости ее небесного видения было трудно снова привыкать к этой боли и болезни. Но она с радостью приняла их, понимая, что ей даровано время побыть с тем, кого она любит больше всех на свете. Она протянула руку к губам мужа, остановила поток отчаянных слов и почувствовала, как губы его дрожат под ее пальцами.

— Тише, — прошептала она, радуясь, что его яростная литания стихла. Говорить было ужасно трудно, но она изо всех сил старалась, чтобы он ее понял. — Тише... все хорошо...

Она подняла тяжелые веки и посмотрела на бледного, безумного Закери. Черные глаза были горестно бездонны, на концах ресниц висели слезы. Она медленно погладила его окаменевшее лицо, и оно стало оживать под ее рукой.

— Холли, — вымолвил он. Голос его дрожал и звучал невероятно смиренно. — Вы... вы останетесь со мной?

— Конечно, останусь. — Она вздохнула и улыбнулась, не убирая руки с его лица, хотя на это уходили все ее силы. — Я никуда не уйду... любимый.

— Выше, мама, выше!

Холли отпустила побольше бечевки, и воздушный змей взлетел и поплыл по испещренному облаками небу, его хвост из зеленого шелка развевался от сильного ветра. Роза семенила рядом, в восторге вскрикивая. Вдруг обе они запутались в своих юбках и упали, отчаянно смеясь. Тут же вскочив, Роза схватила моток бечевки и побежала дальше, и ее каштановые локоны летели следом за ней, точно знамена победителя. Холли осталась лежать. Она расслабилась, растянулась на зеленой траве, и солнце било прямо ей в лицо.

— Холли! — Ее блаженство прервал тревожный голос мужа.

Она перевернулась на бок и вопросительно улыбнулась. Он шел, почти бежал к ней от дома, и его лицо было хмурым.

— Вы, наверное, смотрели из окна библиотеки, — догадалась Холли и поманила его пальцем, чтобы он сел рядом.

— Я видел, как вы упали. — Он присел рядом с ней на корточки. — С вами ничего не случилось?

Холли потянулась, не думая о том, что может испачкать травой платье, и зная, что похожа сейчас скорее на деревенскую девчонку, чем на светскую даму, какой была когда-то.

— Подойдите ближе, и я вам покажу, — произнесла она гортанно.

Невольный смех сорвался с его губ, когда взгляд скользнул по ее распятой фигуре, по задравшимся юбкам, открывающим щиколотки в белых чулках. Холли лежала под его внимательным взглядом, не шевелясь и ожидая результата. За шесть недель, прошедших после болезни, здоровье ее совершенно восстановилось. Она снова стала розовощекой и оживленной и даже немного пополнила. Холли еще никогда не выглядела и не чувствовала себя лучше, и вместе со здоровьем к ней вернулось желание близости с собственным мужем.

По иронии судьбы Закери приходил в себя гораздо медленнее, чем она. Хотя он был так же нежен и насмешлив, как раньше, но держался с неизменным напряжением, прикасался к ней с излишней осторожностью, словно она была такой хрупкой, что любое движение могло причинить ей боль. Хотя он отчасти восстановил свой вес, но был еще слишком худ, слишком нервен, словно ждал, что на него вот-вот набросится некий невидимый враг.

Он не ласкал ее с тех пор, как она заболела. Он желал ее, в этом нельзя было сомневаться. Ведь после двух месяцев воздержания мужчина с его темпераментом должен был ужасно страдать. Но все ее поползновения наталкивались на его деликатные отказы и обещания, что они будут близки, когда ей станет лучше. Очевидно, у него были свои представления о ее здоровье, сильно отличавшиеся даже от мнения доктора Линли. Доктор тактично сообщил ей, что она в состоянии возобновить обычную супружескую жизнь, когда ей захочется. Но она никак не могла убедить Закери, что более чем здорова и может принять его в своей постели.

Холли хотела, чтобы он был счастлив, расслабился в ее объятиях, и она бросила на него вызывающий взгляд.

— Поцелуйте меня, — сказала она. — Здесь никого нет, кроме Розы... а она вряд ли будет возражать.

Поколебавшись, Закери наклонился и нежно коснулся ее губами. Она обвила его шею, нащупала мускулы, твердые как сталь. Притянув его к себе, она коснулась его уст языком, но

он осторожно взял ее запястье и снял ее руку со своей шеи.

— Нужно идти. — Он тяжело вздохнул. — Работа ждет.

Рассмеявшись, он легко поднялся и бросил на нее взгляд, полный любви. А потом пошел к дому, а она, сидя на земле, задумчиво смотрела вслед его высокой удаляющейся фигуре.

Нужно что-то предпринимать, подумала Холли, одновременно злясь и забавляясь. Она никогда не думала, что будет так трудно соблазнить Закери Бронсона. Он словно боится прикоснуться к ней. Когда-нибудь, конечно, он займется с ней любовью, когда окончательно убедится, что не может ненароком повредить ей. Но ей не хотелось ждать. Она хотела его сейчас, своего полного жизни и силы любовника, чья страсть доводила ее до безумия. Но вместо него лицезрела осторожного, внимательного джентльмена, излишне сдержанного ради ее же блага.

* * *

После долгого дня, проведенного в своей городской конторе, Закери наконец вошел в дом. Переговоры, которые он вел, оказались неожиданно трудными, но он в итоге приобрел львиную долю бирмингемской фабрики металлических изделий, производившей цепи, гвозди и иглы. Трудности заключались в том, чтобы убедить своих будущих партнеров доверить руководство фабрикой его управляющему. Тогда у рабочих будет нормальный рабочий день, детей на работу нанимать не станут, и половина прибыли будет вкладываться в перспективные предприятия. Наткнувшись на ослиное упрямство партнеров, он уже было собрался отказаться от этой сделки, но, поняв это, они сдались.

После бурных переговоров он никак не мог успокоиться. Его еще переполняла готовность к сражению, хотелось выплеснуть накопившуюся энергию. К несчастью, его излюбленный способ — посетить спальню — все еще был для него недостижим. Он знал, что Холли встретит его с радостью, но как он боялся ей повредить! Она до сих пор казалась ему беззащитной и хрупкой, и он приходил в ужас при мысли о том, что сделает ей больно, слишком крепко обняв. Но нерастроченные чувства одолевали его. Он так давно не занимался с ней любовью, что боялся накинуться на нее, точно бешеный зверь, когда наконец окажется рядом.

Был четверг, и слуги, как обычно в этот день, были отпущены на весь вечер, и дом казался тихим и пустым. Пройдя через холл в столовую, Закери обнаружил, что холодный ужин, который кухарка всегда оставляла для него в свой выходной, отсутствует. Посмотрев на карманные часы, он узнал, что опоздал всего на четверть часа. Возможно ли, что все семейство уже отужинало и разошлось по своим комнатам? Почему не видно ни одного человека и на его зов никто не откликнулся? Дом казался вымершим.

Нахмурившись, Закери направился к парадной лестнице. Уж не случилось ли чего-нибудь? И он ускорил шаг. Но тут он увидел это. Розу с багровыми лепестками, аккуратно положенную на нижнюю ступеньку. Он поднял цветок, шипы на длинном стебле были старательно обрезаны. Пройдя еще немного, он нашел следующую розу на шестой ступеньке, и еще одну — на двенадцатой. Устремив взгляд вверх, он увидел, что алые розы показывают ему, куда идти.

Улыбка появилась на его губах. Он шел по тропе из роз, неторопливо присоединяя к

своему букету все новые и новые цветы. Они были сочные и ароматные, их сладкий запах дразнил его и возбуждал. С охапкой роз в руках он подошел к двери в собственную спальню. Последний цветок висел на красной ленточке, привязанной к дверной ручке. Закери казалось, что он грезит, он открыл дверь и перешагнул через порог.

Маленький столик, уставленный серебряными тарелками и серебряными подсвечниками со свечами, стоял в углу. Рядом с накрытым на двоих столиком сидела его темноволосая красавица жена, одетая в нечто черное и прозрачное. Сквозь сие порочное одеяние недвусмысленно просвечивало тело, и он устался на нее в изумлении.

— А где все?

Холли взмахнула розой, словно то была волшебная палочка.

— Я сделала так, что они исчезли. — Загадочно улыбаясь, она подошла к нему и обняла. — А теперь, что вы хотите сначала? — спросила она. — Ужин?.. Или меня?

Розы с шелестом упали на пол. Он стоял среди цветов, а она прижималась к нему, шелковистая, душистая, воплощение женственности. Руки Закери обхватили ее тонкий стан. Он ощутил ее теплую плоть под прозрачным черным шелком, и этого оказалось достаточно, чтобы во рту у него пересохло. Он попытался себя контролировать, но он так истомился, тело его столько вытерпело... Он молча стоял, судорожно сглатывая, а ее маленькие умелые руки торопливо расстегивали пуговицы, тянули за рукава рубашки. Холли перевела взгляд на его лицо...

— Полагаю, это и есть ответ на мой вопрос, — пробормотала она и принялась освобождать его от оставшейся одежды.

Наконец Закери обрел дар речи:

— Холли, я опасюсь... ах, Боже мой... я не смогу сдержаться!

— Да и не нужно, — просто сказала она и притянула его к себе.

Он упирался, лицо его выражало страдание.

— Если из-за меня вы снова заболите...

— Милый. — Она погладила его по щеке и нежно улыбнулась. — Разве вы не понимаете, что ваша любовь может только придать мне сил? — Кончиком пальца она осторожно коснулась уголка его напряженных губ. — Сделайте меня сильной, Закери, — прошептала она. — Прошло столько времени.

Застонав, он впился в нее губами, проник языком ей в рот и испытал такое наслаждение, что чуть не обезумел. Он целовал ее без конца, осязал, поглаживал, впитывал, а его руки обхватывали ее покрытые шелком груди, округлые бедра, изгиб спины. Он увлек ее к постели. Зак лег на Холли, его руки и губы блуждали по ней, а она шепотом торопила его, чтобы он расстегнул ей платье.

— Там есть пуговицы, — задыхалась она, — нет... выше... да, и ленточка, она завязана... ах, да...

Его всепоглощающее безумие не давало ему справиться с хитроумной застежкой, и в конце концов он просто задрал прозрачные юбки к талии и опустился между ее раскрытыми бедрами. Он пылко проник в ее шелковистые жаркие глубины. Изящные полукружия ее ногтей впивались ему в спину, а он содрогался и двигался все сильнее, быстрее, пока наконец все не кончилось ослепительным взрывом. На мгновение показалось, что он не выдержит и страсть сожжет его... Она отчаянно застонала, и он прижимал ее, возносясь на небеса и умирая, пока не стихли последние содрогания.

Они лежали рядом, сплетаясь, расслабляясь и наслаждаясь ощущениями, наполнявшими

их. Закери провел пальцами по нежной коже жены. Увидев на подушке розу, он сорвал ее нежный раскрытый цветок и провел им по роскошному телу Холли.

— Закери, — запротестовала она и покраснела.

Он удовлетворенно усмехнулся, впервые за эти месяцы ощущая покой.

— Ведьма, — пробормотал он. — Вы же знаете, мне хотелось еще подождать, чтоб не причинить вам вреда.

Холли приподнялась над ним с торжествующей улыбкой:

— Вы не всегда понимаете, что для меня лучше.

Он погрузил пальцы в ее волосы.

— А что для вас лучше? — прошептал он, — Вы, — сообщила она. — И как можно чаще.

Закери влюбленно посмотрел на ее улыбающееся лицо.

— Полагаю, я могу оказать вам такую услугу, любовь моя.

И он крепко обнял ее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

Примечания

в курсе (фр.).

с семьей (фр.).

Баньши в кельтском фольклоре — дух-плакальщица, чьи вопли предвещают смерть.

дорогой подруге (фр.).

ложный шаг (фр.).

Название шелковой ткани (фр.).

Разновидность крепа (фр.).